DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3 ISSN 2686-9241 (print), 2686-8377 (online)

ПРАВОСУДИЕ
JUSTICE

2026
Том 8, № 3

2026
Vol. 8, no. 3

Научный журнал

Учредитель и издатель:
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

Scientific Journal

Founder and Publisher:
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
http://justice.study

© «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», 2026

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1), включен в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (3 уровень).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

Отпечатано в ОАО «Паблит» (Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1).
Подписано в печать 25.09.2026, выход в свет: 30.09.2026
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 120 экз. Свободная цена

The academic and scientific journal "Pravosudie/Justice" publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal's aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1), included in the Unified State List of Scientific Publications – "White List" (level 3).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law)
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal adress:
69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal "Pravosudie/Justice" is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC "Pablit" (build. 1, 31B, Polyarnaya St., Moscow).
Signed to print 25.09.2026, publication date: 30.09.2026
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 120. Flexible price

Главный редактор

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антюшин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Габов Андрей Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Тисен Ольга Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Entrepreneurial and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey V. Gabov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor at the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Olga N. Tisen (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Нерсесянц А. В. Regnum caesaris и regnum Dei: столкновение двух концепций правосудия в раннехристианских судебных протоколах 8

Рафалюк Е. Е. Использование герменевтики при толковании юридических текстов и решении нормативно-юридических конфликтов 21

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Головушкина Н. В. Дисциплинарная ответственность судей и нотариусов в Российской Федерации 35

Колосова Н. М., Шаяхметова А. Г. Современная модель российской административной юстиции и опыт Республики Казахстан 56

Морозова Н. А. Административно-деликтный комплаенс и вина юридических лиц в совершении административных правонарушений 67

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Гинзбург И. В. Исключение доказательств в гражданском процессе как дискреционное полномочие суда (сравнительно-правовое исследование)..... 82

Кручек И. В. Нуждаемость как универсальная характеристика субъекта – получателя социально-обеспечительного правоотношения. Теоретические и практические проблемы оценки..... 97

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бычков С. Н., Берестовой А. Н. Анализ «публичной демонстрации» совершаемого (совершенного) преступления как конститутивного и квалифицирующего признака преступления и как обстоятельства, отягчающего наказание.....111

Качалова О. В. Оправдание в уголовном процессе 121

Рахманова Е. Н. Ответственность за торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации и за порнографию в отечественном и международном уголовном праве в начале XX столетия 134

Цыреторов А. И. Уголовное судопроизводство как взаимодействие людей: оптимальные параметры сотрудничества 148

УСТАНАВЛИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Николюк В. В. Профессор И. В. Михайловский и его «судебное право» 163

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Нешатаева В. О. Международное судопроизводство в эпоху искусственного интеллекта 172

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

A. V. Nersesyants. Regnum caesaris and *regnum Dei*: the clash of two concepts of justice in early Christian judicial protocols 8

E. E. Rafalyuk. The use of hermeneutics in the interpretation of legal texts and the resolution of legal conflicts 21

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

N. V. Golovushkina. Disciplinary liability of judges and notaries in the Russian Federation 35

N. M. Kolosova, A. G. Shayakhmetova. The modern model of Russian administrative justice and the experience of the Republic of Kazakhstan..... 56

N. A. Morozova. Offenses-compliance and the organizations' guilt in administrative offenses..... 67

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

I. V. Ginzburg. Exclusion of evidence in civil proceedings as a discretionary power of the court (comparative legal study) 82

I. V. Kruchek. Need as a universal characteristic of the subject – recipient of social security legal relationship. Theoretical and practical problems of assessment 97

CRIMINAL LAW SCIENCES

S. N. Bychkov, A. N. Berestovoy. Analysis of the "public demonstration" of a crime being committed (completed) as a constitutive and qualifying feature of a crime and as a circumstance aggravating the punishment.....111

O. V. Kachalova. Justification in criminal proceeding..... 121

E. N. Rakhmanova. Responsibility for human trafficking for the purposes of sexual exploitation and for pornography in domestic and international criminal law at the beginning of the 20th century..... 134

A. I. Tsyretorov. Criminal justice as interaction between people: optimal cooperation parameters..... 148

THE LINK OF TIMES

V. V. Nikoluk. Professor I. V. Mikhailovsky and his "Judicial Law"..... 163

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

V. O. Neshataeva. International adjudication in the age of artificial intelligence 172

Научная статья
УДК 340.12
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.8-20

Regnum caesaris и regnum Dei: столкновение двух концепций правосудия в раннехристианских судебных протоколах

Анна Владиковна Нерсесянц

Институт государства и права, Российская академия наук, Москва, Российская Федерация
nersesancanna@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-0154-4521

Аннотация

Введение. В статье проанализирован феномен раннехристианского мученичества как точка предельного напряжения между двумя несовместимыми концепциями правосудия: римским «царством кесаря» (regnum caesaris) и христианским «царством Божьим» (regnum Dei). Анализ данной проблемы осуществлен на основе исторических документов II–III вв., которые вошли в сборник Г. Музурилло «Акты христианских мучеников», включающий в себя двадцать восемь судебных протоколов, а также дневниковые записи мучеников, написанные в ожидании приговора. Основное внимание уделено двум наиболее выразительным, по мнению автора, материалам – «Мученичеству Поликарпа Смирнского» (155 г.) и «Деяниям Филиаса» (306 г.). Эти исторические источники представляют собой не столько агиографическую литературу, сколько корпус процессуальных документов, свидетельствующих о том, что римское право утверждало абсолютную власть императора над жизнью и смертью подданных. Такому пониманию сути правосудия противопоставлен христианский подход, согласно которому над земной властью возвышается Божественное правосудие, в компетенции которого находится вечная судьба человека. Анализ протоколов позволяет выявить непреодолимую онтологическую границу между земной властью, распространяющейся на тело и его временное существование, и Небесным правосудием, во власть которого после смерти переходит бессмертная душа. В этом противостоянии кристаллизуется фундаментальный евангельский принцип: «кесарево кесарю, а Божие Богу», который впоследствии ограничил притязания империи на тотальный контроль над личностью.

Методы. В исследовании использован историко-правовой метод анализа судебных протоколов из сборника Г. Музурилло, позволяющий осуществить общую реконструкцию римского правосудия эпохи раннего христианства, а также выделить различия в подходах римской власти к судебному процессу над христианами в начальный период преследований христиан и в эпоху Великого гонения.

© Нерсесянц А. В., 2026

Результаты исследования. Автор показывает, что каждая казнь несломленного христианина – это не триумф имперской власти, а запротоколированное свидетельство существования недоступной для земной власти сферы Божественного правосудия. В контексте сопоставления христианского правового мировоззрения и римского правосознания особое внимание уделено древнегреческому этико-правовому понятию hybris (высокомерие) как ключевой характеристике представителей римской администрации, в силу которой их властный произвол превращает правосудие в узурпацию сакральных функций, когда воля чиновника стоит выше божественной справедливости.
Обсуждение и заключение. Полемизируя с подходами, сводящими феномен мученичества лишь к акту гражданского неповиновения, автор предлагает понимание данного феномена как метафизического выбора, в котором совесть и вера в Божественную справедливость выступают определяющим ориентиром. Разделение юрисдикций на земную (телесную) и небесную (духовную) рассматривается как первый исторический прецедент утверждения свободы совести, во многом предопределивший развитие новоевропейских концепций прав человека и правового государства.

Ключевые слова: римское право, христианское мученичество, земное правосудие, Божественное правосудие, равенство, свобода, мера, regnum caesaris, regnum Dei, Страшный Суд, hybris

Для цитирования: Нерсесянц А. В. Regnum caesaris и regnum Dei: столкновение двух концепций правосудия в раннехристианских судебных протоколах // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 8–20. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.8-20.

Original article

Regnum Caesaris and *Regnum Dei*: the Clash of Two Concepts of Justice in Early Christian Judicial Protocols

Anna V. Nersesyants

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
nersesancanna@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-0154-4521

Abstract
Introduction. The article analyzes the phenomenon of early Christian martyrdom as a point of extreme tension between two incompatible concepts of justice: the Roman "kingdom of Caesar" *(regnum caesaris)* and the Christian "Kingdom of God" *(regnum Dei)*. The analysis of this problem is based on historical documents of the II–III centuries, which were included in H. Musurillo's collection "Acts of Christian Martyrs," which includes twenty-eight court protocols, as well as diary entries of martyrs written while awaiting sentencing. The main attention is paid to two of the most expressive, in the author's opinion, materials – "The Martyrdom of Polycarp of Smyrna" (155) and "The Acts of Filias" (306). These historical sources are not so much hagiographic literature as a body of procedural documents attesting to the fact that Roman law asserted the emperor's absolute authority over the life and death of his subjects. This understanding of the essence of justice is contrasted with the Christian approach, according to

which Divine justice rises above earthly power, in whose competence lies the eternal fate of man. The analysis of the protocols makes it possible to identify an insurmountable ontological boundary between earthly power, which extends to the body and its temporary existence, and Heavenly justice, into whose power the immortal soul passes after death. In this confrontation, the fundamental evangelical principle crystallizes: "What is Caesar's to Caesar, and what is God's to God," which later limited the empire's claims to total control over the individual.
Methods. The study uses the historical and legal method of analyzing court records from the collection of H. Musurillo, which allows for a general reconstruction of Roman justice in the early Christian era, as well as to identify differences in the approaches of the Roman authorities to the trial of Christians in the initial period of persecution of Christians and in the era of the Great Persecution.
Results. The author shows that every execution of an unbroken Christian is not a triumph of imperial power, but a recorded evidence of the existence of a sphere of Divine justice inaccessible to earthly power. In the context of comparing the Christian legal worldview and Roman jurisprudence, special attention is paid to the ancient Greek ethical and legal concept of *hybris* (arrogance) as a key characteristic of the representatives of the Roman administration, by virtue of which their arbitrary power turns justice into the usurpation of sacred functions, when the will of an official stands above divine justice.
Discussion and Conclusion. Arguing with approaches that reduce the phenomenon of martyrdom only to an act of civil disobedience, the author suggests understanding this phenomenon as a metaphysical choice in which conscience and faith in Divine justice act as a defining guideline. The division of jurisdictions into earthly (bodily) and heavenly (spiritual) is considered as the first historical precedent for the establishment of freedom of conscience, which largely predetermined the development of new European concepts of human rights and the rule of law.

Keywords: Roman law, early Christian martyrdom, earthly justice, Divine justice, equality, freedom, measure, *regnum caesaris, regnum Dei*, the Last Judgment, *hybris*

For citation: Nersesyants A. V. *Regnum caesaris* and *regnum Dei*: the clash of two concepts of justice in early Christian judicial protocols. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(3):8-20. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.8-20.

Период становления христианства в Римской империи породил большое количество агиографических текстов[1], которые в историографии обычно обозначаются как мученичества. Особое значение историки придают мученичествам, написанным непосредственными свидетелями событий. Но даже среди этих редких документов выделяется по своей исторической значимости сборник «Акты христианских мучеников», составленный в XX в. выдающимся филологом Г. Музурилло на основе подлинников, относящихся к II–III вв.

Этот сборник включает в себя двадцать восемь написанных на греческом и латинском языках судебных протоколов, которые являются ценным источником для реконструкции римского правосудия эпохи раннего христианства. Помимо судебных отчетов, таких как «Мученичество Поликарпа», «Акты Филиаса» и др., издание содержит тюремные дневниковые записи мучеников, написанные в ожидании приговора. Как сказано в преамбуле к «Мученичеству святых Перпетуи и Фелицитаты», которое Музурилло включил в свой

[1] Агиографические тексты (от греч. ἁγιος – «святой» и γράφω – «пишу») – это поучительные произведения о жизни и подвигах христианских святых.

сборник, «деяния, повествующие о вере, записанные в древности, служили свидетельством Божьей благосклонности и укрепляли духовный мир людей. Их специально излагали письменно, чтобы воздать честь Богу и утешить людей воспоминаниями о прошлом, запечатленными в слове. Ведь и они однажды станут древними и будут необходимы грядущим поколениям» [1, p. 107]. Надо сказать, что некоторые исследователи, как и составитель сборника, полагают, что автором этого вступления мог быть христианский богослов и юрист Тертуллиан. Далее мы рассмотрим заявленную тему, опираясь преимущественно на издание Музурилло.

Среди комплекса факторов, породивших гонения на христиан со стороны римских властей, русский историк Церкви А. П. Лебедев на первое место поставил причины, которые он назвал государственными. Раскрывая их содержание, он, в частности, отметил «открытое стремление христиан выйти из-под государственного контроля в своей религиозной жизни и убеждениях», поскольку римская власть считала себя «вправе полновластно распоряжаться всею совокупностью жизни граждан» [2, с. 14], включая и ее религиозную составляющую. А советский историк Р. Ю. Виппер обращал внимание также и на обеспокоенность верховной римской власти по поводу того, что христианское учение содержало в себе «туманные угрозы богачам и обещания блаженства нищим» [3, с. 222].

Если перевести это противостояние между христианами и римской властью в теоретическую плоскость, то его можно выразить через концепцию противопоставления «царства кесаря» (regnum caesaris) как соединения земных материальных интересов «царству Божьему» (regnum Dei) как сфере духовного общения [3, с. 151]. Внутреннее напряжение между духовными стремлениями первых христиан и давлением со стороны всесильной власти языческой империи, наверное, нигде не проявилось так наглядно, как в ходе судебных процессов над христианскими мучениками. Помимо указанных выше причин гонений на христиан в контексте нашего анализа важно отметить и неприемлемость для римских властей утверждений христиан о том, что существует иная, Высшая концепция правосудия, которая несовместима с правосудием, осуществляемым земной властью. Более того, приговор, выносимый Божественным Судьей – тем, «кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28), они ставили гораздо выше судебных решений императора или его представителей.

Десакрализация христианством судебных полномочий императора и утверждение исключительной прерогативы Бога как верховного судии создавали ситуацию неустранимого идеологического противоречия, не допускавшего компромисса в рамках системы римского права.

В основе этого противоречия лежало то, что для римского права человек как правовой субъект полностью исчерпывался своим телесным и социальным существованием. А это значит, что власть императора распространялась на все аспекты жизни подданного (на его тело, имущество, семью, социальный статус) и таким образом приобретала характер некой сакральной силы, стоящей над человеком и определяющей его судьбу. Показательно, что известный критик христианского мировоззрения философ Цельс (177–180 гг.) в своем трактате «Правдивое слово» утверждает, что христиане должны признавать божественную санкцию власти императора: император, пишет он,

получил полную власть на земле, а значит, его фортуна обладает сверхъестественной силой, которой нужно отдавать почести. Апеллируя к гомеровскому императиву «един царь да будет» (εἷς κοίρανος ἔστω / heis koiranos esto), Цельс настаивает на неразрывной связи между политической стабильностью империи и единством культа, аргументируя это тем, что, если христианство распространится по Риму, «император окажется в полном одиночестве, а земные дела попадут в руки свирепых варваров» [4, p. 424]. Поэтому, считал философ, если христиане отвергают должные почести императору, то «пусть совсем уйдут из жизни» [4, p. 424].

Бескомпромиссный теоретический ультиматум Цельса нашел свое воплощение в римских судебных процессах, зафиксированных в мученических актах. Анализ материалов сборника «Акты христианских мучеников» позволяет наглядно продемонстрировать суть конфликта христианского правового мировоззрения и римского правосознания, воплощенного в абстракциях римского права. Для такого анализа мы остановимся на двух делах, вошедших в упомянутый сборник, которые представлены в разделах «Мученичество Поликарпа» и «Акты Филиаса». Выбор именно этих дел продиктован хронологической логикой изложения материала, позволяющей проследить, как за полтора столетия (со второй половины II по начало IV в.) изменились характер христианского мировоззрения и римское правосознание.

Святой Поликарп Смирнский: конфликт сакрального императива и имперской лояльности

«Мученичество Поликарпа» представляет собой самое раннее описание христианского мученичества за пределами Нового Завета. О нем стало известно прежде всего из «Церковной истории» богослова Евсевия Кесарийского (263–339 гг.), который описывает судебный процесс над Поликарпом на основе архивов Смирнской церкви.

Речь идет о письме, в котором от лица очевидца описаны арест римлянами, обвинение и жестокая казнь епископа Поликарпа, мучения которого «словно запечатали и прекратили гонение (на христиан) своим мученичеством» [1, p. 73]. Поликарп Смирнский, признанный святым в православной и католической церквях, – это одна из выдающихся фигур раннего христианства. Прежде всего надо отметить, что он был учеником апостола Иоанна, т. е. приближенным к тем, «кто видел Господа, и в епископы Смирнской Церкви в Асии поставлен самими апостолами» [5, с. 163]. Один их святых католической церкви, Альфонсо Мария де Лигуори, описывая жизненный путь Поликарпа, не сомневался в том, что именно о нем шла речь в следующих словах послания, которое Христос велит апостолу Иоанну записать и отправить семи церквям Азии [1, p. 75]: «И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат)... Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2:8–10). Говоря о значении Поликарпа для формирования христианского мировоззрения, важно отметить, что благодаря его ученику, Иринею Лионскому, церковь начала официально утверждать список священных книг, подтверждая авторитет четырех Евангелий [6, p. 154].

Поликарп был казнен в годы правления императора Марка Аврелия (161–180 гг.), философа и гуманиста, отношение которого к христианам – это

сложная тема, требующая отдельного анализа. Несмотря на то что Марка Аврелия называли «философом на троне», в период его правления происходили жестокие гонения христиан. Как пишет А. П. Лебедев, есть основания утверждать, что императором были изданы «…указы против христиан, но о них остается делать более или менее вероятные догадки» [2, с. 41]. Особенно сильно гонения ощущались в Смирне, где проконсул римской провинции Азии[2] Тит Стаций Квадрат, проявлявший варварскую жестокость, «прославился» благодаря мученической казни епископа Поликарпа.

Мы рассмотрим историю суда над Поликарпом в том виде, в каком о ней повествуется в акте «Мученичества Поликарпа». Согласно этому документу римские чиновники, сопровождавшие восьмидесятилетнего старца на суд к проконсулу Стацию Квадрату, пытались убедить его подчиниться императорскому указу, в соответствии с которым христиане могли избежать смерти, если осуществят ритуальное жертвоприношение языческим богам или принесут клятву «фортуной императора». Речь шла о том, что формальное исполнение указанных требований позволило бы снять с Поликарпа обвинение в преступлении против языческого культа. Имелось в виду стандартное обвинение христиан в том, что они не чтут богов. Причем, что принципиально важно для понимания сути конфликта между римским правосознанием и христианским мировоззрением, для римлян религия – это «не внутреннее убеждение, которое недоказуемо, а факт внешнего, обрядового почитания богов» [7, с. 36]. Поэтому опровергнуть факт преступления против культа можно было только фактом принесения жертвы богам или клятвы императору. И это, по мнению практичных римлян, составляло незначительную цену за сохранение жизни. Поликарп же ответил, что скорее претерпит любые мучения и саму смерть, чем сделает то, что ему советуют. После такого ответа римские чиновники отвернулись от старца, сочтя его человеком, погибшим из-за своего упрямства [8, p. 67]. Таким образом, еще до самого суда над епископом резко обозначилось столкновение двух миров и двух мировоззрений, выражавших идейную беспринципность язычества и основанную на ней римскую практичность, с одной стороны, и апостольскую верность идеям христианства – с другой [9, с. 12][3].

Когда Поликарпа доставили на суд к проконсулу Стацию Квадрату, тот также пытался воззвать к благоразумию старца, призвав его дать клятву кесарю и воскликнуть вместе с народом: «Смерть безбожникам!» [8, p. 69]. «Смерть безбожникам!» – отозвался Поликарп, обращая эти слова к толпе язычников [8, p. 69]. Однако прокуратор не остановился на этом и всячески уговаривал старца прилюдно отречься от Христа в обмен на немедленное освобождение. Епископ ответил на это решительным отказом, пояснив, что никогда не предаст своего Бога из страха перед судом земным, ибо страшится лишь Суда Его, карающего отступников [8, p. 69]. Но эти слова старца не остановили прокуратора, который предложил Поликарпу убедить народ в своей невиновности и проявить публичное уважение к императору.

---

[2] Азия – римская провинция на западе Малой Азии, охватывавшая территории Мизии, Лидии, Карии и Фригии.

[3] В этом противостоянии нашло отражение более глубокое «различие функционально-прагматического римского политико-правового мышления и космополитического эллинского» [9, с. 12].

Поликарп же сказал, что признает авторитет Квадрата как представителя власти, которому он готов изложить суть своего учения, однако решительно отверг предложение апеллировать к толпе. Тогда прокуратор пригрозил Поликарпу дикими зверями, на что епископ сказал, что это лишь поможет ему «перейти от смертных страданий к небесной славе» [8, p. 69]. Таким образом, Поликарп не просто не отрекся от веры, но и возвел свое мученичество в ранг высшей чести. В ответ на это толпа язычников стала требовать казни «отца христиан» [5, с. 188], после чего последовал приговор – казнь через сожжение.

Епископ, который, согласно акту «Мученичество Поликарпа», предвидел свою смерть от огня (ранее ему было такое виде́ние), так ответил на объявление приговора: «Огонь горит лишь мгновение; есть другой огонь, вечный» [5, с. 188]. Эти слова были сказаны с таким бесстрашием, что прокуратор был «поражен восхищением» [5, с. 188]. Перед самой казнью возникла ситуация, которая поразила даже самих палачей. Несмотря на то что согласно римскому закону осужденных на сожжение прибивали гвоздями к столбу, чтобы во время предсмертной агонии они не смогли вырваться из пламени, для Поликарпа было сделано исключение. На его просьбу отказаться от гвоздей палачи, отступив перед его спокойной уверенностью, ответили согласием. Далее, как пишет Евсевий Кесарийский в «Церковной истории», пламя костра образовало свод и не тронуло тело мученика, после чего «беззаконные велели палачу пронзить его мечом» и кровь, хлынувшая из тела, потушила огонь. Все это произвело неизгладимое впечатление на язычников, которые, согласно источникам, чаще других христианских мучеников вспоминали именно Поликарпа [5, с. 190].

Чтобы понять, на какую мировоззренческую позицию опирался Поликарп в своем противостоянии римской власти, надо вернуться к упомянутым выше словам римского философа Цельса о том, что христиане должны признавать божественный характер власти императора, поскольку тот благодаря своей фортуне обладает сверхъестественной силой. Здесь важно подчеркнуть, что философ Ориген, вступивший по этому вопросу в полемику с Цельсом, называет императора «basilea anthropon» (греч. βασιλέα ἀνθρώπων), что означает «Царь людей», подчеркивая таким образом земной характер его власти [4, p. 422]. Развивая эту мысль, Ориген поясняет, что христиане не могут клясться «фортуной императора», потому что такая клятва означает либо суеверие, связанное с надеждой на слепой случай судьбы (фортуны), либо демонопоклонство (если под фортуной подразумевается некий дух, т. е. демон) [4, p. 422]. Требуя от христиан так называемой «клятвы фортуной», представители римской власти (как и в случае с требованиями жертвы языческим богам) не столько пытались дискредитировать идею христианства, сколько в силу специфики своего правосознания искренне считали, что сам факт подчинения требованиям закона в данном случае вполне достаточен для снятия обвинения против религии (crimen sacrilegii), поскольку для них религия не была духовным феноменом, а сводилась к внешней, обрядовой стороне. Отказ же в подчинении переводил преступление против религии в преступление государственное: «Отказавшиеся от принесения жертвы богам оказывали презрение к государственной власти. Таким образом, преступление против религии переходило в преступление против власти (crimen laesae majestatis), которое состояло в том, что человек отрицал верховенство власти в данных вопросах» [7, с. 36].

«Акты Филиаса» как образец преследований христиан в эпоху Великого гонения

Эпохой Великого гонения называют период с 303 по 313 г., начавшийся при императоре Диоклетиане. Для этого периода было характерно особо жестокое преследование христиан в Римской империи. Важнейшим историческим свидетельством этой эпохи исследователи считают «Деяния/Акты Филиаса» [10, p. 200]. Данный протокол историки относят к категории документов, которые, без сомнения, были составлены на основе подлинных судебных протоколов и непосредственных отчетов очевидцев [11, p. 85]. Сам протокол, известный как написанный на греческом языке «папирус Бодмера», был обнаружен в середине XX в. [11, p. 85]. Как следует из указанных документов, а также из дошедших до нас свидетельств Евсевия Кесарийского [5, с. 393], Филиас занимал некоторые из высших государственных должностей в городе Тмуис в Египте, был хорошо образованным человеком, сведущим в мирских науках [8, p. 113]. По своему рождению он был язычником, а после обращения в христианство удостоился чести быть назначенным епископом Тмуиса.

Помимо судебных протоколов, сохранился еще один уникальный документ – письмо Филиаса к тмуитам[4], которое епископ отправил незадолго до казни. В этом документе он выступает в качестве свидетеля страданий и стойкости мучеников-христоносцев в Александрии, описывая в подробностях многочасовые пытки над христианами во время допросов прокуратора, когда «одни умирали в пытках, посрамляя врага своей выдержкой; другие, запертые полумертвыми в тюрьме, умученные, умирали через несколько дней» [5, с. 395]. Те мученики, кому удалось восстановить силы после истязаний, проявляли еще большую дерзость. Поставленные перед выбором между отречением через языческое жертвоприношение и казнью, они отвергали «достойную проклятия свободу» и без колебаний принимали смерть [5, с. 395]. Такова квинтэссенция письма, который Филиас направил своим братьям по вере, находясь в заточении. После написания этого письма Филиас был доставлен к Кульциану, префекту Египта.

В тексте папируса Бодмера изложен детальный отчет на греческом языке о судебном процессе над епископом, составленный свидетелями. Греческий оригинал текста начинается с защитной речи епископа, что подчеркивает юридический характер текста. Эта речь Филиаса описывает, как он в пятый раз предстал перед судом префекта после многократных истязаний легионерами, включая «пытки за пределами четвертого колышка» [1, p. 328] (т. е. пытки, превышающие меру и выходящие за пределы разумного). Интересно отметить, что в первых двух колонках, посвященных описанию пыток над Филиасом, несколько раз присутствует древнегреческое слово *hybris* (ὕβρεις) [12, p. 9], которое используется для характеристики поведения представителей римских властей. Это слово обозначает этико-правовое понятие, широко применявшееся в том числе и в судебных процессах Древней Греции[5]. В самом упрощенном виде его можно перевести как высокомерие. Впервые

---

[4] Жители древнего египетского города Тмуис.

[5] О чем свидетельствует, в частности, содержание ряда судебных речей оратора Демосфена.

это понятие появляется еще в поэмах Гомера, где оно используется для характеристики людей, которые оскорбляют без жалости и без меры (ὑβρίζοντες ἀτάσθαλα / hybrízontes atásthala), поступают нечестиво и дерзко [12, p. 8], причем делают это ради собственного удовольствия.

Как упоминается в «Актах Филиаса», после многочисленных hybris со стороны префекта и легионеров, после пыток костедробилкой[6] и т. д. Филиас босиком и в цепях был доставлен из Тмуита в тюрьму Александрии. Прибыв в Александрию, епископ был вновь подвергнут поруганию hybristheis (ὑβρισθεὶς), но не отступил от своей веры. Точно так же, как и ранее, он твердо противостоял многочисленным hybris [1, p. 328]. В этой связи интересно отметить, что именно в hybris был обвинен историками другой римский префект – Понтий Пилат, который вошел в историю как человек, отправивший на казнь Иисуса Христа[7]. В контексте рассматриваемого нами документа hybris и производные от него термины означают, что Филиас не только был подвергнут физическим пыткам, превышающим всякую меру (за пределами, как сказано здесь, четвертого колышка), но и неоднократно подвергался психологическому унижению в форме hybris.

Префект Египта Кульциан, на суд которого был представлен Филиас, первоначально явно не хотел казни епископа. С сугубо языческой прагматичностью он неоднократно предлагал епископу пощадить себя и своих близких, совершив языческий обряд жертвоприношения. На это Филиас отвечал: «Щадя себя и всех мне принадлежащих, я не принесу жертвы» [1, p. 328]. Кульциан попытался убедить Филиаса в том, что даже ученик Оригена, глава Александрийской школы, интеллектуальный лидер христиан Пиерий «спас многих, подчинившись»[8] империи. При этом Кульциан (как ранее это делали и мучители Поликарпа) стремился представить акт жертвоприношения как формальное исполнение долга перед кесарем, не имеющее характера вероотступничества. Епископ же настаивал на том, что жертвоприношение – это акт вероотступничества, т. е. смертный грех, несовместимый с идеей спасения.

В попытке склонить Филиаса к уступкам Кульциан приводил также и аргументы философского характера, ссылаясь на Платона. В частности, опираясь на платонический дуализм души и тела, он говорил о теле лишь как о временной «темнице» души, подчеркивая таким образом, что внешняя формальность в виде ритуала жертвоприношения не способна навредить душе. Филиас парировал этот тезис, утверждая, что учение апостолов превосходит Платона именно потому, что проповедует спасение человека в единении его души и тела (т. е. в их психосоматическом единстве). Для Филиаса тело свято и предназначено к вечности, а значит, любой физический акт (поклон идолу) является реальным, а не формальным предательством Бога. Таким образом,

---

[6] Термин ὀστοκήπους (вскапывающие кости) используется для описания изощренности пыток, которым подвергался Филиас.

[7] Упоминания о hybris Пилата содержатся в трудах таких историков, как Филон Александрийский и Иосиф Флавий.

[8] Пиерий действительно нашел способ избежать казни, который власти трактовали как «подчинение». Однако Евсевий умалчивает об обстоятельствах его «подчинения», о которых говорит Кульциан, сообщая лишь, что Пиерий провел остаток жизни в Риме.

христианское учение о воскресении плоти делает невозможным тот «разумный» компромисс, который предлагает платоническая логика префекта. Для Филиаса осквернение своего тела было недопустимо, так как Христос воплотился, страдал во плоти и воскрес, что означало спасение через физические муки. Таким образом, человеческое тело становится ключевой составляющей этого спасения, что исключает платоническую интерпретацию префекта. Обесценить телесную жертву Христа физическим жестом жертвоприношения языческим богам для Филиаса было равнозначно предательству.

Такой приоритет вечного спасения над физическим выживанием не укладывался в сознании римского префекта. В конце концов Кульциан взывает даже к совести Филиаса, упрекая его в том, что тот поступает бессовестно и безрассудно по отношению к своей семье. Однако Филиас разрушает подобную этику своим ответом: «Я действую не безрассудно, но из заботы о самом себе» [12, p. 412], а также исходя из «высшей (первоочередной) совести» как из первичного и абсолютного обязательства человека. Для римлянина поступать разумно означает сохранить жизни и имущество, а совесть – это прежде всего долг перед людьми, семьей и государством. Для епископа же спасение души обусловлено «высшей совестью», превосходящей мудрость античных философов и узы крови. Такой заботой о себе как о духовной личности он отвергает римское понятие эгоизма, поясняя, что подлинная любовь к себе – это верность Богу.

Диалог заканчивается важной для нашего исследования фразой епископа в ответ на заключительное предложение префекта: «В качестве милости я дарую тебе пощаду; окажи и ты мне милость – принеси жертву». Филиас ответил: «Сделай это благодеяние совершенным: воспользуйся своей властью и исполни то, что тебе приказано» [12, p. 8]. Впечатленный непоколебимостью Филиаса, в ход судебного дела вмешался военный трибун Филором, занимавший высокую должность в системе правосудия: он прилюдно поддержал епископа, потребовав уважения его позиции. Такой вызов со стороны представителя имперской администрации привел префекта в ярость. Открытое признание Филоромом своей солидарности с христианином сделало смертный приговор неизбежным. Разгневанный префект спросил, желает ли Филором разделить судьбу епископа, на что был получен утвердительный ответ. В итоге оба были обезглавлены.

Заключение

Анализ судебных протоколов мученичества Поликарпа Смирнского и Филиаса Тмуитского раскрывает природу конфликта между regnum caesaris и regnum Dei как столкновения двух несовместимых концепций правосудия. Этот антагонизм не исчерпывался религиозными разногласиями или гражданским непослушанием, он обнажал онтологический разлом между земной юрисдикцией, ограниченной смертным телом, и Божественным судом, распространяющимся на бессмертную душу. Важным элементом этого противостояния выступало древнегреческое понятие *hybris,* олицетворяющее собой феномен, который в современной философии обозначается термином «трансгрессия» (от лат. transgressio – «перешагивание», «переход»). Этот термин неклассической философии, удивительным образом созвучный с русским словом «грех», означает переход некой принципиально важной границы как границы меж-

ду возможным и невозможным. В данном случае такой грех предстает как попытка человеческого посягательства на сферу божественной компетенции. В ситуации, когда римские префекты требовали от христиан клятвы «фортуной императора» или ритуального жертвоприношения, они совершали акт самоуправства (ὑβρίζοντες ἀτάσθαλα / hybrízontes atásthala), присваивая себе прерогативы, принадлежащие исключительно Богу.

Таким образом, христианские авторы фиксировали превышение полномочий римскими чиновниками, которые из представителей земного правопорядка превращались в узурпаторов божественного суверенитета. Стойкость мучеников перед лицом смерти служила не просто актом веры, но официальным свидетельством о нарушении империей предустановленной божественной меры, документальным доказательством того, что «царь людей» посягнул на права Небесного Царя. Мученики своей кровью начертали юридическую границу между земным и Небесным царствами, доказав, что существует правосудие выше императорских указов и светской судебной системы.

Дальнейшее взаимодействие этих двух качественно разных онтологий правосудия – светской и духовной – во многом было обусловлено характером влияния христианского мировоззрения на римскую правовую систему в целом. С легализацией и последующим распространением христианства оно уже в IV в. поднялось «…до уровня универсальной и фактически единственной “легитимной” системы координат, в которой воспринималось и оценивалось все античное культурное наследие» [13, с. 93], а затем начало постепенно переходить от отрицания этого наследия как языческого к ситуации, когда «европейская культура накопила в себе то же аксиологическое отношение к праву и мысли (и шире – к рациональности, знанию), которое в свое время способствовало рождению римской юриспруденции» [13, с. 105] и основанного на ней светского правосудия. Однако в современных условиях рационализация права и правосудия начинает обнаруживать негативные моменты [14], что актуализирует проблематику Божественного правосудия.

Список источников

1. The Acts of the Christian Martyrs / ed. and transl. H. Musurillo. Oxford : Clarendon Press, 1972. 363 p.
2. Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. 3-е изд. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. 352 с.
3. Виппер Р. Ю. Рим и раннее христианство. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 267 с.
4. Origen. Contra Celsum libri octo. Eiusdem Philocalia / ed. G. Spencerus. Cantabrigiae : Excudebat Joan. Field, 1658. 701 p.
5. Евсевий Кесарийский. Церковная история. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2013. 544 с.
6. Vinzent M. Scriptures and Tradition in Irenaeus and the Canonical New Testament // Resetting the Origins of Christianity: A New Theory of Sources and Beginnings. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 426 p.

7. Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви : в 4 т. Т. 2 : История Церкви в период до Константина Великого. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. 493 с.
8. Alphonsus de Liguori, St. Victories of the Martyrs; or, Lives of the Most Celebrated Martyrs of the Church // The Ascetical Works / ed. E. Grimm. New York : Benziger Brothers, 1887. Vol. IX. 479 p.
9. Савенков А. Н., Горбань В. С. Всемирная история политической и правовой мысли : моногр. : в 6 т. Т. 1 : Философия и историография юридической мысли. М. : Наука, 2025. 322 с.
10. Knipfing J. R. The Date of the Acts of Phileas and Philoromus // Harvard Theological Review. 1923. Vol. 16, no. 2. P. 198–203.
11. Bremmer J. N. Roman Judge vs. Christian Bishop: The Trial of Phileas During the Great Persecution // Desiring Martyrs: Locating Martyrs in Space and Time / eds. H. O. Maier, K. Waldner. Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2021. P. 81–118.
12. Gernet L. Recherches sur le développement de la pensée juridique et morale en Grèce: (étude sémantique). Paris : Albin Michel, 2001. 476 p.
13. Пономарев Д. Е. Римское право без греческой философии: трудный путь к рождению догматического правоведения // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 89–111.
14. Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 131–154.

References

1. Musurillo H., ed. and transl. *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford: Clarendon Press; 1972. 363 p.
2. Lebedev A. P. *The era of persecution of Christians and the establishment of Christianity in the Greco-Roman world under Constantine the Great*. 3rd ed. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; 2006. 352 p. (In Russ.)
3. Vipper R. Yu. *Rome and early Christianity*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954. 267 p. (In Russ.)
4. Origen. *Contra Celsum libri octo. Eiusdem Philocalia*. Ed. G. Spencerus. Cantabrigiae: Excudebat Joan. Field; 1658. 701 p.
5. Eusebius of Caesarea. *Church history*. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; 2013. 544 p. (In Russ.)
6. Vinzent M. Scriptures and Tradition in Irenaeus and the Canonical New Testament. *Resetting the Origins of Christianity: A New Theory of Sources and Beginnings*. Cambridge: Cambridge University Press; 2023. 426 p.
7. Bolotov V. V. *Lectures on the history of the Ancient Church*. In 4 vols. Vol. 2: History of the Church in the period before Constantine the Great. St. Petersburg: M. Merkushev's Printing House; 1910. 493 p. (In Russ.)
8. Alphonsus de Liguori, St. Victories of the Martyrs; or, Lives of the Most Celebrated Martyrs of the Church. *The Ascetical Works*. Ed. E. Grimm. New York: Benziger Brothers; 1887. Vol. IX. 479 p.

9. Savenkov A. N., Gorban V. S. *World history of political and legal thought*. Monograph. In 6 vols. Vol. 1: Philosophy and historiography of legal thought. Moscow: Nauka; 2025. 322 p. (In Russ.)
10. Knipfing J. R. The Date of the Acts of Phileas and Philoromus. *Harvard Theological Review*. 1923;16(2):198-203.
11. Bremmer J. N. Roman Judge vs. Christian Bishop: The Trial of Phileas During the Great Persecution. *Desiring Martyrs: Locating Martyrs in Space and Time*. Eds. H. O. Maier, K. Waldner. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg; 2021. Pp. 81–118.
12. Gernet L. *Recherches sur le développement de la pensée juridique et morale en Grèce: (étude sémantique)*. Paris: Albin Michel; 2001. 476 p.
13. Ponomarev D. E. Roman law without Greek philosophy: a difficult path to the birth of dogmatic jurisprudence. *Antinomii*. 2024;24(1):89-111. (In Russ.)
14. Habermas J. Rationalization of law and the diagnosis of modernity. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*. 2011;10(3):131-154. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Анна Владиковна Нерсесянц, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук (Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10).
Anna V. Nersesyants, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher at the Philosophy of Law, History and Theory of State and Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 340.115
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.21-34

Использование герменевтики при толковании юридических текстов и решении нормативно-юридических конфликтов

Елена Евгеньевна Рафалюк

Суд Евразийского экономического союза, Минск, Республика Беларусь
rafaliuk_e@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1563-8926

Аннотация

Введение. В статье рассматривается роль герменевтики как искусства толкования в интерпретации юридических текстов. Цель статьи – исследовать применение герменевтики как метода при толковании юридических текстов и преодолении конфликтов правовых норм. Задачами исследования являются: выявить особенности толкования юридических текстов посредством герменевтического подхода; обозначить практический аспект правотолковательной деятельности как средства решения нормативно-юридических конфликтов.

Методы. В качестве общей методологической позиции используется подход к праву как явлению культуры, что обосновывает возможность исследования юридического текста как текста знаковой (символической) природы, а значит, и применение герменевтики к толкованию права.

Результаты исследования. Исследование позволяет признать, что профессиональное юридическое толкование отличается от философского необходимостью сделать окончательный выбор варианта толкования (прервать герменевтический круг) и санкционировать его в интерпретационном акте. Взаимосвязь толкования права и решения юридических конфликтов выражается в том, что толкование права позволяет выявлять смысл конфликтующих правовых предписаний и устанавливать между ними определенное соотношение (иерархию) – обосновать защиту наиболее значимой ценности; согласовать между собой противоречивые положения; подчинить смысл правовых установлений главной цели правового регулирования, установленной в правовом акте. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правотолковательной деятельности способно обеспечить эффективный подбор информации по исследуемому вопросу толкования. Однако толкование права как интеллектуально-волевая и творческая деятельность в полной мере доступна только человеку.

Заключение. Искусство толкования служит сохранению традиций в праве, а также его развитию.

Ключевые слова: толкование права, метод толкования, герменевтика, юридический текст, смысл, понимание, значение, знак, символ, конфликт правовых норм

Для цитирования: Рафалюк Е. Е. Использование герменевтики при толковании юридических текстов и решении нормативно-юридических конфликтов // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 21–34. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.21-34.

© Рафалюк Е. Е., 2026

Original article

The Use of Hermeneutics in the Interpretation of Legal Texts and the Resolution of Legal Conflicts

Elena E. Rafalyuk

Court of the Eurasian Economic Union, Minsk, Republic of Belarus
rafaliuk_e@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1563-8926

Abstract

Introduction. This article examines the role of hermeneutics, as the art of interpretation, in interpreting legal texts. The purpose of the article is to explore the application of hermeneutics as a method in interpreting legal texts and overcoming conflicts of legal norms. The objectives of the study are to identify the specific features of interpreting legal texts through a hermeneutic approach and to identify the practical aspects of legal interpretation as a means of resolving legal conflicts.

Methods. The general methodological strategy utilized is an approach to law as a cultural phenomenon, which substantiates the possibility of studying legal texts as texts of a symbolic nature, and thus the application of hermeneutics to legal interpretation.

Results. The author notes that professional legal interpretation differs from philosophical interpretation in that it requires a final choice of interpretation (breaking the hermeneutic circle) and sanctioning it in the interpretive act. The relationship between legal interpretation and the resolution of legal conflicts is expressed in the fact that legal interpretation allows us to identify the meaning of conflicting legal provisions and establish a certain relationship (hierarchy) between them – to justify the protection of the most significant value; to reconcile contradictory provisions; and to subordinate the meaning of legal provisions to the main goal of legal regulation established in the legal act. The use of artificial intelligence in legal interpretation can ensure the effective collection of information on the issue of interpretation under study. However, legal interpretation as an intellectual, volitional, and creative activity is fully accessible only to humans.

Conclusion. The art of interpretation serves the preservation of traditions in law, as well as its development.

Keywords: interpretation of law, method of interpretation, hermeneutics, legal text, meaning, understanding, significance, sign, symbol, conflict of legal norms

For citation: Rafalyuk E. E. The use of hermeneutics in the interpretation of legal texts and the resolution of legal conflicts. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(3):21-34. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.21-34.

Введение

Толкование права направлено на интерпретацию текста как речевого высказывания на определенном языке, что позволяет применить к нему общие правила толкования текстов (герменевтику).

Правовая герменевтика, основывающаяся на философской герменевтике, представляет собой интеллектуальную практику толкования юридических текстов [1, с. 40].

Поскольку юриспруденция связана с пониманием текстов – законов, судебных решений, договоров, волеизъявлений частных лиц, то герменевтика как

наука о понимании, толковании также имеет большое значение для уразумения этой области правовой деятельности. С другой стороны, способы мышления, которые проявляются в юридических документах, могут быть поняты только с учетом более глубокого уяснения правовой материи [2, с. 10–11].

Под *юридическим текстом* условимся понимать текст, имеющий юридическое значение и содержащийся как в нормативном правовом акте (например, законе), договоре, акте рекомендательного характера, так и в правоприменительном документе (например, в решении суда).

Юридический текст представляет собой текст особого рода, так как он содержит специальную терминологию, юридические конструкции и категории. В связи с этим его толкование основывается как на общих законах толкования текстов, так и на специальных приемах юридического толкования.

Методы

Значение применения положений герменевтики при толковании права заключается прежде всего в том, что она допускает истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания [3, с. 179]. Это позволяет рассматривать право как многомерную, динамически изменчивую социальную реальность [4, с. 72], а не только как систему формально установленных правил и норм.

Работа над толкованием правового текста осуществляется таким же образом, как и процесс интерпретации любого текста[1]. Процесс толкования юридического текста происходит в два этапа. Первый этап предполагает интерпретацию текста для уяснения его смысла на основе анализа языковых единиц (*«отражение 1»*). На втором этапе декодированный смысл текста проходит обратный процесс: посредством языковых средств создается новый текст, в котором разъясняется смысл толкуемого текста другим лицам (*«отражение 2», или «обратное отражение»*)[2].

Результаты исследования

Основываясь на определении «интерпретации», данном Полем Рикером, как работы мышления, состоящей в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении [5, с. 51], можно отметить, что при толковании юридического текста происходит то же самое – работа мысли направлена на выявление смысла правовой нормы (правовых норм).

П. Рикер поясняет, что интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов [5, с. 51].

Как отмечают Н. В. Блажевич и И. Н. Блажевич в работе «Герменевтика правового текста», необходимость «расшифровки смысла» обусловлена знаковой природой текста. Внутреннюю структуру знака можно представить в

---

[1] *Блажевич Н. В., Блажевич И. Н.* Герменевтика правового текста : учеб. пособие. Тюмень : Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 2006. С. 20.

[2] Идея «отражения» и «обратного отражения» при прохождении этапов толкования текста предложена доктором философских наук, профессором Борисовым С. В.

виде треугольника, где одной вершиной является форма знака, другой – значение или смысл знака, а третьей – интерпретатор, который, воспринимая форму знака, выстраивает посредством мышления в своем сознании определенный смысл. Осуществление коммуникации путем передачи знаков оказывается возможным, если знак имеет общеупотребительное смысловое содержание. Но эта общераспространенность не гарантирует того, что знак может не иметь и других смысловых оттенков. Возникает проблема многозначности смыслового содержания знака[3].

Знак (как символ) многозначен, в связи с этим при интерпретации текста, в том числе юридического, происходит столкновение с многозначностью символов.

Поль Рикер называл символом всякую структуру значения, где один смысл, прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый [6, с. 51].

Таким образом, мышление позволяет понять смысл текста или выявить один из смыслов текста (в случае очевидной многозначности текста). Специфика извлечения смысла из юридического текста состоит в том, что такой текст, как правило, содержит специальные юридические термины, которые могут быть правильно расшифрованы человеком, имеющим специальные познания в этой области.

При интерпретации правовых текстов «дезориентация» сознания наступает при столкновении с официально-деловым стилем и специализированным языком; предметы и явления действительности, отражаясь через специфическую лексику этого стиля (нагруженную терминами) и особые синтактические конструкции, обретают другой «внутренний закон», иную «скрытую сеть», в соответствии с которыми в сознании интерпретатора формируется смысловое содержание знаков. Осознание присутствия другого смысла, пока еще не явного, предполагаемого, приводит «…в движение мысли, которое всегда выбивается из привычного словоупотребления и высвобождает смысловую направленность слов, выводя их из исходной области применения, расширяя или ограничивая, сравнивая и различая»[4].

Используемые в юридическом тексте, как и в любом другом тексте, общеупотребительные слова могут обладать несколькими значениями. Безусловно, многозначность буквального смыслового содержания знака вызывает неоднозначность возможных интерпретаций текста. Каков выход из этой ситуации? И. П. Малинова считает, что «достижение целостности смыслового поля в сфере права не связано с устранением самого явления разносмысловости (смысловой раздвоенности). Это в принципе невозможно» [6, с. 83]. Она дает следующее пояснение: «Поскольку право – феномен культуры, и любое явление в нем всегда обладает, кроме буквального, фактологического, еще и неким символическим значением. Так, преступление несет в себе множественную символику антисоциальности, попрания общечеловеческих ценностей и т. п. Законопослушность связана с не менее богатой символикой социаль-

---

[3] *Блажевич Н. В., Блажевич И. Н.* Указ. соч. С. 18.

[4] *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 65. Цит. по: *Блажевич Н. В., Блажевич И. Н.* Указ. соч. С. 21.

ной солидарности, одобрения существующего строя, деятельности властей, уважения определенной системы ценностей и т. п.» [6, с. 83].

В дополнение стоит отметить, что «декодирование» смысла юридического текста при помощи специальных юридических средств позволяет по-разному интерпретировать смысл текста. Например, с помощью телеологического (целевого) метода толкования права юридический текст толкуется в соответствии с той целью, которой он подчинен. Системное толкование права позволяет выявить смысл нормы права на основе учета взаимосвязи положений юридического текста как единого целого.

Вместе с тем, рассматривая толкование юридического текста как акт мышления, следует отметить, что он направлен на *конструирование смысла на основании понимания* взаимосвязи явлений, действий, обстоятельств и фактов.

Как пишет М. Мамардашвили, «…мы анализируем предметы, соотнося актами сознания элементы изображения, или описания, по отдельности с каждым элементом предмета и устанавливая соответствие между ними. Именно здесь как раз заключается опасность, или пропасть, дурной бесконечности: это описание может бесконечно детализироваться, так никогда и не доходя до мысли» [7, с. 165–166]. Мамардашвили продолжает: «Герман Вейль в этих случаях говорил, что мы проникаем в действительность (в математическую действительность в данном случае) не сознательным соотнесением каждого элемента картины с соответствующими элементами действительности, а символическими конструкциями. Он имел в виду не символы (например, число π) как знаки, которые пишутся на бумаге, не то, что само число (например, двойку) можно рассматривать как символическую запись. Нет, он имел в виду другое – он имел в виду внесение таких вещей, называемых им символами, которые содержат большее, чем каждый в отдельности элемент картины, и которые не получаются перечислением состава картины, а являются свободным творением человека (или свободой его собственного ума). Потенции таких символов бесконечны» [7, с. 166].

Как отмечает П. Рикер, общим ядром всякой герменевтики является конструкция смысла [5, с. 50].

Выбор того или иного значения символа зависит от интерпретатора, его мировоззрения, особенностей его речевой культуры. Ограниченность используемых значений символа М. Фуко объясняет тем, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться»[5].

Как указывают Н. В. Блажевич и И. Н. Блажевич, при движении мысли знаки наполняются новым смыслом, создается новая смысловая проекция. На этом этапе при интерпретации правовых текстов анализируется язык текста во всем многообразии используемых лексических единиц, синтаксических конструкций. Авторы пишут, что стадия формирования нового смысла разбивается на этапы, на каждом из которых возникают новые смысловые

---

[5] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : A-cad, 1996. С. 22. Цит. по: *Блажевич Н. В., Блажевич И. Н.* Указ. соч. С. 22.

проекции. Когда устанавливается «однозначное единство смысла», процесс буквальной интерпретации завершается. Однако стадия буквального установления смысла довольно условна, поскольку одновременно с возникновением каждой буквальной смысловой проекции проявляется и ее символический смысл (в виде избрания одного или нескольких значений из открытого смыслового ряда).

Н. В. Блажевич и И. Н. Блажевич отмечают, что интерпретатор создает новый текст, смысловая наполненность которого не всегда совпадает с тем смыслом, который вкладывал в него автор. В случае если смысловое содержание авторского текста существенно расходится или противоположно результату интерпретации, то экзистенциального понимания, т. е. принятия некоторой системы смыслов в качестве внутреннего текста, не происходит. Правовой императив не перешел во внутренний план сознания интерпретатора, т. е. создатель правового текста не достиг своей цели – осуществления эффективного правового регулирования[6].

Следует согласиться с позицией авторов касательно того, что если интерпретатор-философ может бесконечно переходить от контекста к тексту и наоборот, то интерпретатору-юристу необходимо найти точку совпадения между контрнаправлениями, исключить неопределенность нормы, получив точную систему соответствия[7].

В этом, полагаю, состоит одно из отличий толкования текста философом и юристом: ведь юрист не только должен выбрать один из вариантов толкования права, но, если он выступает в роли носителя власти (например, судьи), и санкционировать данное толкование, закрепив его в соответствующем акте (например, решении или акте толкования права).

Создание нового текста на основе интерпретации толкуемого текста можно отнести к завершающему этапу герменевтического цикла [1, с. 51]. Вместе с тем Ф. Шлейермахер выводил эту стадию за рамки герменевтики: «Только искусство понимания, но не искусство изложения понятого» [8, с. 41].

Как утверждает Ю. Ю. Ветютнев, в области права нельзя считать работу завершенной, пока на основе достигнутого понимания не возникает какой-либо производный текст, будь то официальное разъяснение, научное исследование или публичное выступление. Впрочем, и этот текст выступает завершением процесса лишь условно, поскольку сам по себе является только черновиком, или новым «наброском», и, в соответствии с принципом герменевтического круга, цикл интерпретации, достигнув своего конца, готов тут же разворачиваться заново [1, с. 51].

Представляется важным отметить, что производный юридический текст, созданный в результате толкования юридического текста, хотя и может являться предметом будущей интерпретации, но в случае судебного толкования представляет собой акт судебной власти, который предписывает неопределенному кругу лиц руководствоваться тем или иным вариантом толкования нормы (норм) права.

Таким образом, применение герменевтики при толковании юридических текстов отличается от герменевтики толкования художественного текста в

---

[6] *Блажевич Н. В., Блажевич И. Н.* Указ. соч. С. 22.

[7] Там же. С. 67.

том числе тем, что интерпретатору (правоприменителю) необходимо сделать выбор в пользу одного из вариантов интерпретации юридического текста, в ряде случаев санкционировав его (например, в форме разъяснений национальных высших судебных органов, консультативных заключений международных судов и др.).

Кроме того, особенностью толкования юридических текстов, так же как и других текстов, является необходимость их вписывания в исторический и культурный контексты.

Описывая общую теорию интерпретации, Поль Рикер писал, что всякая интерпретация имеет целью преодолеть рассмотрение, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным; следовательно, расширения самопонимания он намеревается достичь через понимание иного. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика – это понимание самого себя через понимание иного [5, с. 56]. С одной стороны, можно сказать, что данное положение неприменимо к процессу толкования юридического текста. С другой стороны, судья, применяя закон, принятый некоторое время тому назад, актуализирует его применительно к реальной ситуации.

В данном случае возможно обращение к дискуссии об «эволютивном (эволюционном)» толковании права [9] (правовые акты рассматриваются как «живые инструменты», способные к развитию и изменению в соответствии с реалиями сегодняшнего дня [10, с. 10–11]), а также в целом о роли суда в восполнении пробелов в праве и в правотворчестве. И. А. Покровский утверждал: «Закон, даже самый обширный, даже представляющий весьма полную кодификацию, неизбежно имеет пробелы, так как, несмотря на все свое старание, он не может охватить всего бесконечного разнообразия житейских отношений… Несмотря на всякие учения о безусловном главенстве закона, в действительности судья никогда не был и никогда не может стать простым механическим применителем закона, логической машиной, автоматически выбрасывающей свои решения. Его деятельность всегда имеет творческий элемент, и игнорировать этот последний значит также создавать себе вредную фикцию, закрывать глаза перед неустранимой реальностью. Закон и суд не две враждебные силы, а два одинаково необходимых фактора юрисдикции. Оба они имеют одну и ту же цель – достижение материально справедливого; закон для достижения этой цели нуждается в живом дополнении и сотрудничестве в лице судьи. И нечего бояться этой творческой деятельности судьи: судья в неменьшей степени, чем законодатель, сын своего народа и своего времени и в неменьшей степени носитель того же народного правовосознания»[8].

Х.-Г. Гадамер отмечает, что разделение юридической герменевтики и исторической герменевтики происходит потому, что юридическая герменев-

---

[8] *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2003. С. 96–97. Цит. по: *Ковлер А. И.* Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 92–100.

тика преследует догматическую цель; постижение смысла закона происходит с точки зрения данного случая и ради этого данного случая [11, с. 384]. Вместе с тем, как пишет автор, герменевтическая ситуация историка и юриста совпадает в том, что по отношению ко всякому тексту мы живем в непосредственном смыслоожидании. Невозможно непосредственное приближение к историческому объекту, которое объективно устанавливало бы его историческое значение. Историк должен осуществить ту же рефлексию, которая направляет действия юриста. Историческое познание может осуществляться лишь таким образом, что в каждом данном случае прошедшее рассматривается в непрерывной связи с настоящим, что и делает юрист в своих практически-нормативных целях, если он действительно стремится «продолжить непрерывную жизнь права и сохранить традицию правовой мысли» [11, с. 385–386].

Сопоставление общей герменевтики и юридической герменевтики Х.-Г. Гадамером показывает, что дистанция между герменевтикой наук о духе и юридической герменевтикой не столь велика [11, с. 383]. Автор пишет о восстановлении былого единства герменевтической проблемы, в котором юрист и теолог встречаются с филологом [11, с. 388]. Более того, Х.-Г. Гадамер отмечает, что юридическая герменевтика могла бы напомнить наукам о духе об их подлинном образе действий. Мы находим здесь искомую модель отношений между прошлым и настоящим. Судья, который приспосабливает закон, дошедший до него из прошлого, к потребностям современности, стремится, конечно, решить некую практическую задачу. Однако это вовсе не значит, что он его произвольно перетолковывает. И в данном случае понять и истолковать – значит познать и признать действующий смысл закона. Судья стремится здесь соответствовать «правовой мысли» закона, опосредуя ее современностью [11, с. 387].

Герменевтический подход в толковании права связывается с идеей справедливости рассмотрения дела, на которое способен каждый, кто углубится в данное дело во всех его конкретных обстоятельствах. Именно поэтому в правовом государстве существует гарантия законности, т. е. по идее всякий знает, на что он может рассчитывать. Конечно, задача конкретизации не исчерпывается простым знанием параграфов. Чтобы вынести по данному случаю юридическое суждение, нужно, разумеется, знать также и правовые прецеденты. Однако для этого не требуется никакой иной принадлежности к закону, кроме той, что правопорядок признается обязательным для каждого, что нет никого, кто был бы исключен из этого правопорядка. Гадамер приходит к выводу о том, что юридическая герменевтика и правовая догматика находятся в существенной связи друг с другом, причем герменевтика занимает здесь главенствующее положение. В самом деле, идея совершенной правовой догматики, которая превратила бы любой приговор в простой акт субсумации, не выдерживает критики [11, с. 389].

Важнейший вывод Гадамера заключается в том, что общим для всех форм герменевтики является то, что подлежащий пониманию текст обретает конкретность и завершенность лишь в истолковании, и тем не менее это последнее крепко держится за смысл самого текста. Ни юрист, ни теолог не смотрят на задачу аппликации как на некую свободу по отношению к тексту [11, с. 392].

Таким образом, толкование юридического текста представляет собой мыслительный процесс, направленный на постижение смысла толкуемой нормы, осуществляемый в условиях конкретного исторического и культурного контекста. В связи с тем, что толкование права направлено на раскрытие смысла правовых норм, этот процесс в современный период постмодернизма подвержен опасности наличия множества «гибких сетей языковых игр», манипуляции смыслом права [11, с. 54].

В. В. Сорокин и М. Н. Кутявина отмечают в качестве приметы глобализма снятие любых нравственных вопросов и всеобщее отсутствие регулирующей функции нравственного сознания при толковании и применении права [12, с. 54]. Авторами критически оценивается идея многозначности права как необходимой глобализаторам мира для того, чтобы поддерживать и обострять проблему интерпретации (толкования) права, так как вследствие многозначности в любые нормы и принципы можно вкладывать различный смысл, до поры до времени не уточняя его. А затем действовать по ситуации, руководствуясь соображениями выгоды [12, с. 55]. Глобализация мира предполагает войны смыслов [12, с. 56]. Вместе с тем авторы протестуют против юридического формализма, формально-поверхностного подхода, подмены духа права буквой закона. Авторы заключают, что предметом толкования выступает не воля законодателя и уж тем более не юридический текст, а дух права, требующий установления применительно к конкретной ситуации правового спора [12, с. 56].

Соглашаясь с В. В. Сорокиным и М. Н. Кутявиной относительно опасности манипулирования смыслом при толковании «буквы закона», следует выразить опасения по поводу возможности манипулирования смыслом при выявлении «духа закона». Таким образом, важное значение имеют морально-нравственные качества юриста, осуществляющего интерпретацию права.

Практическим аспектом применения правотолковательной деятельности является ее использование судом при преодолении противоречий правовых норм, конкуренции правовых регуляторов[9], неопределенности правовых предписаний. Предпосылками возникновения подобных коллизий в праве, обозначим их как «нормативно-юридические конфликты», являются несовершенство нормотворчества, ошибки в правоприменительной деятельности, различия в правосознании и правовой культуре правоприменителей.

С увеличением числа видов правовых регуляторов общественных отношений в правовом пространстве современного мира нормативно-юридические конфликты возникают между нормами различной правовой природы, в том числе мягкого права («soft law»), а также на стыке различных правопорядков (международного, интеграционного, национального) [13], что требует их дальнейшего изучения [14, с. 48].

Роль толкования права в преодолении конфликта правовых регуляторов видится в том, что толкование права позволяет выявить смысл конфликтующих правовых предписаний и установить между ними определенное соот-

[9] Применительно к настоящему исследованию «правовой регулятор» определяется как более широкое по своему содержанию понятие в отличие от нормы права, к которому могут быть отнесены не только общеобязательные правила поведения, но и нормы рекомендательного характера, нормы саморегулирования.

ношение (иерархию), предложив тот или иной вариант толкования соответствующих норм применительно к поставленным заявителем вопросам в рамках конкретной ситуации. Профессор Т. Н. Нешатаева полагает, что судебное толкование как один из видов познания, соединяющий восприятие фактов спорного правоотношения и абстрактного мышления, основанного на философии (теории) права, *позволяет выявить смысл правового предписания в его привязке к применению в конкретном случае общественного конфликта (спора)* (курсив мой. – *Е. Р.*), проявившего недостатки словесного и юридического оформления правовой нормы [15].

Устанавливаемые соотношения между конфликтующими правовыми регуляторами могут быть различными. Например, толкование двух конфликтующих норм может быть *гармонизировано* посредством общего, компромиссного подхода к толкованию.

> *В качестве примера: Межамериканский суд по правам человека в консультативном заключении от 29 мая 2025 г. по климату и правам человека обращался к гармонизированному толкованию принципов pro natura и pro persona. Так, Суд указал, что защита природы как коллективного объекта общественного интереса обеспечивает государствам и другим субъектам благоприятную основу для продвижения построения глобальной нормативной системы, ориентированной на устойчивое развитие. Такая система имеет решающее значение для сохранения условий, поддерживающих жизнь на планете, и обеспечения достойной и здоровой окружающей среды, что является необходимым условием для реализации прав человека. Такое понимание согласуется с гармоничным толкованием принципов pro natura и pro persona. Кроме того, Суд отметил, что взаимозависимость между климатической стабильностью и экологическим равновесием усиливает необходимость комплексного правового подхода, способного сформулировать защиту прав человека и природы в рамках нормативной базы, соответствующей гармоничному толкованию принципов pro persona и pro natura*[10].

Другой вариант – обоснование *защиты наиболее значимой ценности* применительно к конкретной ситуации либо *установление пропорционального ограничения права*.

> *Так, при рассмотрении дела, касающегося права на свободу мнения и его выражения, закрепленного в ст. 13 Американской конвенции по правам человека*[11]*, Межамериканский суд указал, что право на свободу слова не является абсолютным и может подлежать ограничениям, особенно в случае конфликта с другими правами, гарантированными Американской конвенцией. Однако, учитывая важность свободы слова в демократическом обществе, государство обязано ми-*

---

[10] Opinión consultiva OC-32/25 de 29 de mayo de 2025 solicitada por la República de Chile y la República de Colombia. Emergencia climática y derechos humanos. URL: https://corteidh.or.cr/tablas/OC-32-2025/.

[11] См.: Гранье и другие (Радио Каракас Телевидение) против Венесуэлы. § 135. Цит. по: *Быховская Е. М.* Право на свободу слова в области телевещания в практике Межамериканского Суда по правам человека // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 6.

нимизировать ограничения по доступу к информации и способствовать информационному плюрализму[12]. Любое вмешательство или ограничение в этой области должны быть пропорциональны преследуемой цели[13]. В связи с этим Суд также сослался на п. 3 ст. 13 Американской конвенции, запрещающий косвенные ограничения свободы слова, в частности в результате злоупотребления государственными средствами контроля в отношении частот вещания[14].

В качестве третьего варианта может быть рассмотрен случай, когда для преодоления противоречия между двумя нормами может быть выбран путь *соотнесения толкования с главной целью правового регулирования*, закрепленной данной нормой либо правовым актом в целом.

Так, Суд Евразийского экономического союза применял телеологический подход при определении соотношения положений права Союза о свободе движения товаров и о защите прав потребителей. Например, в консультативном заключении Суда ЕАЭС от 30 мая 2023 г. по делу № Р-1/23 о маркировке товаров Суд отметил, что нормы Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе от 2 февраля 2018 г. и принятые на его основе акты органов ЕАЭС необходимо толковать в свете как общих целей Союза, так и целей Соглашения, призванных обеспечить свободу движения товаров наряду с защитой прав потребителей без ущерба для реализации цели построения внутреннего рынка[15].

В данном случае можно видеть попытку гармонизации между собой нескольких различных целей – свободы движения товаров, защиты прав потребителей, построения внутреннего рынка при толковании положений права Союза, определяющих требования к перемещению маркированных товаров.

В судебной практике сложились и иные варианты применения толкования права к преодолению нормативных коллизий, что может являться предметом будущих исследований по данной тематике.

Заключение

Изложенное свидетельствует о важной роли толкования права как интеллектуально-волевой, творческой деятельности человека в период активного развития и применения цифровых технологий. Их использование как вспомогательного средства представляется возможным для ускорения «технической» стороны правотолковательной деятельности (выборка источников права и судебной практики, перевод иностранных актов и др.), однако выявление смысла правовой нормы должно осуществляться человеком. Искусство толкования служит как сохранению традиций в праве, так и его развитию.

---

[12] См. там же. § 144.

[13] См. там же. § 140.

[14] См. там же. § 161.

[15] Абзац 3 п. 1 раздела III «Выводы» Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 30 мая 2023 г. по делу Р-1/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.23/.

Список источников

1. Ветютнев Ю. Ю. Эвристический потенциал герменевтики в исследовании права // Юридическая герменевтика в XXI веке : моногр. / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2021. С. 40–54.
2. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М. : М-Логос, 2024. 357 с.
3. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М. : Высш. шк., 1992. 191 с.
4. Ромашов Р. А. Толкование. Интерпретация. Герменевтика. Проблема определения категориального смысла // Юридическая герменевтика в XXI веке : моногр. / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2021. С. 55–72.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М. : Академ. проект, 2008. 695 с.
6. Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. 124 с.
7. Мамардашвили М. Беседы о мышлении. СПб. : Азбука, 2023. 352 с.
8. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский дом, 2004. 242 с.
9. Оганесян Т. Эволютивное толкование: размышления об эволюции, морали и сложности консенсуса // Международное правосудие. 2024. Т. 14, № 3 (51). С. 29–53. DOI: 10.21128/2226-2059-2024-3-29-53.
10. Коваленко С. И. Теоретико-практические аспекты эволюционного толкования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского суда по правам человека : дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 232 с.
11. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
12. Сорокин В. В., Кутявина М. Н. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2 (15). С. 54–57.
13. Семешко А. И. Соотношение норм международного, регионального международного и национального права в регулировании отношений в сфере труда // Ex jure. 2025. № 4. С. 182–196. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-182-196.
14. Власенко Н. А. Коллизии в праве как объект современного научного познания // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 39–48.
15. Нешатаева Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113–125. DOI: 10.12737/jrp.2023.033.

References

1. Vetyutnev Yu. Yu. Heuristic potential of hermeneutics in the study of law. In: E. N. Tonkov, Yu. Yu. Vetyutnev, eds. *Legal hermeneutics in the 21st century*. Monograph. St. Petersburg: Aletejya; 2021. Pp. 40–54. (In Russ.)
2. Larenz K., Canaris C.-W. *Methodology of jurisprudence*. Transl. from Germ. by K. V. Nam. Moscow: M-Logos; 2024. 357 p. (In Russ.)
3. Stepin V. S. *Philosophical anthropology and philosophy of science*. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 191 p. (In Russ.)
4. Romashov R. A. Interpretation. Hermeneutics. The problem of defining categorical meaning. In: E. N. Tonkov, Yu. Yu. Vetyutnev, eds. *Legal hermeneutics in the 21st century*. Monograph. St. Petersburg: Aletejya; 2021. Pp. 55–72. (In Russ.)
5. Ricoeur P. *The conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Transl. from French, introd. art. and comment. by I. S. Vdovina. Moscow: Akademicheskij proekt; 2008. 695 p. (In Russ.)
6. Malinova I. P. *Philosophy of law (from metaphysics to hermeneutics)*. Yekaterinburg: Ural University Press; 1996. 124 p. (In Russ.)
7. Mamardashvili M. *Conversations on thinking*. St. Petersburg: Azbuka; 2023. 352 p. (In Russ.)
8. Schleiermacher F. *Hermeneutics*. St. Petersburg: Evropejskij dom; 2004. 242 p. (In Russ.)
9. Oganesyan T. Evolutive interpretation: reflections on evolution, morality and the complexity of consensus. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*. 2024;14(3):29-53. (In Russ.) DOI: 10.21128/2226-2059-2024-3-29-53.
10. Kovalenko S. I. *Theoretical and practical aspects of the evolutionary interpretation of the European Convention on Human Rights in the case-law of the European Court of Human Rights*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2019. 232 p. (In Russ.)
11. Gadamer H.-G. *Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics*. Transl. from Germ; ed. and introd. art. by B. N. Bessonov. Moscow: Progress; 1988. 704 p. (In Russ.)
12. Sorokin V. V., Kutyavina M. N. Explanation of law in the interpretation of postmodernism. *Russian Journal of Legal Studies*. 2018;(2):54-57. (In Russ.)
13. Semeshko A. I. The relation between the international, regional international and national law norms in labor sphere regulation. *Ex jure*. 2025;(4):182-196. (In Russ.) DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-182-196.
14. Vlasenko N. A. Conflicts in law as an object of modern scientific knowledge. *Juridical Techniques*. 2017;(11):39-48. (In Russ.)
15. Neshataeva T. N. On general principles of law and judicial interpretation. *Journal of Russian Law*. 2023;(3):113-125. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrp.2023.033.

Информация об авторе / Information about the author

Рафалюк Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда Евразийского экономического союза (Республика Беларусь, 220006, Минск, ул. Кирова, д. 5).
Elena E. Rafalyuk, Cand. Sci. (Law), Counsel of the Expert-Analytical Department of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union (5 Kirova St., Minsk, 220006, Republic of Belarus).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 01.03.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 347.962.31; 347.961.6
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.35-55

Дисциплинарная ответственность судей и нотариусов в Российской Федерации

Наталья Владимировна Головушкина

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
golovushkinanv@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье в сравнительно-правовом аспекте рассматриваются институты дисциплинарной ответственности нотариусов и судей в Российской Федерации. Судьи и нотариусы являются лицами, осуществляющими публично значимые функции, направленные на защиту прав, свобод и законных интересов граждан. В основе их деятельности лежат единые правовые ценности законности, справедливости, беспристрастности, независимости. К ним предъявляются высокие стандарты профессионального и этического поведения, обеспеченные мерами дисциплинарной ответственности. Институт дисциплинарной ответственности направлен на обеспечение профессиональной добросовестности указанных субъектов, поддержание авторитета судебной власти и нотариата. Несмотря на различия в организации судебной и нотариальной систем, публично-правовая природа осуществляемых функций позволяет провести сравнительно-правовой анализ дисциплинарных моделей, выявляя закономерности и особенности организации в двух смежных публично-правовых сферах.

Теоретические основы. Методы. Автором исследовано правовое регулирование институтов дисциплинарной ответственности судей и нотариусов в Российской Федерации и в ряде зарубежных государств, рекомендации международных органов в сфере судебной и нотариальной деятельности. В процессе исследования применялись общенаучные и частнонаучные приемы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой и иные, позволившие выявить ряд закономерностей, общих для дисциплинарной ответственности судей и нотариусов, предопределенных теми публичными функциями, которые осуществляют суд и нотариат.

Результаты исследования. Дисциплинарная ответственность судей и нотариусов имеет публично-правовую природу, предопределяемую теми публично значимыми функциями, которые осуществляют суд и нотариат. Дисциплинарная ответственность является средством обеспечения надлежащего исполнения обязанностей судей и нотариусов, способствует поддержанию авторитета и доверия общества к судебным и нотариальным институтам. В ходе исследования выявлены сущностные черты, определяющие модели дисциплинарной ответственности су-

© Головушкина Н. В., 2026

дей и нотариусов в Российской Федерации, касающиеся правового регулирования дисциплинарной ответственности, определения дисциплинарного проступка, организации дисциплинарных органов и дисциплинарного производства в рассматриваемых сферах, применяемых мер дисциплинарного воздействия.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, судья, нотариус, нотариат, дисциплинарное взыскание, профессиональная этика нотариусов, судейская этика, нотариальные палаты, органы судейского сообщества

Для цитирования: Головушкина Н. В. Дисциплинарная ответственность судей и нотариусов в Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 35–55. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.35-55.

Original article

Disciplinary Liability of Judges and Notaries in the Russian Federation

Natalya V. Golovushkina

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
golovushkinanv@mail.ru

Abstract

Introduction. This article examines the institutions of disciplinary liability of notaries and judges in the Russian Federation from a comparative legal perspective. Judges and notaries are individuals performing publicly significant functions aimed at protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens. Their activities are based on the uniform legal values of legality, justice, impartiality, and independence. They are held to high standards of professional and ethical conduct, which are supported by disciplinary measures. The institution of disciplinary liability is aimed at ensuring the professional integrity of these individuals and maintaining the authority of the judiciary and the notary profession. Despite the differences in the organization of the judicial and notarial systems, the public law nature of the functions performed allows for a comparative legal analysis of disciplinary models, identifying patterns and organizational features in two adjacent public law spheres.

Theoretical Basis. Methods. The author examined the legal regulation of disciplinary liability for judges and notaries in the Russian Federation and a number of foreign countries, as well as the recommendations of international bodies in the field of judicial and notarial activity. The study utilized general and specific scientific research methods, such as formal legal, comparative legal, and other approaches, which allowed for the identification of a number of patterns common to the disciplinary liability of judges and notaries, predetermined by the public functions performed by the courts and notaries.

Results. The disciplinary liability of judges and notaries is of a public law nature, predetermined by the publicly significant functions performed by the courts and notaries. Disciplinary liability is a means of ensuring the proper performance of the duties of judges and notaries and contributes to maintaining the authority and public trust in judicial and notarial institutions. This study identified the essential features that define the models of disciplinary liability for judges and notaries in the Russian Federation, including the legal regulation of disciplinary liability, the definition of disciplinary offenses, the organization of disciplinary bodies and disciplinary proceedings in these areas, and the disciplinary measures applied.

Keywords: disciplinary liability, judge, notary, notary profession, disciplinary sanction, professional ethics of notaries, judicial ethics, notarial chambers, judicial community bodies

For citation: Golovushkina N. V. Disciplinary liability of judges and notaries in the Russian Federation. *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):35-55. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.35-55.

Введение

Судебная и нотариальная деятельность в силу нацеленности на защиту прав и свобод граждан и организаций имеют много схожих черт, проявляющихся в принципах организации и деятельности, элементах статуса носителей полномочий, их ответственности.

Судьи наделены государством исключительными полномочиями осуществлять правосудие в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов. Нотариусы являются лицами, которым государство делегировало публично значимые функции осуществлять нотариальные действия в целях превентивной защиты прав, свобод и законных интересов и которые должны осуществлять их «в духе служения и достоинства» (ст. 8 Правил деонтологии и организации нотариата, принятых Общим собранием нотариатов – членов Международного союза латинского нотариата в Лиме 8 октября 2013 г.[1]). «Нотариус, действуя от имени государства, обеспечивает реализацию и защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, государственных интересов путем совершения действий, направленных на придание публичной достоверности, доказательственной силы и бесспорности юридическим фактам» [1, с. 9].

В юридической науке нотариат определяется в качестве публично-правового института [2, с. 14–17; 3, с. 26], а профессия нотариуса характеризуется как «публичная служба» [4, с. 74]. Деятельность нотариусов Международным союзом латинского нотариата именуется превентивным правосудием[2].

В основе судебной и нотариальной деятельности лежат единые традиционные ценности и принципы, закрепленные в законодательстве и кодексах профессиональной этики: законности, справедливости, беспристрастности, независимости. Правовой статус судей и нотариусов включает сходные элементы, обусловленные публично-правовой природой осуществляемых функций, предусматривающие повышенные требования к поведению, соблюдение запретов, ограничений и обязанностей, включая антикоррупционные стандарты поведения. Контроль за соответствием требованиям профессионального сообщества осуществляется в процедурах дисциплинарной ответственности. Сравнительное исследование институтов дисциплинарной ответственности судей и нотариусов методологически обосновано и позволяет глубже понять природу дисциплинарной ответственности в самоуправляющихся юридических сообществах, выявить присущие им особенности организации и закономерности.

---

[1] Deontology and Rules of Organization for Notariats. URL: https://uinl.org/fundamental-principles/deontology-and-rules-of-organization-for-notariats/ (дата обращения: 26.11.2025).

[2] Ibid.

Ежегодно в органы судейского сообщества и нотариальные палаты поступает большое количество обращений, содержащих сведения о различных нарушениях в деятельности судей и нотариусов.

В 2024 году в квалификационные коллегии судей (Высшую и субъектов Российской Федерации) поступило 42 853 обращения, содержащих сведения о совершении судьями дисциплинарных проступков. Наиболее частыми причинами жалоб на судей стали: грубое или систематическое нарушение процессуальных и иных норм – 62%; волокита – 14%; неэтичное поведение судей в отношении участников процесса и иных граждан – 2,7%; коррупционные правонарушения – 0,6%; недостойное поведение судей в быту – 0,2%. В 2024 году к дисциплинарной ответственности были привлечены 222 судьи[3].

В нотариальные палаты субъектов Российской Федерации в 2024 г. поступило 2796 обращений в отношении нотариусов и лиц, их замещающих[4] (далее – нотариусы). 162 нотариуса были привлечены к дисциплинарной ответственности. В структуре обращений преобладают жалобы граждан, обращавшихся за совершением нотариальных действий, и обращения комиссий нотариальных палат по итогам проводимых ими проверок организации работы нотариусов. Также присутствуют обращения от судебных и правоохранительных органов.

Наиболее частыми основаниями привлечения к дисциплинарной ответственности нотариусов по итогам 2024 г. стали проступки, совершенные ими при осуществлении своих полномочий, т. е. в профессиональной сфере деятельности. Среди них:

– нарушение правил совершения нотариальных действий (п. 10.2.1 Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации[5]) – 130 дисциплинарных производств, по итогам которых было применено 10 дисциплинарных взысканий;

– нарушение правил нотариального делопроизводства (п. 10.2.3 Кодекса) – 74 дисциплинарных производства, по итогам которых применено 10 дисциплинарных взысканий;

– организация работы с нарушением требований законодательства, нормативных правовых актов Министерства юстиции Российской Федерации, актов Федеральной нотариальной палаты, принятие которых предусмотрено законодательством (п. 10.2.2 Кодекса), – 61 дисциплинарное производство, по итогам которых применено 5 дисциплинарных взысканий.

За ними следуют проступки этического характера:

– несоблюдение культуры поведения при осуществлении профессиональной деятельности (п. 10.2.19 Кодекса) – 24 дисциплинарных производства

---

[3] Обзор результатов деятельности за 2024 год // Официальный сайт Высшей квалификационной коллегии судей. URL: https://vkks.ru/publication/107994/ (дата обращения: 27.11.2025).

[4] Обобщение практики применения нотариальными палатами Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации за 2024 год // Архив Федеральной нотариальной палаты.

[5] Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19 января 2016 г., 12 августа 2019 г., в ред. от 23.04.2019). Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

(отмечен существенный рост), по итогам которых вынесено 2 дисциплинарных взыскания;

– совершение поступков, в том числе во внеслужебное время, которые нарушают требования главы 4 Кодекса и наносят ущерб профессиональной деятельности нотариуса или подрывают доверие и престиж профессии в обществе (п. 10.2.20), – 15 дисциплинарных производств, дисциплинарные взыскания не применялись.

Присутствуют и проступки, связанные с нарушением антикоррупционных стандартов поведения:

– занятие предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной или иной творческой деятельности (п. 10.2.8 Кодекса), – 4 дисциплинарных производства, 2 дисциплинарных взыскания применено;

– совершение нотариального действия на свое имя и от своего имени, на имя или от имени своего супруга или супруги, их и своих родственников (родителей, детей, внуков) (10.2.11 Кодекса) – 2 дисциплинарных производства, 2 дисциплинарных взыскания применено;

– совершение действий, препятствующих реализации права лица на обращение к другому нотариусу (10.2.24 Кодекса), – 1 дисциплинарное производство, 1 дисциплинарное взыскание применено; и некоторые другие[6].

Рассмотренные статистические данные свидетельствуют об актуальности и значении исследования вопросов дисциплинарной ответственности судей и нотариусов.

Правовое регулирование и основания дисциплинарной ответственности судей и нотариусов

Дисциплинарная ответственность судей регулируется Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»[7] (далее – Закон о статусе судей), Федеральным законом «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[8], устанавливающими основные элементы рассматриваемого института: понятие дисциплинарного проступка, меры дисциплинарного взыскания, сроки привлечения к ответственности, компетенцию дисциплинарных органов, основополагающие права и гарантии судьи в дисциплинарном производстве. Законодательные нормы дополняются нормами, содержащимися в корпоративных актах органов судейского сообщества, наделенных полномочиями рассматривать жалобы и привлекать к дисциплинарной ответственности: Положении о порядке работы квалификационных коллегией судей, регламентах советов судей[9].

---

6 Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации.

7 Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

8 Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 11. Ст. 1022.

9 См.: Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации 22 марта 2007 г. в ред. от 10.04.2025). Здесь и далее доступ из справочной правовой си-

Статья 12.1 Закона о статусе судей определяет понятие дисциплинарного проступка через перечисление его квалифицирующих признаков. Под *дисциплинарным проступком судьи* понимается «виновное действие (виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса». Конкретные составы дисциплинарных проступков судей в российском законодательстве отсутствуют. В основе дисциплинарной ответственности судей лежит закрепленный в ст. 3 Закона о статусе судей широкий дисциплинарный стандарт: судья обязан соблюдать законодательство Российской Федерации, а также воздерживаться от всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти, поставить под сомнение репутацию судьи. Нарушение сформулированных самым широким образом обязанностей судьи может повлечь его дисциплинарную ответственность при наличии иных элементов юридического состава дисциплинарного проступка.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате[10] предусматривают возможность привлечения нотариуса к дисциплинарной ответственности «только за виновные действия, приведшие к нарушению требований, установленных Кодексом профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации» (ст. 6.1, ст. 17).

Установление оснований и порядка привлечения нотариусов к ответственности Основами законодательства о нотариате полностью отнесено к компетенции самого нотариального сообщества, которое определяет их путем включения соответствующих норм в Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, принимаемый представителями нотариальных палат и утверждаемый Министерством юстиции Российской Федерации (п. 6.1 Основ законодательства о нотариате). Подход законодателя, полностью отдающий вопросы дисциплинарной ответственности в руки профессионального сообщества, справедливо подвергается критике в научной литературе [5; 6].

Кодекс профессиональной этики нотариусов устанавливает исчерпывающий перечень дисциплинарных поступков. В п. 10.2 указаны 33 вида деяний, охватывающих различные сферы профессиональной деятельности нотариусов и этики.

Таким образом, в основе моделей дисциплинарной ответственности нотариусов и судей лежат противоположные подходы к определению дисциплинарных проступков: от широкого дисциплинарного стандарта, применяемого в судебной деятельности, до исчерпывающего перечня видов проступков, которые могут быть совершены нотариусами. Оба подхода обладают как преимуществами, так и недостатками.

стемы «КонсультантПлюс», если не указано иное ; Регламент Совета судей Российской Федерации (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., в ред. от 1 декабря 2022 г.).

[10] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1) // Российская газета. 1993. 13 марта.

Практика правового регулирования дисциплинарной ответственности судей и нотариусов в зарубежных странах показывает, что существуют различные способы определения дисциплинарного проступка[11]. Среди них основными являются два: определение дисциплинарного проступка в общем виде и типизация дисциплинарных проступков.

1. Определение дисциплинарного проступка в общем виде. При данном подходе дисциплинарный проступок рассматривается через описание существенных его признаков – как нарушение обязанностей и (или) норм поведения, без выделения конкретных составов дисциплинарных правонарушений. Такой подход в сфере нотариата воспринят во Франции, Италии, Чехии, Эстонии и некоторых других странах с организацией нотариата по латинскому типу.

К примеру, во Франции под дисциплинарным проступком нотариуса понимается любое нарушение законов и нормативных актов, любое действие, противоречащее кодексу этики, в том числе совершенное вне рамок профессиональной деятельности, а также любое нарушение профессиональных правил (ст. 7 Ордонанса № 2022-544 от 13 апреля 2022 г. «О профессиональной этике и дисциплинарной ответственности должностных лиц, наделенных государственными полномочиями»[12]).

В судебной деятельности рассматриваемый подход, наряду с Российской Федерацией, характерен для многих государств, к примеру Франции, Бразилии, ЮАР, Литвы, Беларуси. Недостатком такого подхода считается высокая степень правовой неопределенности по отношению к тому, какие именно деяния можно считать дисциплинарным правонарушением. Поэтому страны, определяющие дисциплинарный проступок в общем виде, используют различные практики, способствующие повышению правовой определенности.

Во Франции, к примеру, публикуются решения дисциплинарных органов (или их часть, касающаяся квалификации деяний) на сайте Высшего совета нотариусов[13], на сайте Высшего совета магистратуры[14]. В Италии примеры нарушений нотариусами кодекса этики указаны непосредственно в самом кодексе[15]. Еще одним вариантом являются подготовка и публикация правоприменительными органами правовых обзоров, методических рекомендаций по актуальным вопросам дисциплинарной ответственности, разъяснения кодексов профессиональной этики.

---

[11] Исследовалось законодательство зарубежных стран, нотариат которых организован на основе принципов латинского нотариата.

[12] Ordonnance n 2022-544 du 13 avril 2022 relative à la déontologie et à la discipline des officiers ministériels // Journal officiel de la République française, 14 avril 2022. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000045570925/ (дата обращения: 26.11.2025).

[13] URL: https://www.csn.notaires.fr/fr/publication-des-decisions-disciplinaires (дата обращения: 15.09.2025).

[14] URL: https://www.conseil-superieur-magistrature.fr/missions/discipline (дата обращения: 27.11.2025).

[15] Code de Déontologie des Notaires. Décret n° 2023-1297 du 28 décembre 2023. URL: https://www.csn.notaires.fr/fr/code-de-deontologie-des-notaires-et-rpn (дата обращения: 15.09.2025).

В судебной системе России Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства Российской Федерации при реализации квалификационными коллегиями судей своих полномочий в сфере противодействия коррупции были разработаны и утверждены Методические рекомендации по реализации квалификационными коллегиями судей норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции[16], а также выпускается периодический журнал «Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации», в котором публикуются дисциплинарные решения в отношении судей.

2. Типизация дисциплинарных проступков. Второй способ определения дисциплинарного проступка сводится не к закреплению его отличительных признаков, а к перечислению категорий/перечней дисциплинарных правонарушений. Такой подход воспринят, в частности, в сфере нотариата в Казахстане, Испании, Черногории, Армении; в судебной деятельности – в Сербии, Словении и некоторых других государствах, но не является преобладающим.

При использовании второго подхода существует риск оставить неохваченным поведение за пределами установленных составов, поэтому, как правило, перечни составов не носят исчерпывающего характера и содержат в себе отсылку к иным нарушениям законодательства или кодексов этики.

В случае установления исчерпывающего перечня проступков необходимо своевременно реагировать на изменения общественных отношений и устанавливать новые составы.

К примеру, в действующем правовом регулировании дисциплинарной ответственности нотариусов в России не предусмотрено специальных составов для нотариусов, осуществляющих организационно-распорядительные полномочия в нотариальных палатах, за нарушения при их реализации (при проведении конкурсов на замещение должности, проведении проверок, привлечении к дисциплинарной ответственности и т. п.).

Практика зарубежных стран показывает, что нарушение нотариусами, выполняющими организационно-распорядительные полномочия, возложенных на них обязанностей не остается без внимания нотариального сообщества.

В ряде государств установлены специальные составы дисциплинарных проступков для членов нотариальных органов. К примеру, в Испании специальные составы предусмотрены ст. 351 Положения об организации и режиме нотариата от 2 июня 1944 г.[17] для членов или делегатов Генерального совета нотариата, членов правлений нотариальных палат, а также архивариусов. К числу специальных дисциплинарных составов отнесено грубое или неоднократное неисполнение указанными субъектами своих обязанностей, если оно представляет собой нарушение законодательства или корпоративных актов.

---

[16] Утверждены решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 26 января 2017 г.

[17] Decreto de 2 de junio de 1944 por el que se aprueba con carácter definitivo el Reglamento de la organización y régimen del Notariado. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1944-6578 (дата обращения: 15.09.2025).

В Черногории установлены специальные составы для нотариуса, выполняющего функцию судебного комиссара: превышение пределов предоставленных полномочий; неназначение без уважительной причины заседаний по делам или затягивание производства иным образом (ст. 112а Закона о нотариусах[18]). Указанные проступки относятся к категории особо тяжких.

В Концепции развития нотариата в Республике Казахстан на период с 2022 по 2027 г.[19] в разделе 4 «Совершенствование самоуправления в нотариате» одним из направлений развития видится законодательное введение ответственности органов управления как на республиканском, так и на территориальном уровнях (п. 3.4). Нарушения[20], выявляемые среди нотариусов, осуществляющих организационно-распорядительные полномочия в нотариальных палатах субъектов Российской Федерации, свидетельствуют об актуальности установления специальных составов для таких лиц.

Организационный механизм дисциплинарной ответственности включает в себя совокупность органов, обладающих полномочиями в дисциплинарной сфере, и распределение полномочий между ними в целях обеспечения независимого и беспристрастного рассмотрения дел.

Международные и региональные стандарты в сфере судебной деятельности устанавливают, что наиболее важные решения относительно отбора, назначения, продвижения по службе, аттестации и дисциплинарного производства поручаются самоуправляемым органам, состоящим как минимум из большинства судебных работников[21]. По мнению Консультативного совета европейских судей, дисциплинарное производство всегда должно осуществляться преимущественно внутрисистемными органами (такими, как дисциплинарная комиссия или отделение высшего судебного совета). Это не только дает судебной системе хороший инструмент саморегулирования, но и гарантирует, что лица, обладающие необходимым профессиональным опытом, смогут оценить, влечет ли рассматриваемое поведение дисциплинарную ответственность, и если да, то какая санкция будет адекватной и соразмерной. Кроме того, судьи всегда должны иметь право обжаловать вы-

---

[18] Zakon o notarima (Objavljen u “Sl. listu RCG”, br. 68 od 15. novembra 2005, “Sl. listu CG”, br. 49 od 15. avgusta 2008, 55/16, 84/18). URL: https://notarskakomora.me/wp-content/uploads/zakon-o-notarima.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

[19] Утверждена XI очередным Съездом Республиканской нотариальной палата 7 ноября 2022 г. URL: https://www.notariat.kz/images/stories/2023/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

[20] URL: https://ria.ru/20220922/smirnov-1818762375.html (дата обращения: 25.11.2025); https://www.interfax-russia.ru/volga/news/eks-prezidenta-notarialnoy-palaty-bashkirii-i-troih-notariusov-budut-sudit-po-delu-o-zloupotreblenii-polnomochiyami (дата обращения: 25.11.2025).

[21] См., к примеру, п. 25, 30 Заключения Консультативного совета европейских судей № 21 (2018) «О предотвращении коррупции среди судей». URL: https://rm.coe.int/ccje-2018-3e-avis-21-ccje-2018-prevent-corruption-amongst-judges/native/16808fd8dd (дата обращения: 15.09.2025); п. 5 Европейской хартии о статусе судей (принята в г. Страсбурге 08.07.1998–10.07.1998). URL: https://rm.coe.int/090000168092934f?utm_source (дата обращения: 25.11.2025).

несенные в отношении них дисциплинарные взыскания в судебном органе[22].

В отечественной судебной системе дисциплинарное производство строится на основе самоорганизации, и указанным выше критериям в полной мере соответствуют квалификационные коллегии судей: Высшая и субъектов Российской Федерации, наделенные полномочиями осуществлять дисциплинарное производство и привлекать судей к ответственности. С точки зрения построения организационного механизма в судейском сообществе выстроена двухуровневая модель, в которой дисциплинарными полномочиями наделяются как квалификационные коллегии судей субъектов, так и Высшая квалификационная коллегия судей (ВККС РФ), рассматривающая дела в отношении судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей федеральных судов (за исключением районных судов), судей кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам и военных судов, а также членов советов судей и квалификационных коллегий судей, их председателей и заместителей председателей. ВККС РФ осуществляет также пересмотр принятых квалификационными коллегиями судей субъектов решений.

Двухуровневая модель организации дисциплинарных органов позволяет ВККС РФ своевременно реагировать на правоприменительную практику квалификационных коллегий судей субъектов Федерации и обеспечивать единство правоприменения в рассматриваемой сфере.

Помимо квалификационных коллегий судей в дисциплинарном производстве могут принимать участие советы судей соответствующего уровня, обладающие правом проводить проверки и инициировать дисциплинарное производство при наличии у них сведений о совершенном судьей проступке. Обращение советов судей в квалификационные коллегии является основанием для возбуждения дисциплинарного производства.

Представляется, что указанные выше выводы, касающиеся организации дисциплинарных органов в судебной системе, в полной мере применимы и к нотариату как субъекту, наделенному государством особыми полномочиями осуществлять превентивное правосудие.

В Основах законодательства о нотариате полномочия привлекать нотариуса к дисциплинарной ответственности предоставлены нотариальным палатам субъектов Российской Федерации. Несмотря на двухуровневую организацию нотариальных палат, Федеральная нотариальная палата участия в дисциплинарном производстве не принимает.

Кодекс профессиональной этики нотариусов распределяет дисциплинарные полномочия между президентом нотариальной палаты, комиссиями по профессиональной этике нотариусов и правлением нотариальной палаты субъектов Федерации (п. 11.1, 11.2). Решение о применении мер дисциплинарной ответственности является исключительной компетенцией правления (п. 11.2).

---

[22] Пункт 30 Заключения Консультативного совета европейских судей № 21 (2018) «О предотвращении коррупции среди судей». URL: https://rm.coe.int/ccje-2018-3e-avis-21-ccje-2018-prevent-corruption-amongst-judges/native/16808fd8dd (дата обращения: 15.09.2025).

К полномочиям президента палаты относится возбуждение дисциплинарного производства, которое может предварять проверка фактов, указанных в обращении. Кроме того, президент как член правления участвует в принятии решения о привлечении к дисциплинарной ответственности. Комиссии по профессиональной этике нотариусов рассматривают дело по существу в рамках обращения, ставшего поводом для возбуждения производства, и дают заключение, которое затем рассматривается правлением в пределах фактических обстоятельств, установленных комиссией. Правление принимает решение и в случае установления всех элементов состава дисциплинарного проступка назначает наказание. В нотариальных палатах с количеством членов до 50 нотариусов комиссия по профессиональной этике может не создаваться. В этом случае полномочия комиссии исполняются правлением (ст. 11.1 Кодекса профессиональной этики нотариусов).

Таким образом, действующий организационный механизм дисциплинарного производства в отношении нотариусов предполагает совмещение президентом нотариальной палаты функций возбуждения, расследования, принятия решения. Совмещение одним органом нескольких функций закономерно может негативно влиять на возможность беспристрастного, объективного и независимого рассмотрения дела в отношении привлекаемого к ответственности нотариуса, а также являться существенным коррупционным риском в дисциплинарном производстве.

Нельзя не согласится с мнением Г. Г. Черемных, который подвергает сомнению предоставление функций по возбуждению дисциплинарного производства единоличному органу: «Вряд ли является правильным предоставление этой функции исключительно президенту нотариальной палаты. При таком положении президенты нотариальных палат, а если есть, то и работающие нотариусами их родственники, выводятся из-под действия Кодекса. …Решение возбуждать или не возбуждать дисциплинарное производство не может зависеть от одного лица, тем более при условии, что в отношении самого себя и своих близких президент нотариальной палаты возбудить дисциплинарное производство не может» [6, с. 27].

Кодекс профессиональной этики нотариусов не устанавливает специальной компетенции рассматривать дисциплинарные дела в отношении президента нотариальной палаты и лиц, наделенных в нотариальных палатах управленческими полномочиями.

Возможными вариантами совершенствования организационного механизма дисциплинарной ответственности нотариусов могут стать наделение Федеральной нотариальной палаты дисциплинарными полномочиями и создание двухуровневой системы дисциплинарных органов с полномочиями ФНП по рассмотрению дел по существу в отношении президентов и лиц, осуществляющих организационно-распорядительные полномочия в нотариальных палатах, и пересмотру решений, принимаемых нотариальными палатами субъектов Российской Федерации.

Дисциплинарное производство

Дисциплинарное производство выступает еще одним важным элементом института дисциплинарной ответственности.

Кодекс профессиональной этики нотариусов устанавливает стадии дисциплинарного производства: возбуждение дисциплинарного производства, рассмотрение дисциплинарного производства комиссией по профессиональной этике нотариусов и рассмотрение дисциплинарного производства правлением нотариальной палаты (п. 12.11 Кодекса).

Закон об органах судейского сообщества, Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей как таковые стадии дисциплинарного производства не выделяют. Тем не менее дисциплинарному производству в рассматриваемых сферах присущи определенные стадии, связанные с поступлением в органы, обладающие дисциплинарными полномочиями, сведений о совершенном проступке, проверкой таких сведений и возбуждением дисциплинарного производства, рассмотрением дела и разрешением вопроса о дисциплинарной ответственности по существу, а также проверочные стадии, связанные с пересмотром принятых решений. Регламентация указанных стадий в судебной и нотариальной сферах существенно отличается.

Возбуждение дисциплинарного производства

Поводами для возбуждения дисциплинарного производства в отношении нотариусов Кодекс профессиональной деятельности нотариусов называет поступление обращения, сообщения, представления (далее – обращение), содержащего сведения о совершенном нотариусом дисциплинарном проступке (ст. 12.7, 12.8 Кодекса). Кодекс приводит закрытый перечень субъектов, имеющих право подать соответствующее обращение: граждане и организации, обращавшиеся к нотариусу за совершением нотариального действия; нотариусы, органы и комиссии нотариальных палат; Министерство юстиции и иные органы государственной власти, в том числе следственные органы, прокуратура, суды, вынесшие судебные постановления или частные определения в отношении нотариуса. Поводом для возбуждения могут стать также сообщения в СМИ.

Обращения граждан и организаций являются допустимым поводом для возбуждения только в том случае, если они обращались за совершением нотариального действия, что может выступать ограничивающим фактором при решении вопроса о возбуждении дисциплинарного производства на основании поступившей от граждан или организаций информации о возможном правонарушении, не связанном непосредственно с обращением к нотариусу за совершением нотариального действия. Такими обращениями могут быть, в частности, обращения, содержащие сведения о фактах коррупции, несоблюдении запрета на рекламу деятельности нотариуса, занятии предпринимательской деятельностью и т. п.

Поступившее обращение проверяется: устанавливается компетенция нотариальной палаты рассматривать обращение, соответствие формальным требованиям, в том числе наличие в обращении сведений о дисциплинарном проступке.

Производство возбуждается после признания обращения допустимым. Вопрос о допустимости решается единолично президентом нотариальной палаты, который может провести предварительную проверку: запросить объяснения от нотариуса, а также иные документы, связанные с рассматриваемым делом. «Разрешая вопрос о том, являются ли обстоятельства, указанные в обращении, основанием для возбуждения дисциплинарного производства, президент нотариальной палаты руководствуется своим внутренним убежде-

нием, основываясь на всестороннем и непосредственном изучении представленных заявителем документов и материалов их проверки»[23].

Кодекс профессиональной этики, передавая вопрос о возбуждении дисциплинарного производства единолично президенту нотариальной палаты, не устанавливает каких-либо правил, позволяющих избежать возможного конфликта интересов между президентом палаты и нотариусом, в отношении которого рассматривается вопрос о возбуждении дела. В случае наличия конфликта интересов альтернативный механизм возбуждения дисциплинарного производства в действующем правовом регулировании отсутствует.

В дисциплинарном производстве должны существовать системные гарантии, позволяющие избегать ситуаций, когда решение потенциально может приниматься лицом, имеющим прямые или косвенные, личные или финансовые интересы. В наибольшей степени целям дисциплинарной ответственности отвечает разрешение вопроса о возбуждении дисциплинарного дела коллегиально.

В судебной деятельности производство по рассмотрению обращений, содержащих сведения о дисциплинарном проступке судьи, может вестись советами судей и квалификационными коллегиями в зависимости от того, в какой из указанных органов поступила жалоба или иное обращение. Обращение может быть подано любым лицом. Если обращение поступает в совет судей, то комиссия в составе совета судей рассматривает его, проводит проверки и готовит заключение, которое рассматривается советом судей. При установлении признаков дисциплинарного проступка совет судей направляет в квалификационную коллегию судей обращение о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности. В том случае, если жалоба поступает непосредственно в квалификационную коллегию, проверка проводится квалификационной коллегией судей самостоятельно, для чего создается совместная комиссия из членов квалификационной коллегии, совета судей, представителей общественности и работников аппарата квалификационной коллегии. «Указанные комиссии выполняют роль самостоятельных субъектов дисциплинарного производства, осуществляют проверочные действия до возбуждения дисциплинарного производства, а также обязанности по доказыванию виновности судьи в совершении дисциплинарного проступка» [7, с. 49]. Вместе с тем не регламентирован запрет членам квалификационной коллегии судей, принимавшим участие в проверке, участвовать в принятии решения о привлечении к дисциплинарной ответственности судьи. В связи с этим в научной литературе высказываются рекомендации «“развести” излишне сконцентрированные полномочия квалификационных коллегий судей» [8, с. 120–121; 9, с. 207].

Заключение комиссии наряду с обращением совета судей являются основаниями возбуждения квалификационной коллегией дисциплинарного производства.

Рассмотрение дела

Для рассмотрения дисциплинарного дела как в судебной, так и в нотариальной деятельности установлена процедура, которую можно назвать квази-

[23] См.: Ответы на вопросы о применении Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. решением Правления ФНП, протокол от 15.02.2016 № 02/16).

судебным процессом, в котором в качестве независимого арбитра выступают органы самоуправляемого сообщества (квалификационные коллегии судей, нотариальные палаты субъектов Российской Федерации). Лицо, в отношении которого ведется дисциплинарное производство, наделяется составляющими основу справедливого судебного разбирательства правами: на справедливое, скорое рассмотрение дела; независимым и беспристрастным органом; быть извещенным; иметь представителя; обжаловать принятое решение. В отношении такого лица действует презумпция невиновности. В реализации процедур имеются отличия.

Рассмотрение дела о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности регламентируется в самых общих чертах. Оно осуществляется в заседании квалификационной коллегией судей. Лицо, подавшее жалобу, участником производства не является и не наделяется никакими правами, кроме получения ответа на свое обращение. Такой подход соответствует международным и региональным рекомендациям организации дисциплинарного производства[24]. «Члены квалификационной коллегии судей оценивают представленные сведения, документы и материалы по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств в их совокупности. Все сомнения в доказанности совершения судьей дисциплинарного проступка толкуются в пользу судьи»[25]. По результатам рассмотрения обращения совета судей либо заключения совместной комиссии квалификационная коллегия судей решает, установлен ли факт совершения судьей дисциплинарного проступка, и принимает решение по существу. Судья имеет право обжаловать решение квалификационной коллегии судей. Если решение принималось квалификационной коллегией судей субъекта Федерации, жалоба может быть подана в ВККС РФ либо в суд. Решение ВККС РФ может быть обжаловано только в судебном порядке.

Рассмотрение дисциплинарного дела в отношении нотариуса осуществляется в два этапа. После возбуждения дисциплинарного производства президент нотариальной палаты передает все материалы дисциплинарного производства для разбирательства в комиссию по профессиональной этике нотариусов, которая рассматривает дело устно очно в закрытом заседании на основе принципов состязательности и равенства участников. Лицо, подавшее обращение, наряду с нотариусом является участником процесса. Участники наделены равными правами, в том числе знакомиться со всеми материалами производства с соблюдением требований о сохранении тайны совершения нотариальных действий. Комиссия по профессиональной этике нотариусов исследует доказательства, заслушивает участников производства. Она вправе запрашивать дополнительные сведения и документы, необходимые для объективного рассмотрения дела. Разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые были изложены в

---

[24] См. п. 19 Мнения Консультативного совета европейских судей № 27 (2024) «О дисциплинарной ответственности судей». URL: https://rm.coe.int/opinion-no-27-2024-of-the-ccje/1680b2ca7f (дата обращения: 25.11.2025).

[25] См. ст. 28 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации 22.03.2007).

обращении, однако комиссия вправе принять решение о переквалификации действий (бездействия) нотариуса.

Комиссия рассматривает дело по существу, по итогам рассмотрения готовится заключение: о наличии дисциплинарного проступка в действии (бездействии) нотариуса; об отсутствии такового и прекращении дисциплинарного производства; о прекращении производства в связи с установлением иных обстоятельств, препятствующих дальнейшему рассмотрению дела, – отсутствия допустимых оснований для обращения; отзыва обращения; истечения сроков применения мер дисциплинарного взыскания, прекращения полномочий нотариуса и состоявшегося ранее решения правления по тому же вопросу (п. 12.28.2–12.28.7 Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации).

Заключение принимается большинством голосов членов комиссии и направляется в правление. Член комиссии, лично, прямо или косвенно заинтересованный в результатах рассмотрения дела, не должен участвовать в голосовании (п. 11.3. Кодекса). Институт отводов в Кодексе не предусмотрен.

На втором этапе дисциплинарное дело рассматривается правлением нотариальной палаты в закрытом заседании, в котором вправе принять участие тот же состав участников, что и на первоначальном этапе, а также члены комиссии по профессиональной этике. Участники излагают свои доводы в поддержку или против заключения комиссии. Правление принимает мотивированное решение в пределах обращения, основываясь на фактических обстоятельствах, установленных комиссией, и дает им свою правовую оценку.

Решение правления может быть обжаловано нотариусом только в судебном порядке.

Особенностями дисциплинарного производства в нотариальной деятельности являются особые основания для прекращения производства. Одним из таких оснований является отзыв обращения лицом, подавшим его (п. 12.12, 12.28.5 Кодекса). Отзыв возможен на любом этапе до принятия правлением решения, однако для прекращения производства необходимо согласие нотариуса (п. 12.28.5 Кодекса). После прекращения дисциплинарного производства повторное рассмотрение дела о дисциплинарной ответственности с теми же участниками, по тому же предмету и основанию не допускается (п. 12.12 Кодекса). По статистическим данным Федеральной нотариальной палаты за 2024 г., отзыв обращения стал основанием прекращения дисциплинарных производств в 31 случае: 15 на этапе рассмотрения дела комиссией и 16 на основании решения правления[26].

Полагаем, что прекращение производства в связи с реализацией права на отзыв не в полной мере отвечает предназначению дисциплинарного производства. Воспроизведение в дисциплинарном производстве модели состязательного процесса, когда лицо, подавшее обращение, делает это в целях защиты и восстановления собственных прав и законных интересов, обязано представить доказательства своих требований, имеет право от них отказаться, не в полной мере отвечает целям и задачам дисциплинарного производства, которое не должно подменять собой способ внесудебного обжалования

[26] Обобщение практики применения нотариальными палатами Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации за 2024 год.

действий (бездействия) нотариуса. Полагаем, что состязательность должна иметь место в первую очередь между нотариусом и лицами, осуществляющими проверку сведений о признаках дисциплинарного проступка. Основной задачей дисциплинарного производства является не улаживание конфликта между сторонами, а формирование профессионального сообщества, не допускающего подобных ситуаций. Дисциплинарная ответственность в нотариальной деятельности, так же как и в судебной, направлена на защиту публичного интереса, выражающегося в поддержании авторитета нотариата (а через него и государства, поскольку именно оно делегирует нотариусу публично значимые полномочия), доверие со стороны общества и надлежащее исполнение функций. Кроме того, наделение лица, подавшего обращение, статусом участника с предоставлением ему права знакомиться со всеми материалами дела может привести к ситуации, когда участнику будут доступны сведения, составляющие охраняемую законом нотариальную тайну.

В случае с коррупционными проступками нотариуса реализация права на отзыв и прекращение производства будет противоречить принципу неотвратимости ответственности и государственной политике в сфере противодействия коррупции. Аналогичные выводы можно сделать и применительно к прекращению полномочий нотариусом до рассмотрения дела по существу. К примеру, правоприменительная практика последних лет показывает активную позицию прокуратуры в вопросе увольнения государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, иных лиц, на которых распространяется законодательство о противодействии коррупции, совершивших коррупционный проступок, влекущий увольнение в связи с утратой доверия. Прокуратура обжалует действия органов, позволивших прекратить служебные контракты по собственному желанию лица, совершившего проступок, до привлечения его к ответственности, и суд меняет основание увольнения на увольнение в связи с утратой доверия[27].

Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации предусматривает и упрощенные процедуры привлечения нотариусов к дисциплинарной ответственности, когда дисциплинарное производство не возбуждается, а нотариус привлекается к дисциплинарной ответственности без рассмотрения дела по существу. Основанием привлечения к дисциплинарной ответственности в упрощенном порядке может стать решение суда о признании незаконным или неправильно совершенным по вине нотариуса нотариального действия или отказа в его совершении. В этом случае правление в течение двух месяцев с даты поступления такого судебного акта в нотариальную палату вправе принять решение о привлечении нотариуса к дисциплинарной ответственности или принять решение о направлении в суд иска о лишении нотариуса права нотариальной деятельности (ст. 12.45 Кодекса). Также правление вправе без возбуждения дисциплинарного производства принять реше-

[27] См., к примеру, определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27 августа 2025 г. № 88-16058/2025 (УИД 53RS0022-01-2024-012256-59), кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2025 г. № 88А-10368/2025 (УИД 55RS0039-01-2023-000137-44), определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 апреля 2025 г. № 88-2584/2025 (УИД 26RS0002-01-2024-007186-29) и др.

ние о привлечении нотариуса к дисциплинарной ответственности при рассмотрении фактов, установленных в ходе проверок организации работы нотариуса. При необходимости проведения дополнительных проверок дисциплинарное производство может быть возбуждено (ст. 12.46 Кодекса). В 2024 году в особом порядке на основании ст. 12.46 было принято 68 решений о привлечении нотариусов к дисциплинарной ответственности без возбуждения дисциплинарных производств. Еще по 34 делам было принято решение о дополнительной проверке фактов и возбуждении дисциплинарных производств[28].

Поскольку дисциплинарное производство не возбуждается, нотариус лишается всех гарантий, предоставляемых ему этим институтом, что является негативным моментом упрощенных процедур привлечения нотариусов к дисциплинарной ответственности.

Меры дисциплинарной ответственности, применяемые к судьям и нотариусам, имеют ряд общих черт. Они должны применяться на основе принципа соразмерности, исходя из характера, тяжести, последствий дисциплинарного проступка, а также с учетом личности виновного лица (п. 12.43.1 Кодекса профессиональной этики нотариусов, ч. 2 ст. 12.1 Закона о статусе судей).

Закон о статусе судей предусматривает четыре вида дисциплинарных взысканий: замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе и досрочное прекращение полномочий судьи. Устанавливается ряд критериев для их разграничения (ст. 12.1 Закона о статусе судей), в том числе гарантии при применении самой строгой меры дисциплинарного взыскания – досрочного прекращения полномочий, к числу которых можно отнести исключительный характер проступка, несовместимость с высоким званием судьи, а также дополнительные гарантии для проступков, совершенных при осуществлении правосудия (ч. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей).

Кодекс профессиональной этики нотариусов предусматривает три вида дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, строгий выговор (п. 10.4 Кодекса), при этом отсутствуют какие бы то ни было критерии, позволяющие определить, какие меры подлежат применению с учетом характера, тяжести и последствий правонарушения.

К числу дисциплинарных мер, применяемых в отношении нотариусов, не относится лишение нотариуса права нотариальной деятельности. Однако по ходатайству нотариальной палаты за неоднократное совершение дисциплинарных проступков, нарушение законодательства нотариус может быть освобожден от полномочий на основании решения суда (ст. 12 Основ законодательства о нотариате, п. 12.45 Кодекса профессиональной этики нотариусов), что фактически будет представлять собой меру наказания. Согласимся с мнением С. Б. Серенко, который полагает возможным передать полномочия по применению такой меры самим нотариальным палатам: «Традиционно привлечение к дисциплинарной ответственности в виде прекращения полномочий лиц, осуществляющих деятельность самостоятельно, но объединенных в саморегулируемые профессиональные сообщества, осуществляется органами такого сообщества с возможностью оспорить их решение в судебном порядке» [5]. В любом случае применение самой строгой меры реагирования на

[28] Обобщение практики применения нотариальными палатами Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации за 2024 год.

дисциплинарные правонарушения, предполагающей прекращение полномочий нотариуса, вне зависимости от того, названа она дисциплинарной или нет, должно быть связано с исключительностью проступка, критерии которого следует определять в федеральном законе о нотариате.

Обсуждение и заключение

Исследование правового регулирования дисциплинарной ответственности нотариусов и судей позволило сделать следующие выводы.

Дисциплинарная ответственность как судей, так и нотариусов носит публично-правовой характер, предопределяемый публично значимыми функциями, которые осуществляют суд и нотариат.

Предназначение дисциплинарной ответственности видится в обеспечении надлежащего исполнения обязанностей, профессиональной добросовестности судей и нотариусов и поддержании доверия граждан к судебным и нотариальным институтам.

Основополагающие элементы дисциплинарной ответственности судей регулируются на уровне закона (определение дисциплинарного проступка, органов, обладающих дисциплинарными полномочиями, права и гарантии судей в дисциплинарном производстве) и конкретизируются в корпоративных актах профессионального сообщества. Указанное сочетание правового регулирования позволяет повысить гарантии лиц, привлекаемых к ответственности, и обеспечить баланс интересов государства и судейского сообщества как самоуправляющейся корпорации судей – носителей судебной власти в дисциплинарном производстве.

Регулирование дисциплинарной ответственности корпоративными актами профессиональных сообществ, с одной стороны, позволяет оперативнее реагировать на развитие общественных отношений и вносить необходимые изменения; с другой стороны, в нем могут проявляться негативные черты «корпоративной солидарности», защиты членов в ущерб публичным интересам, отсутствие надлежащего контроля. Оптимальной представляется модель, в которой все ключевые элементы ответственности закрепляются непосредственно в законе и конкретизируются положениями корпоративных нормативных актов профессиональных сообществ.

В основе моделей дисциплинарной ответственности нотариусов и судей лежат разные подходы к определению дисциплинарных проступков: от широкого дисциплинарного стандарта, применяемого к судьям, до исчерпывающего перечня проступков, которые влекут дисциплинарную ответственность нотариусов. Оба подхода не являются безупречными и обладают как преимуществами, так и недостатками.

Применение широкого дисциплинарного стандарта позволяет охватить максимально широкий круг деяний, требующих реагирования со стороны профессионального сообщества, однако повышает неопределенность в отношении того, какие именно деяния являются дисциплинарно наказуемыми, и требует взвешенных правовых гарантий от необоснованного привлечения к ответственности. Исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков обязывает органы профессионального сообщества реагировать на изменение общественных отношений и запросы общества и своевременно устанавливать их новые виды, позволяющие оценивать профессиональную добросовестность своих членов.

В моделях дисциплинарной ответственности судей и нотариусов лежит принцип самоорганизации, выражающийся в наделении дисциплинарными полномочиями самих профессиональных сообществ в лице соответствующих профессиональных выборных органов. Однако организация уполномоченных дисциплинарных органов различается. Несмотря на то что нотариальные палаты, как и органы судейского сообщества, имеют двухуровневую организацию и представлены Федеральной нотариальной палатой и нотариальными палатами субъектов Российской Федерации, решение вопросов о привлечении нотариусов к дисциплинарной ответственности отнесено исключительно к компетенции нотариальных палат субъектов Федерации. ФНП не имеет дисциплинарных полномочий, позволяющих обеспечивать единство практики.

Потенциал развития института дисциплинарного производства в нотариате видится в наделении Федеральной нотариальной палаты в лице ее выборной структуры (например, дисциплинарной комиссии или подобной структуры) правом повторного рассмотрения дисциплинарного дела на основании поступившей от заинтересованного лица жалобы на решение нижестоящей дисциплинарной комиссии нотариальной палаты субъекта Федерации, что привело бы не только к усилению контрольных функций ФНП, но и единству дисциплинарной практики в нотариальном сообществе и большему единству статуса нотариуса. В части распределения полномочий внутри дисциплинарных органов наблюдается чрезмерное совмещение президентами нотариальных палат субъектов Российской Федерации полномочий по возбуждению, расследованию, рассмотрению и принятию решений. При этом для обеспечения объективной, беспристрастной процедуры необходимо разделение указанных функций, а также их осуществление преимущественно на коллегиальных началах, что позволит избегать конфликтов интересов.

Дисциплинарное производство в судебной и нотариальной деятельности является квазисудебной процедурой. Лицам, привлекаемым к ответственности, предоставляется комплекс прав, являющихся основой справедливого судебного разбирательства. Стадии, состав участников дисциплинарного производства имеют отличия. Поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении нотариусов ограничены. Жалобу на действия или бездействие нотариусов могут подать только субъекты, указанные в Кодексе профессиональной этики нотариусов. При таком подходе существует риск оставить неохваченными сведения о дисциплинарных проступках, поступившие из иных источников.

В дисциплинарном производстве воспроизведение в отношении нотариусов модели состязательного процесса, когда лицо, подавшее обращение, делает это в целях защиты и восстановления собственных прав и законных интересов, обязано представить доказательства своих требований, имеет право от них отказаться, обладает таким же комплексом прав, что и привлекаемый к ответственности нотариус, не в полной мере отвечает целям и задачам дисциплинарного производства, которое не должно подменять собой способ внесудебного обжалования действий (бездействия) нотариуса. Полагаем, что состязательность должна иметь место в первую очередь между нотариусом и лицами, осуществляющими проверку сведений о признаках дисциплинарного проступка. Основной задачей дисциплинарного производства является не улаживание конфликта между сторонами, а формирование профессионального сообщества, не допускающего подобных ситуаций.

В основе применения мер дисциплинарной ответственности в судебной и нотариальной деятельности лежат принципы соразмерности, учета характера, тяжести, последствий дисциплинарного проступка, а также личности виновного лица.

В качестве направления совершенствования мер дисциплинарного производства в нотариальной деятельности видится установление более четких критериев и последствий их применения. Освобождение нотариуса от полномочий вследствие неоднократного совершения дисциплинарных проступков, хотя и не названо мерой дисциплинарного взыскания, по своей природе и последствиям является таковой и требует установления гарантий нотариусам при ее применении.

Список источников

1. Чуйченко К. А. Цель нотариальной реформы – навести порядок в системе // Закон. 2025. № 7. С. 8–13.
2. Рябый Р. Е., Горбачев В. Д. Нотариат как публично-правовой институт // Закон. 2025. № 7. С. 14–24. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-7-14-24.
3. Ренц И. Г., Ярков В. В. Российский нотариат на переломе: quo vadis? // Закон. 2025. № 7. С. 25–33. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-7-25-33.
4. Борисова Е. А. Гарантии независимости нотариуса // Закон. 2025. № 7. С. 68–80. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-7-68-80.
5. Серенко С. Б. Дисциплинарная ответственность нотариуса и ее соответствие общим принципам юридической ответственности // Нотариус. 2023. № 3. С. 17–21. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-3-17-21. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=149813#wemVb4VGgRRsUxO61 (дата обращения: 20.11.2025).
6. Черемных Г. Г. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, как и дисциплинарная ответственность нотариусов, нуждаются в законодательном переосмыслении // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 1(48). С. 17–29.
7. Бурдина Е. В. Исключение конфликта интересов при привлечении судьи к дисциплинарной ответственности // Российский судья. 2016. № 3. С. 49–54. URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=96426&rnd=beR7mw#Zrm9c4VERpK24g7N (дата обращения: 20.11.2025).
8. Клеандров М. И. О дефектности формулы дисциплинарного проступка российского судьи // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 110–121. DOI: 10.12737/art_2018_4_11.
9. Петухов Н. А. Избранные статьи. М. : РГУП, 2019. 212 с.

References

1. Chujchenko K. A. The purpose of the notarial reform is to put things in order in the system. *Zakon = Law.* 2025;(7):8-13. (In Russ.)

2. Ryabyj R. E., Gorbachev V. D. Notariat as a public-law institution. *Zakon = Law.* 2025;(7):14-24. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-7-14-24.
3. Renc I. G., Yarkov V. V. Russian notariat at a turning point: quo vadis? *Zakon = Law.* 2025;(7):25-33. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-7-25-33.
4. Borisova E. A. Guarantees of notary independence. *Zakon = Law.* 2025;(7):68-80. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-7-68-80.
5. Serenko S. B. Disciplinary liability of a notary and its compliance with general principles of legal liability. *Notarius = Notary.* 2023;(3):17-21. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1204-2023-3-17-21. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=149813#wemVb4VGgRRsUxO61 (Accessed: 20.11.2025).
6. Cheremnykh G. G. Code of professional ethics of notaries in the Russian Federation, as well as disciplinary liability of notaries require legislative redefining. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries.* 2018;(1):17-29. (In Russ.)
7. Burdina E. V. Exclusion of conflict of interests when bringing a judge to disciplinary liability. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge.* 2016;(3):49-54. (In Russ.) URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=96426&rnd=beR7mw#Zrm9c4VERpK24g7N (Accessed: 20.11.2025).
8. Kleandrov M. I. On the defectiveness of the formula of disciplinary offence of a Russian judge. *Journal of Russian Law.* 2018;(4):110-121. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_4_11.
9. Petukhov N. A. *Selected articles.* Moscow: Russian State University of Justice; 2019. 212 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Головушкина Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, заместитель заведующего кафедрой по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).
Natalya V. Golovushkina, Senior Lecturer at the Organization of Judicial and Law Enforcement Activities Department, Deputy Head of the Department for Research, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 347.941
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.56-66

Современная модель российской административной юстиции и опыт Республики Казахстан

Нина Михайловна Колосова[1]
Айым Галымбековна Шаяхметова[2]

[1] Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
[2] Суд города Астаны, Астана, Республика Казахстан
[1] kolosova-law@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5401-0277
[2] shag.13@inbox.ru

Аннотация
Введение. По мере совершенствования российской судебной системы возрастает потребность научного осмысления происходящих изменений и вариантных прогнозов. После принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации обострилась дискуссия о необходимости учреждения административных судов. Многие правоведы перестали поддерживать идею о целесообразности их учреждения. Другие ученые справедливо полагают, что без административных судов требование, предусмотренное в ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации о перечне судопроизводств, не реализовано в полной мере. Цель статьи – обосновать целесообразность учреждения в перспективе российских административных судов на основе изучения аналогичного опыта иностранных государств с учетом российской идентичности.
Методы. В статье были применены обобщение, анализ, сравнительно-правовой, формально-логический методы исследования, которые позволили выделить несколько моделей административной юстиции, критерием классификации которых предложено признать дифференциацию судопроизводства и судоустройства.
Результаты исследования. Проанализирована специфика рассмотрения публичных споров на основе КАС РФ. Особое внимание уделено вопросу о полномочиях судов, рассматривающих дела, возникающие из публично-правовых споров. Некоторые судебные решения трудно реализуемы с учетом неопределенности соответствующего правового регулирования, что порой создает препятствия для оперативной защиты прав граждан и организаций.
Обстоятельно изучен опыт Республики Казахстан, в которой после длительных дискуссий были созданы административные суды, на его основе выделены проблемы, представляющие интерес для Российской Федерации. Например, разграничение составов административных правонарушений в Кодексе об административных правонарушениях Республики Казахстан и норм Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Кроме того, рассмотрен опыт дифференциации гражданского и административного судопроизводства в Республике Казахстан в контексте возможности его использования в Российской Федерации.

© Колосова Н. М., Шаяхметова А. Г., 2026

Обсуждение и заключение. Исследованы также американская и европейская модели административной юстиции. Выделены их преимущества и недостатки. При этом определены особенности каждой из мировых моделей административной юстиции с учетом возможности их заимствования в Российской Федерации. Рассмотрен вопрос о необходимости дальнейшей оптимизации дифференциации судопроизводства и судоустройства в Российской Федерации.

Ключевые слова: административная юстиция, конституционные права, административные суды, судебная защита, специализация судов, классификация административной юстиции, административное судопроизводство, административное судоустройство

Для цитирования: Колосова Н. М., Шаяхметова А. Г. Современная модель российской административной юстиции и опыт Республики Казахстан // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 56–66. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.56-66.

Original article

The Modern Model of Russian Administrative Justice and the Experience of the Republic of Kazakhstan

Nina M. Kolosova[1], Aiym G. Shayakhmetova[2]

[1] The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[2] Astana Court, Astana, Republic of Kazakhstan
[1] kolosova-law@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5401-0277
[2] shag.13@inbox.ru

Abstract

Introduction. As the Russian judicial system improves, the need for a scientific understanding of the ongoing changes and variant forecasts is gradually increasing. After the adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAP), the discussion on the need to establish administrative courts intensified. Many legal scholars no longer support the idea of their establishment. At the same time, other scholars believe that without administrative courts, the constitutional requirement provided for in Pt. 3 of Art. 118 of the Russian Constitution cannot be fully implemented. The purpose of this article is to substantiate the rationality of establishing Russian administrative courts in the future based on the study of similar experiences of foreign countries, taking into account the Russian identity.

Methods. The article uses such methods as: generalization, analysis, comparative jurisprudence, and formal logical research which allowed to identify several models of administrative justice, categorized based on the differentiation between judicial procedures and court organization.

Results. The article considers the features of the public disputes resolution on the basis of the Russian CAP. Special attention is paid to the issue of the powers of courts dealing with cases arising from public law disputes. Some court decisions are difficult to implement given the uncertainty of the relevant legal regulation, which sometimes creates obstacles against the prompt protection of the rights of citizens and organizations.

The experience of the Republic of Kazakhstan, in which administrative courts were established after lengthy discussions, has been studied in the most detail – while issues of its relevance to the Russian Federation have been highlighted. For example, the differentiation of elements of administrative offenses in the Kazakh Administrative Code and the Code of Administrative Procedure of Kazakhstan. In addition, the experience of differentiation of civil and administrative proceedings in the Republic of Kazakhstan in the context of applicability in the Russian Federation is considered as well.
Discussion and Conclusion. The American and European models of administrative justice are also considered. Their advantages and disadvantages are highlighted. At the same time, the specifics of each of the global models of administrative justice are determined, taking into account the possibility of their reproduction in the Russian Federation. The issue of the need for further optimization of the differentiation of legal proceedings and the judicial system in the Russian Federation is considered.

Keywords: administrative justice, constitutional rights, administrative courts, judicial protection, specialization of courts, classification of administrative justice, administrative proceedings, administrative judicial system

For citation: Kolosova N. M., Shayakhmetova A. G. The modern model of Russian administrative justice and the experience of the Republic of Kazakhstan. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(3):56-66. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.56-66.

В России развитие административного судопроизводства имеет многолетнюю историю [1]. После принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации обострилась дискуссия об административной юстиции, продолжают обсуждаться разные концепции, которые оказывают существенное влияние на развитие правового регулирования соответствующих общественных отношений. Например, после долгих дискуссий научная позиция о признании административного иска была реализована в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации. Несмотря на выделение административного судопроизводства, продолжает обсуждаться вопрос о необходимости создания в Российской Федерации административных судов. Некоторые правоведы пришли к выводу, что в Российской Федерации уже устранено несоответствие действующего законодательства ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, согласно которой судебная власть осуществляется, в том числе, посредством административного судопроизводства (А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов[1] и др.). Представляется, что принятие КАС РФ означает возникновение нового, но не окончательного этапа развития административной юстиции.

Выделим современные проблемы, которые могут быть более эффективно решены в случае учреждения в перспективе административных судов.

Следует признать, что деятельность судов на основе КАС РФ реально способствует защите прав граждан и организаций в публично-правовых спорах. Количество рассматриваемых судами административных дел, возникающих из публично-правовых отношений, постоянно растет. Особенно много обращений в 2025 г. фиксируется по земельным, жилищным, налоговым спорам[2]. Неравенство сторон публично-правовых споров компенсируется многими пра-

[1] *Зеленцов А. Б. Ястребов О. А.* Судебное административное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Статут, 2017. 768 с.

[2] URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291.

вилами, в соответствии с которыми бремя доказывания возлагается на более «сильную» сторону. Следует также обратить внимание на расширение предмета судебного доказывания, что выходит за пределы содержания административного иска. Так, при оспаривании решения о принудительной госпитализации суд исследует реальную опасность для гражданина, который отказывается от добровольного лечения в стационаре, и ряд других фактов [2, с. 15].

Согласно ст. 62 КАС РФ предусмотрена активная роль суда. С одной стороны, суд обладает компетенцией, которая не только позволяет ему констатировать факт нарушения закона, но и способствует реализации субъективного права заявителя. Например, если суд признает право на патент, то Федеральная служба по интеллектуальной собственности должна его выдать. С другой стороны, следует признать наличие некоторых проблем, например недостаточную результативность решения суда о запрете действий органов публичной власти. В юридической литературе уже обращалось внимание на неопределенность соответствующего правового регулирования, так как в законодательстве не определены характер и конкретные виды запрещаемых судом административно-публичных действий, которые могут иметь административно-процессуальный характер (регистрационные действия, в частности) [3, с. 22]. Следует обратить внимание на правило, в соответствии с которым судья, рассматривающий публичные споры, не должен при вынесении решения вторгаться в компетенцию органов государственной власти[3]. Решение суда об отмене незаконного акта государственного органа может быть неэффективным, так как нельзя исключить возможность принятия нового акта, что также создает препятствия для оперативного восстановления нарушенного права заявителя. В рамках современной модели административной юстиции сохраняется необходимость обеспечения более результативной защиты нарушенных прав граждан и организаций в публично-правовых спорах. Это следует признать первым аргументом для обоснования целесообразности учреждения в перспективе административных судов, имеющих компетенцию, реализация которой позволила бы более эффективно защитить интересы гражданина и организации. Вместе с тем необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в рамках существующей российской модели административной юстиции для устранения указанных ранее и иных проблем.

Целесообразность учреждения административных судов в Российской Федерации, во-первых, обусловлена также сложностью судебной системы и, соответственно, определения надлежащего производства, что создает порой неопределенность в выборе суда, в который следует обратиться гражданину и организации для защиты своих прав в публично-правовых спорах [4, с. 125]. Кроме того, законодательно не решен вопрос об оспаривании нормативных правовых актов, а также актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, изданных органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований. Такого рода дела рассматриваются

---

[3] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2020 г. № 18-КАД20-17-К4; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 декабря 2023 г. по делу № А61-1154/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

судами общей юрисдикции областного уровня (верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа). Арбитражные суды также могут рассматривать дела об оспаривании законности как ненормативного акта, так и нормативных правовых актов, а также актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

Во-вторых, отсутствие четкого законодательного определения инстанции, куда следует обращаться для разрешения публично-правовых споров, создает препятствия для эффективной реализации конституционного права каждого на судебную защиту, что также свидетельствует о необходимости создания административных судов.

Третьим аргументом следует признать необоснованность использования процедуры гражданского судопроизводства при рассмотрении публично-правовых споров, что часто не соответствует характеру и особенностям рассматриваемых дел.

Представляется спорной целесообразность принятого ранее решения о включении в КАС РФ раздела из ГПК РФ. Гражданский и административный процессы имеют разную природу, задачи и особенности. Например, принципиальным вопросом являются сроки исковой давности и рассмотрения публично-правовых споров, равенство сторон, установленные ГПК РФ. В КАС РФ предусмотрен иной характер требований к заявлению о применении мер предварительной защиты, нежели в ГПК РФ.

Вопрос о разграничении гражданского и административного судопроизводства относится к числу наиболее дискуссионных проблем. В юридической литературе обращено внимание на целесообразность соблюдения последовательности разрешения указанного спора. В первую очередь необходимо определить максимальную эффективность применения конкретной процессуальной формы и только с учетом этого решать вопрос о специализации судов [5, с. 136]. Дискуссионность указанной проблемы обостряется при обсуждении выбора оптимальной модели административной юстиции, включая возможность учреждения административных судов, что будет рассмотрено далее более обстоятельно с учетом опыта Республики Казахстан.

В настоящий момент отсутствие административных судов в Российской Федерации оправдано их высокой финансовой затратностью, однако нельзя исключить возможность их учреждения в перспективе. Соответственно, современная российская модель административного судопроизводства, которая реализуется в судах общей юрисдикции, требует дальнейшего совершенствования.

Классификация видов административной юстиции, как правило, основана на разнообразных критериях. Представляется, что одним из ее оснований следует признать характер дифференциации судопроизводства и судоустройства, что позволит определить степень влияния указанной специализации на эффективность функционирования административной юстиции.

Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации дифференциация судопроизводства осуществляется на основе выделения их самостоятельных видов, включая административное судопроизводство. При этом административные суды не указаны в ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой определена дифференциация судоустройства в качестве структуры судебной системы.

Как известно, в государствах успешно функционируют разные модели административной юстиции, в том числе и без учреждения административных судов. Рассмотрим некоторые из них.

Судебная система *Франции* в настоящее время основана на дифференциации судоустройства и судопроизводства, так как учреждены не только суды общей юрисдикции, но и административные. Франция имеет длительную историю развития административной юстиции. Следует обратить внимание на то, что до середины XIX в. Государственный совет Франции, не входя в судебную систему, разрешал споры между гражданином и государством. При этом некоторые вопросы (превышение властных полномочии) необходимо было сначала рассмотреть в порядке подчиненности, хотя для большинства споров такая процедура имела рекомендательный характер. Достоинством данной модели следует признать оперативность принятия решений, но возникали и проблемы: многие решения принимались в пользу государственных органов, что в некоторой степени создавало условия для произвола чиновников. Декретом от 30 сентября 1953 г. № 53-934 «О реформе системы административной юстиции»[4] были учреждены административные суды. Административная юстиция Франции включает три уровня: административные трибуналы в качестве судов первой инстанции, административные апелляционные суды, Государственный совет в качестве высшей кассационной инстанции. Вместе с тем представляется нецелесообразным использование процедуры, в соответствии с которой решение административных судов может быть обжаловано в Государственный совет Франции, который с учетом характера его действий (дает заключения на законопроекты) с определенной долей условности можно отнести к государственным органам. Такой статус Государственного совета может порождать некоторую зависимость от него административных судов.

Особый интерес для Российской Федерации представляет опыт *Германии*, где осуществлена дифференциация судоустройства и судопроизводства. Административные суды, даже составляя часть судебной системы, независимы и самостоятельны не только от судов общей юрисдикции, но и от государственных органов.

Представляется, что при создании в перспективе административных судов в Российской Федерации целесообразно предусмотреть процедуру обязательного предварительного обращения в административный орган для разрешения административных споров, успешно функционирующую в Германии. Такая практика способствует существенному уменьшению нагрузки на судей.

Следующей моделью административной юстиции традиционно признают судебную систему (*США, Великобритания*), основанную на создании специальных трибуналов по рассмотрению административных споров. Следует отметить, что ранее административные споры рассматривались в судах общей юрисдикции по гражданско-процессуальным нормам. Данная практика длилась недолго и имела промежуточный характер в процессе развития современной американской модели административной юстиции.

В настоящее время слушание дел в административных трибуналах, которые создаются судами общей юрисдикции, проходит, как правило, публично,

---

[4] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000675518 (дата обращения: 29.04.2026).

состязательно, что можно отнести к позитивным характеристикам данной модели административной юстиции.

Достоинствами административных трибуналов следует признать определенную оперативность принятия решений, профессионализм судьи и минимализм судебных расходов для заявителя. Вместе с тем необходимость создания аппарата для каждого из многочисленных трибуналов обусловливает немалые расходы государства на их содержание. Кроме того, каждый из трибуналов в силу своей подведомственности принимает самостоятельное решение, что позволяет сделать вывод об отсутствии единых стандартов при разрешении спорных ситуаций публично-правового характера. Следует отметить, что независимость административных трибуналов в некоторой степени ограничивается их подконтрольностью судам общей юрисдикции.

Таким образом, можно выделить американскую и европейскую модели административной юстиции, каждая из которых эффективна с учетом особенностей конкретной национальной судебной системы.

Рассмотрим более обстоятельно процесс создания административных судов в *Казахстане*. Следует отметить, что целесообразность их учреждения, равно как и в России, долгое время являлась предметом научных дискуссий. В Казахстане были высказаны некоторые сомнения в необходимости принятия Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – АППК Республики Казахстан), так как нельзя было исключать стремительный рост обращений граждан и организаций, направленных на восстановление их нарушенных прав в административно-правовой сфере. Введенный в действие с 1 июля 2021 г. АППК Республики Казахстан[5] объединил законопроект об административных процедурах и административно-процессуальный кодекс. При этом продолжают функционировать административные суды, которые называются специализированными межрайонными судами по административным правонарушениям.

В Верховном суде Республики Казахстан создана новая судебная коллегия по административным делам. В областных судах также сформировали аналогичные судебные коллегии.

Анализ статистических данных за 2024 г. свидетельствует о том, что количество исков постоянно возрастает. По состоянию на конец лета 2024 г. их уже больше 30 тыс. Основная масса административных исков – это иски к государственным органам (споры: жилищные, налоговые и земельные). За три года они по Республике Казахстан стабильно удовлетворяются на 60%[6].

Неравенство сторон в публично-правовых спорах компенсируется специальными принципами (охрана права на доверие, соразмерность в административном усмотрении, презумпция достоверности и др.), установленными АППК Республики Казахстан. Важно отметить, что их несоблюдение является основанием для признания административного акта незаконным.

---

[5] Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. № 350-VI. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350#z90 (дата обращения: 29.04.2026).

[6] Аналитика. 2024 г. // Сайт Верховного суда Республики Казахстан. URL: https://sud.gov.kz/rus/content/appk-v-deystvii (дата обращения: 29.04.2026).

Если обратиться к правилам административного судопроизводства, предусмотренным АППК Республики Казахстан, то в первую очередь необходимо отметить специальный принцип активной роли суда. Так, в соответствии со ст. 16 АППК Республики Казахстан суд по собственной инициативе или мотивированному ходатайству участников административного процесса собирает дополнительные материалы и доказательства, а также выполняет иные действия, направленные на решение задач административного судопроизводства.

Важной новеллой судопроизводства в Республике Казахстан следует признать «принцип презумпции виновности государственного органа», возложение на него бремени доказывания.

В настоящий момент отдельные публичные споры рассматриваются по правилам ГПК Республики Казахстан[7]. Представляется целесообразным признать необходимость постепенного сокращения перечня указанных административных споров, что может способствовать повышению эффективности судебной защиты прав граждан и организаций.

Некоторые эксперты в области административного права полагают, что административная юстиция разрешает только административные споры по иску гражданина, тогда как многие производства инициируются государством. Представляется справедливым мнение А. Б. Зеленцова, в соответствии с которым основной массив споров, как правило, возбуждается частными лицами, но иногда и органом публичной власти[8].

Следует отметить целесообразность включения в оценку эффективности работы государственных органов Республики Казахстан нового индикатора – количество исков против каждого конкретного государственного органа и количество проигранных дел. Данное предложение представляет интерес и для Российской Федерации, так как указанная мера может способствовать повышению эффективности деятельности органов публичной власти.

В действующем Кодексе об административных правонарушениях Республики Казахстан более 1500 составов правонарушений, которые включают в себя как деликты, посягающие на личность, представляющие общественную опасность, так и нормы, которые, по мнению ученых-юристов, должны находиться в сфере регулирования АППК Республики Казахстан. Таким образом, существенной проблемой следует признать вопрос о соотношении КоАП Республики Казахстан и АППК Республики Казахстан [6, с. 35]. Возникает необходимость теоретического осмысления вопросов разграничения административной и иных видов юридической ответственности, определения порядка и

---

[7] См., например: глава 39 «Производство по делам о принудительной госпитализации лица с психическим, поведенческим расстройством (заболеванием), связанным с употреблением психоактивных веществ, в стационар организации, оказывающей медицинскую помощь в области психического здоровья»; глава 45 «Производство по жалобам на нотариальные действия или отказ в их совершении»; глава 49 «Производство по заявлению о выдворении иностранца или лица без гражданства за пределы Республики Казахстан за нарушение законодательства Республики Казахстан»; глава 30 об оспаривании законности нормативного правового акта.

[8] *Зеленцов А. Б.* Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Юнити, 2015. С. 173–174.

критериев включения некоторых составов правонарушений, содержащихся сейчас в КоАП Республики Казахстан, в АППК Республики Казахстан[9].

Значительная часть административных правонарушений, предусмотренных КоАП Республики Казахстан, касается отношений между гражданином и государственным органом. Например, взыскания налагаются за нарушение сроков, положений инструкций и других требований законодательства. Лишение лицензии, приостановление деятельности, штрафы – это меры ответственности, которые наряду с государственными органами налагаются судами. В КоАП Республики Казахстан необходимо оставить только административные деликты, по которым государственные органы могут налагать взыскания самостоятельно без решения суда.

Административное правонарушение есть противоправное, виновное действие либо бездействие физического лица или противоправное действие либо бездействие юридического лица, за которое КоАП Республики Казахстан предусмотрена административная ответственность[10].

Норма АППК Республики Казахстан (ч. 1 ст. 3) регулирует отношения, связанные с осуществлением внутренних административных процедур государственных органов, административных процедур, а также порядок административного судопроизводства. Фактически в указанном акте соединены регулирование процедуры реализации полномочий государственных органов и процесс рассмотрения споров между гражданами и государственными органами в судебном порядке, что представляет интерес в контексте дискуссии о соотношении понятий «процесс» и «процедура». Согласно подп. 8 ч. 1 ст. 4 АППК Республики Казахстан административной процедурой является деятельность административного органа, должностного лица по рассмотрению административного дела, принятию и исполнению по нему решения, совершаемая на основании обращения или по собственной инициативе, а также деятельность, осуществляемая в порядке упрощенной административной процедуры[11].

Заключение

На каждом этапе развития административной юстиции ее содержание и приоритеты различны. Это обусловлено многими факторами, включая экономические, политические, юридические и иные условия общественного развития.

Исследование позволило выделить основные модели административной юстиции. Первая из них базируется на дифференциации судопроизводства и судоустройства (Франция, Германия, Республика Казахстан). Вторая модель предусматривает только дифференциацию судопроизводства, так как отсут-

---

[9] *Баймолдина З. Х.* Административная юстиция в Республике Казахстан: современное состояние и перспективы формирования // Вопросы теории и практики применения административной юстиции в европейских странах и странах Центральной Азии : материалы III международной школы административного права. Астана : Ин-т законодательства Респ. Казахстан, 2013. 58 с.

[10] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения: 29.04.2026).

[11] Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. № 350-VI. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350/350_1.htm (дата обращения: 29.04.2026).

ствуют административные суды, но выделяется административное судопроизводство в качестве самостоятельного (Российская Федерация). Можно признать наличие третьей модели, в соответствии с которой отсутствует дифференциация судопроизводства и судоустройства (США).

В современных условиях важно сохранять свою идентичность, что не исключает целесообразность заимствования позитивного опыта иностранных государств. Например, интерес представляет административная юстиция в Германии, в которой предусмотрена обязательная предварительная процедура обращения в административный орган в качестве условия для принятия административного иска в суде. Также важен опыт Республики Казахстан, доказывающий целесообразность учреждения административных судов.

Главная задача АППК Республики Казахстан – это повышение уровня государственного управления, обеспечение стабильности судебной практики в целях защиты прав граждан. Представляется, что развитие административной юстиции в Казахстане способствует не только укреплению механизма защиты прав гражданина и организаций при рассмотрении споров с органами государственной власти, но и развитию позитивной ответственности государства в процессе принятия управленческих решений. Указанные факторы создают условия и обусловливают повышение уровня доверия граждан к органам государственной власти.

Принятие КАС Российской Федерации – это существенный, но не окончательный этап развития административной юстиции, которая в настоящее время реализуется в рамках судов общей юрисдикции. Представляется, что учреждение в перспективе административных судов могло бы способствовать повышению эффективности судебной системы.

Список источников

1. Лебедев А. Н. Становление и развитие административного судопроизводства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 5–13. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.1.
2. Сиразитдинова Ю. Р. Отдельные вопросы доказывания в административном судопроизводстве // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 13–20. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.13-20.
3. Ершов В. В., Стахов А. И. О полномочиях судов по разрешению административных дел об оспаривании действий административно-публичных органов, организаций и должностных лиц // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 16–28. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2018.12.16-28.
4. Жуйков В. М., Долова М. О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121–135. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.11.
5. Жуйков В. М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150. DOI: 10.12737/article_597714e8c2d294.92929409.
6. Жетписбаев Б. А., Миразов Г. Т. Административная юстиция: проблемы теоретико-методологического моделирования // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2017. Т. 82, № 2. С. 35–47.

References

1. Lebedev A. N. The formation and development of administrative justice in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2019;(6):5-13. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.6.1.
2. Sirazitdinova Yu. R. Specific issues of proof in administrative proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):13-20. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.13-20.
3. Ershov V. V., Stakhov A. I. Courts powers to resolve administrative cases on challenging actions of administrative public authorities, organizations and officials. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2018;(2):16-28. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2018.12.16-28.
4. Zhuykov V. M., Dolova M. O. Current problems of unification of procedural legislation. *Journal of Russian Law*. 2019;(8):121-135. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.8.11.
5. Zhuykov V. M. On some issues of development of procedural legislation and judicial system legislation. *Journal of Russian Law*. 2017;(8):135-150. (In Russ.) DOI: 10.12737/article_597714e8c2d294.92929409.
6. Zhetpisbaev B. A., Mirazov G. T. Administrative justice: problems of theoretical and methodological modeling. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*. 2017;82(2):35-47. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Колосова Нина Михайловна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34).
Nina M. Kolosova, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Constitutional Law Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation).

Шаяхметова Айым Галымбековна, PhD, судья Суда города Астаны (Республика Казахстан, 010000, город Астана, ул. Сауран, д. 36).
Aiym G. Shayakhmetova, PhD, Judge at the Astana Court (36 Sauran St., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 18.06.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 342.92
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.67-81

Административно-деликтный комплаенс и вина юридических лиц в совершении административных правонарушений

Морозова Наталья Александровна[1, 2]

[1] *Арбитражный суд Уральского округа, Екатеринбург, Российская Федерация*
[2] *Юридический институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация*
nastaly@narod.ru, https://orcid.org/0000-0002-0560-9259

Аннотация
Введение. Статья посвящена особенностям субъективной стороны административных правонарушений, совершенных юридическими лицами. КоАП РФ установил правило определения вины коллективного субъекта, согласно которому учету подлежат принимаемые им меры для предотвращения правонарушений, при этом классификации и критериев оценки таких мер законодательство не предлагает. Автор выделяет группу мер, именуемую «административно-деликтным комплаенсом», и предлагает установить правило, согласно которому сам факт их существования должен учитываться при привлечении правонарушителя к ответственности.
Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу статьи составляют труды отечественных ученых, формировавших базовые конструкции учения об административной ответственности, и современных исследователей, обратившихся к проблемам предупреждения правонарушений в разных областях, а также публикации по вопросам комплаенса в разных отраслях. Эмпирической основой выступили многочисленные судебные акты и высказанные в них позиции судов. При подготовке статьи использовались общепринятые методы научного исследования: анализ, синтез, формально-юридический, метод материалистической диалектики, системный метод.
Результаты исследования. Анализ противоречивой судебной практики показал, что организации, привлеченные к административной ответственности, как правило, принимают меры для недопущения правонарушения, но этих мер оказывается недостаточно. Рассматриваемые меры могут быть как ситуационные, экстренные, так и осуществляемые на постоянной систематической основе, заранее разработанные и закрепленные в локальных актах, обеспеченные внутренними системами контроля, направленные на недопущение нарушений законодательства, скорейшее их выявление и устранение последствий. Автор

© Морозова Н. А., 2026

описывает вторую группу мер и выделяет их характерные признаки. В литературе совокупность таких мер или процедур принято называть «комплаенсом». Применительно к отношениям, связанным с административной ответственностью, можно говорить об «административно-деликтном комплаенсе». Поскольку автор считает необходимым стимулирование профилактики нарушений законодательства об административных правонарушениях, то предлагает установить правило, согласно которому существование «комплаенса» подлежит обязательному учету правоприменителем и должно считаться обстоятельством, смягчающим наказание.

Ключевые слова: КоАП РФ, вина юридических лиц, комплаенс, административное правонарушение, административная ответственность

Для цитирования: Морозова Н. А. Административно-деликтный комплаенс и вина юридических лиц в совершении административных правонарушений // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 67–81. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.67-81.

Original article

Offenses-Compliance and the Organizations' Guilt in Administrative Offenses

Natalia A. Morozova[1, 2]

[1] Arbitration Court of the Ural District, Yekaterinburg, Russian Federation

[2] Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

nastaly@narod.ru, https://orcid.org/0000-0002-0560-9259

Abstract

Introduction. This article deals with the problem of guilt of organizations that have committed an offense. The Administrative Code of the Russian Federation has established a rule for determining the guilt of a collective entity. According to this rule, it is necessary to establish what measures were taken to comply with the law. But the legislation does not provide for a classification or evaluation criteria for such measures. The author identifies a group of such measures, calling it "administrative-delictual compliance," and suggests that it should be considered a reason for reducing punishment.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the article is formed by the works of domestic scientists who have described doctrine of administrative liability, and modern authors who study compliance issues. During the study, many court acts were examined. In preparing the article, the following methods of scientific research were used: analysis, synthesis, formal legal, the method of materialistic dialectics, and the system method.

Results. An analysis of court practice shows that the organizations that were held administratively liable did not want this result and took measures to comply with the law. However, these measures were not sufficient. Most of them are situational, emergency measures. Only a few organizations have local acts, that contain mandatory rules and a list of responsible employees, and their purpose is to prevent violations. The set

of such rules is called “compliance.” Since the author is talking about administrative law, the set of such measures should be called “offenses-compliance”. The author suggests that organizations that have such a list of measures should be encouraged. The existence of “compliance” must be taken into account by the law enforcement officer and should be considered a mitigating circumstance.

Keywords: Administrative Code of the Russian Federation, organizations’ guilt, compliance, administrative offense, administrative liability

For citation: Morozova N. A. Offenses-compliance and the organizations’ guilt in administrative offenses. *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):67-81. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.67-81.

Введение

С момента принятия КоАП РФ прошло почти двадцать пять лет, однако до настоящего времени одним из самых дискуссионных его нововведений остается административная ответственность юридических лиц и проблема определения их виновности. На изначально спорные теоретические и правовые конструкции накладываются стремительно усложняющиеся общественные отношения, и в результате возникают все новые и новые вопросы, что требует постоянного внимания и совершенствования норм административно-деликтного права. Разнообразие судебной практики свидетельствует о спорности многих решений законодателя, а огромный пласт научной литературы посвящен поиску наилучших путей решения возникающих противоречий.

В данной статье автор обращается к проблемам субъективной стороны правонарушений, совершенных коллективными субъектами, вопросам о том, какие обстоятельства приводят юридическое лицо к совершению деликта, какие усилия организация может совершить для предотвращения этого и каким образом следует учитывать эти усилия при привлечении к ответственности и назначении административного наказания, в частности, имеет ли значение наличие у правонарушителя заранее разработанного комплекса мер по недопущению нарушений.

Автор полагает, что законодательно следует обособить те ситуации, когда при исследовании вопроса о наличии вины правонарушитель смог доказать, что он систематически ведет целенаправленную работу для предотвращения нарушений законодательства, что выражается в наличии у него заранее утвержденных алгоритмов управленческой и основной деятельности, закрепленных в локальных актах, с назначением ответственных лиц и разработанной системой контроля за их выполнением. Ответственность таких нарушителей должна быть исключена или существенно уменьшена. Объясняется это причинами, изложенными в статье.

Теоретические основы. Методы

К постановке проблемы автора привел анализ совсем разных, на первый взгляд, судебных актов, в которых не имеющие отношения друг к другу юридические лица привлекались к ответственности за различные правонарушения. Общим обстоятельством было то, что до совершения деяния правонарушители принимали меры, причем на системной основе, но их оказалось недостаточно. Отталкиваясь от исследований ученых, писавших о целях,

функциях и задачах административной ответственности, автор пришел к выводу о том, что любые усилия по предупреждению правонарушения должны быть учтены в качестве обстоятельств, улучшающих положение лица, привлекаемого к ответственности. Основываясь на положениях науки административного права, автор изучил вопросы вины юридических лиц, правила учета различных обстоятельств, как исключающих ответственность в целом, так и влияющих на размер наказаний. Опираясь на работы ученых, занимающихся вопросами «комплаенса» как системы мер, урегулированных правом или правилами локальных актов, автор выделил основные признаки и «административно-деликтного комплаенса». Наконец, руководствуясь мнением тех отечественных исследователей, которые говорили о важности профилактики правонарушений, автор настаивает на необходимости выделения комплаенса в отдельное обстоятельство, учитываемое при назначениии наказания, и поощрения разработки и принятия соответствующих мер.

При этом использовались следующие методы научного познания: анализа, синтеза, формально-юридический, метод материалистической диалектики, системный метод.

Результаты исследования

Выяснение виновности юридического лица в совершении административного правонарушения предполагает обязательное установление мер, принимаемых им для соблюдения требований законодательства, что прямо следует из ч. 2 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Изучение судебных дел по вопросу об установлении вины как основании привлечения к ответственности организаций показывает несколько тенденций.

Беглый анализ судебной практики свидетельствует, что примерно в 90% случаев и примерно по 90% составам правонарушений, субъектами которых являются юридические лица, не выявляются и не анализируются меры, принимаемые, чтобы соблюсти требования законодательства и избежать административной ответственности. В подавляющем большинстве судебных актов суды констатируют, что ими «не установлены обстоятельства, свидетельствующие о принятии обществом своевременных мер по соблюдению требований вышеприведенных норм либо наличии объективной невозможности по принятию таких мер»[1]. Указанная практика отражает действительность: меры в самом деле не принимаются ни для недопущения правонарушения, ни для недопущения повторных нарушений.

В большей части оставшихся судебных актов, когда при рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности меры, требуемые ст. 2.1 КоАП РФ, могут быть названы, в текстах содержится указание на принятие правонарушителем мер для соблюдения законодательства, которые носят явно ситуа-

[1] В данном случае процитировано постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2025 г. по делу № А33-37938/2024. Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное. Вместе с тем приведенная формулировка является стандартной и с незначительными отличиями встречается в тысячах судебных актов.

тивный, авральный характер и направлены на скорейшее окончание и минимизацию последствий уже имеющего места негативного развития событий. В таких случаях суды требуют доказать реальность их принятия[2]. Кроме того, эти меры подвергаются критическому анализу на предмет их а) относимости[3], б) достаточности[4], в) разумности[5], г) необходимости[6], д) исчерпаемости[7] и возможности принятия иных мер[8]. Здесь следует отметить три очень важ-

---

[2] Именно отсутствие доказательств принятия реальных мер послужило основанием для привлечения организаций к ответственности. См. постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 октября 2021 г. № Ф07-14291/2021 по делу № А56-3173/2021; от 17 июля 2019 г. № Ф07-6630/2019 по делу № А56-75756/2018.

[3] Неотносимость мер, доказательства принятия которых были представлены в суд апелляционной инстанции, к обстоятельствам конкретного правонарушения, вкупе с иными обстоятельствами спора, привели к отказу суда считать вину отсутствующей и в итоге к проигрышу общества в споре с административным органом: постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2021 г. № 02АП-6715/2021 по делу № А28-6383/2021.

[4] Несмотря на то что общество принимало меры для исключения нарушения, принятых мер оказалось недостаточно для обеспечения выполнения требований законодательства по продаже алкогольной продукции, в связи с чем общество понесло наказание: определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 г. № 308-ЭС19-22960 по делу № А53-12510/2019.

[5] Вопрос о том, было ли разумным проводить экспертизу всего товара, или достаточно было выборки небольшого числа образцов, обсуждался в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 августа 2024 г. № Ф07-8748/2024 по делу № А56-83974/2023.

[6] Поскольку вместо того, чтобы пытаться получить от зарубежного контрагента задержанную им оплату, общество неоднократно заключало соглашения о продлении сроков этой оплаты, суды сочли, что принятые меры не были необходимыми и не решали главной проблемы, а потому привлечение общества к ответственности было правомерным: определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2018 г. № 308-АД18-14437 по делу № А32-31807/2017.

[7] Верховный Суд прямо указал, что однократное обращение за выделением финансирования из бюджета в вышестоящий орган не является достаточным, принятые меры не были исчерпывающими: постановление Верховного Суда Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 11-АД14-23.

[8] Организация-перевозчик была привлечена к ответственности по ст. 16.9 КоАП РФ за то, что в процессе перевозки неустановленные лица похитили часть товара, находящегося под таможенным контролем. Выясняя вину организации, суд указал, что «водитель фирмы-перевозчика при необходимых остановках не помещал автомашину на охраняемые автостоянки, им не были использованы дополнительные меры по обеспечению доставки товаров (таможенное сопровождение и иные меры), а также им не были приняты незамедлительные меры по обращению в правоохранительные органы по факту хищения товара».
При таких обстоятельствах судом был сделан вывод о том, что перевозчик не обеспечил должным образом сохранность груза, пренебрег обычной осмотрительностью и заботливостью, какие требовалась в целях надлежащего исполнения им таможенных обязанностей: п. 2.2 Обзора судебной практики (Приложение

ных момента. Во-первых, бремя доказывания всего этого падает на лицо, в отношении которого ведется производство, что, с одной стороны, явно противоречит правилу ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, с другой стороны, объективно является единственно возможным способом выяснить, что реально происходило (так как орган административной юрисдикции об организации работы юридического лица ничего не знает и не может знать)[9]. Во-вторых, все представленные доказательства подвергаются критической оценке[10] и сомнения в их соответствии указанным критериям трактуются не в пользу деликвента вопреки указаниям ч. 4 ст. 1.5 Кодекса. В-третьих, критерием оценки мер зачастую выступают категории «разумность» и «добросовестность», которые не носят универсального характера, являются институтами гражданского права и вкупе со смежными с ними понятиями «обоснованный риск», «должная осмотрительность», «достаточная информированность», «сомнительность», «непротиворечивое поведение» и т. д. неприменимы к публичным правоотношениям.

Безусловно, все это порождает огромное количество споров.

Однако можно выделить ряд судебных актов, из содержания которых явно видно, что организации на систематической основе принимают меры, в том числе заблаговременно, чтобы соблюсти требования законодательства. Совершение правонарушений в таких случаях является следствием алогичного, непредсказуемого события или действий неподконтрольных лиц. Правонарушение в таких случаях не может считаться результатом воздействия непреодолимой силы (что исключало бы наличие состава и возможность при-

к письму ФТС России от 24 сентября 2004 г. № 01-06/1438 «Обзор судебной практики по делам об оспаривании постановлений таможенных органов о привлечении лиц к административной ответственности»).

И наоборот: несмотря на то что действиями работника страховой организации было совершено правонарушение, суды сочли, что вина самого общества отсутствует, указав на прохождение данным работником регулярных внеплановых инструктажей, курсов повышения квалификации, участие в иных программах, направленных на повышение профессиональной квалификации. Суды сочли, что этих мер достаточно, и специально подчеркнули, что административным органом не приведены конкретные меры, которые не были приняты обществом для соблюдения законодательства: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31 мая 2024 г. № Ф02-1840/2024 по делу № А19-18375/2023

[9] Очень показательный спор – непредставление арбитражным управляющим документов, свидетельствующих о невиновности общества, в ходе производства по делу об административном правонарушении было вменено ему в вину, и его действия признаны причинившими ущерб обществу (так как штраф мог быть снижен): постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 октября 2020 г. № Ф09-3774/19 по делу № А60-43819/2018.

[10] Так, несмотря на то что орган не заявил о фальсификации дополнительных соглашений к контракту, суд кассационной инстанции отменил постановление апелляции, решившей что привлечение к ответственности при их наличии неправомерно, и отправил дело на новое рассмотрение для проверки их достоверности: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 декабря 2021 г. № Ф03-6175/2021 по делу № А51-4302/2021.

влечения к ответственности[11]). Следует расценивать его как итог недостаточной организованности (что соответствует принятой в науке точке зрения на суть вины юридического лица [1]) – несмотря на принятие мер.

Разницу между «непредсказуемым событием» и «непреодолимой силой» можно проиллюстрировать примерами из судебной практики привлечения к ответственности по ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ. В общих чертах данная норма устанавливает ответственность за «невозврат валютной выручки», т. е. неполучение экспортером денег за свой товар, поставленный за рубеж, от иностранного контрагента в сроки, указанные в договоре между ними. Понятно, что во многом это зависит от зарубежного контрагента. Но недобросовестность последнего, даже очевидная, не освобождает поставщика от административной ответственности, поскольку нарушение обязанностей со стороны контрагентов к обстоятельствам непреодолимой силы (т. е. однозначно исключающим вину) не относятся. Вместо этого изучению подлежит комплекс мер, принятых экспортером, дабы не допустить подобного развития событий.

В большинстве случаев меры принимаются после того, как нарушение со стороны контрагента уже было допущено и оценивается постфактум. Как правило, на этом этапе дискуссии между органом административной юрисдикции и привлекаемым к ответственности лицом возникают существенные противоречия: организация указывает на принятые ею меры и считает их достаточными и разумными, а орган настаивает на том, что приняты не все возможные меры, а неиспользование иных предполагаемых способов воздействия делает поведение лица противоправным. Наиболее часто экспортеры указывают на ведение претензионной работы и получение гарантийных писем, что в большинстве случаев считается недостаточно активной деятельностью по работе с покупателем[12]. Иногда в совокупности с телефонными переговорами и ранее добросовестным поведением контрагента эти обстоятельства принимается во внимание[13]. Часто используется и такой способ, как продление сроков исполнения обязанности по контракту (иногда это может устранять противоправность деяний[14], но в основной массе случаев это расценивается как дополнительное доказательство бездействия правонарушителя[15]). Наиболее часто свидетельствует о принятии всех необходимых, разумных и достаточных мер для вывода о том, что лицо было намерено выполнить свою публичную обязанность, получение судебных решений о

---

[11] *Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В.* Административно-деликтное право : учеб. пособие / под общ. ред. С. Д. Хазанова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2025. 335 с.

[12] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 8 июня 2020 г. № Ф09-403/20 по делу № А76-11114/2019.

[13] Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 декабря 2013 г. по делу № А33-5896/2013.

[14] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 августа 2014 г. по делу № А08-452/2014.

[15] Постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа от 2 ноября 2021 г. № Ф03-5501/2021 по делу № А51-20231/2020, от 3 марта 2020 г. № Ф03-6492/2019 по делу № А51-16345/2019.

взыскании долга с контрагента[16], хотя и здесь могут быть споры о должном количестве инстанций, которые следует пройти.

При этом во многих судебных актах суды специально отмечают, что необходимыми к принятию мерами должны считаться факты заблаговременного, до заключения контракта, выяснения сведений о финансовом положении покупателя[17]; использования в контрактах правового механизма обеспечения платежей в установленных формах (неустойка, залог, гарантийное обязательство и т. п.)[18] и прекращения всех последующих отгрузок товаров, как только возникли сложности с оплатой за предшествующие. Изучив указанные судебные акты, можно наметить схему, которой следует придерживаться любому лицу, направляющему продукцию на экспорт: проверка благонадежности контрагента, включение в контракт условий о санкциях, своевременное начало письменной претензионной работы, приостановление дальнейших отправок груза, непременное обращение в суд, следование которой при некотором совпадении прочих условий может свидетельствовать о принятии всех необходимых и разумных мер и отсутствии вины в совершении правонарушения.

При этом самым важным здесь является не перечень мер, а сам факт того, что суды перечисляют превентивные меры, использование которых заранее могло бы предотвратить неоплату контрагентом поставленной ему продукции, но которые отсутствуют. Фактически суды говорят о необходимости наличия у юридического лица заранее разработанного комплекса мер, которые не позволили бы ему попасть в ситуацию, когда правонарушение вызвано действиями контрагента.

В литературе совокупность мер или процедур, использование которых в конечном итоге должно способствовать соответствию деятельности субъекта требованиям нормативных правовых и локальных нормативных актов, принято называть «комплаенсом» [2]. Много исследований посвящено антимонопольному[19], антикоррупционному [3], налоговому [4] комплаенсу, порядку определения «комплаенс-рисков» в разных сферах[20].

---

[16] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 марта 2010 г. № 15970/09 по делу № А40-31656/09-152-183.

[17] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30 ноября 2022 г. № Ф02-5869/2022 по делу № А19-18218/2021.

[18] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 мая 2021 г. № Ф02-1838/2021 по делу № А19-6746/2020. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 302-ЭС21-10822 отказано в передаче дела № А19-6746/2020 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

[19] Протоколом Президиума ФАС России от 2 июля 2021 г. № 4 утверждены разъяснения ФАС России № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», в которых орган излагает свое видение правильной организации системы антимонопольного комплаенса у хозяйствующих субъектов.

[20] *Абрамов В. Ю.* Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности : практ. пособие. М. : Юстицинформ, 2020. 172 с. См. также: [5, 6].

Указанная группа мер, принимаемых заблаговременно с целью исключить публичное правонарушение, является предметом настоящего исследования. По аналогии с уже сложившейся терминологией автор будет именовать такие меры «административно-деликтным комплаенсом». Следует подчеркнуть, что эти меры должны быть типичны и в совокупности образовывать некий организационный комплекс, иметь закрепление в локальных актах, при этом в них должны быть указаны последовательность, сроки совершения действий и ответственные лица, формы и периодичность контроля – лишь в таком случае группу мер можно считать «комплаенсом». По сути, разработка превентивной группы мер для любой группы правонарушений и будет предметом комплаенса, который должен быть реализован до начала деятельности, а не на стадии составления протокола.

Следование указаниям юристов, занимающихся комплаенсом («комплаенс-службы»[21]), в целом способствует повышению уровня законности в повседневной деятельности компании и минимизирует, среди прочего, риски организации быть привлеченной к административной ответственности. Кроме того, внедрение таких процедур может способствовать: 1) самостоятельному выявлению правонарушения, сообщению об этом в юрисдикционный орган; 2) скорейшему принятию мер по предотвращению последствий; 3) информированию об этом контрагентов / потребителей и органов государственной власти (если меры требуется принимать и им тоже).

В соответствии с разъяснением ФАС России от 2 июля 2021 г. № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» в случае выдачи ФАС России заключения о соответствии антимонопольному законодательству внутреннего акта (внутренних актов) хозяйствующего субъекта об антимонопольном комплаенсе или его проекта (их проектов) указанный хозяйствующий субъект не может быть признан нарушившим антимонопольное законодательство, если его действия осуществляются в соответствии с согласованными правилами антимонопольного комплаенса.

При этом документы и информация, касающиеся в том числе организации антимонопольного комплаенса, могут быть представлены в ФАС России хозяйствующим субъектом в составе доказательств, пояснений, объяснений или доводов о принятии им мер, предусмотренных внутренним актом (внутренними актами) об антимонопольном комплаенсе, при рассмотрении дела об административном правонарушении.

Указанные документы и информация оцениваются ФАС России наравне с иными доказательствами по делу об административном правонарушении.

Автор убежден в правильности подхода, выработанного антимонопольной службой, – орган вправе давать самостоятельную оценку факту наличия комплаенса в организации и учитывать данный факт при рассмотрении дела об административном правонарушении.

---

[21] Термин использован в указании Банка России от 24 апреля 2014 г. № 3241-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 16 декабря 2003 года № 242-П “Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах”» (Вестник Банка России. 2014. 9 июля).

Административная ответственность, как всякий правовой институт, может оказывать как ограничивающее, так и стимулирующее воздействие на общественные отношения[22]. В последней части законодательство об административных правонарушениях обладает существенным потенциалом, который недостаточно оценен в науке.

Как правило, рассматривая функции административной ответственности, ученые много внимания уделяют ее превентивному значению (что позволяет за счет использования механизма наказания уменьшить число повторно совершенных деяний) [7; 8] и редко подчеркивают воспитательную (педагогическую [9]) функцию – когда через информирование о нежелательности действий и через угрозу применения негативных последствий формируется стабильно правомерное поведение субъектов.

Безусловно, повторность и рецидив поддаются арифметическому учету, и потому сведения о них более наглядны. Но если рассуждать об эффективности исходя только из этих данных, можно легко допустить логическую ошибку, приводящую нас к утверждению, что для исключения всех последующих правонарушений все, что требуется, – это строже наказывать за первоначальное. Вместе с тем ошибочность данного постулата достоверно доказана в трудах многих ученых [10]. Поэтому следует принимать во внимание правонарушения потенциальные, но не свершившиеся. Безусловно, узнать сколь-нибудь достоверно о том, какое количество нарушений законодательства разных отраслей могло быть совершено, но правонарушитель не решился под угрозой наказания, невозможно. Однако можно отследить ситуации, в которых лицо принимало меры для недопущения нарушения, но в результате каких-либо обстоятельств данных мер оказалось недостаточно либо они оказались неэффективны. Анализ этих данных позволяет как говорить о виновности конкретного лица, так и при некотором обобщении указать на причины совершения правонарушений и назвать основные эффективные средства борьбы с ними.

Следует отметить, что иногда организации принимают заблаговременные меры, которые имеют основной целью именно уменьшение вероятности привлечения к ответственности, при этом с точки зрения ведения основной деятельности необходимыми не являются.

Примером таких мер служит включение в договоры аренды условий о том, что «арендатор обязан соблюдать требования действующего законодательства РФ»[23] – положение бессмысленное с точки зрения гражданского права, так как обязанность эта вытекает из ч. 2 ст. 15 Конституции, а принудить арендатора арендодатель все равно не сможет[24]. Но это включение имеет смысл в силу

---

[22] Инновационная юриспруденция : учеб. / под ред. В. В. Блажеева, М. В. Мажориной. М. : Проспект, 2025. 912 с.

[23] Решение Кемеровского УФАС России от 17 июля 2019 г. № 042/10/18.1-1116/2019. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://br.fas.gov.ru по состоянию на 26.07.2019.

[24] Например, арендодатель не может заставить арендатора совершать действия, направленные на соблюдение прав инвалидов, если только такого условия нет в договоре: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 июня 2018 г. № Ф06-33276/2018 по делу № А55-23358/2017. Приводится по: *Подко-*

условия, указанного в ч. 2 ст. 2.6.2 КоАП РФ: собственник или иной владелец земельного участка либо другого объекта недвижимости освобождается от административной ответственности, если сможет доказать, что с момента правомерного или неправомерного владения участком/объектом иным лицом у него не имелось возможности предотвратить совершение административного правонарушения либо им были приняты все зависящие от него меры для предотвращения совершения административного правонарушения. Собственно, указанное условие в договоре вкупе с возможностью применения формальной санкции за его нарушение и есть попытка принять меры по предотвращению нарушений, которая иногда бывает успешной[25] и изредка расценивается судами как доказательство отсутствия вины собственника.

Автор убежден в том, что независимо от результативности принятых мер, даже если они не исключили саму возможность совершения административного правонарушения, факт принятия таких мер на систематической основе[26], наличие соответствующих локальных актов, стандартных процедур и лиц, ответственных за их проведение, должны приветствоваться и поощряться на уровне законодательства[27].

Можно предложить три варианта учета факта существования в организации «комплаенса» (в том числе и «административно-деликтного») в качестве обстоятельства, учитываемого при назначении наказания:

1) путем указания в числе обстоятельств, смягчающих ответственность[28] (требует изменений ст. 4.2 КоАП РФ);

2) в качестве обязательного основания для замены штрафа на предупреждение (требует изменений ст. 4.1.1 КоАП РФ);

3) в качестве обстоятельства, исключающего ответственность за впервые совершенное деяние (требует изменений ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ). В этом случае законодательное введение его в Кодекс шло бы в унисон с положениями

паев М. В. Обеспечение доступности аптеки для инвалида // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 4. С. 74–78.

[25] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2020 г. № 13АП-15811/2020 по делу № А56-118383/2019

[26] Следует обратить внимание на то, что УФАС России по Самарской области в определении от 5 августа 2021 г. по делу № 063/01/17-168/2021, 063/01/16-414/2021 «Об отложении рассмотрения дела» прямо указывает на необходимость предоставления информации о наличии/отсутствии в организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса) и в случае наличия – копии актов, плана мероприятий и проч.

[27] Однако внедрение системы комплаенс-контроля не может являться основанием для применения ст. 2.9 КоАП РФ, следует полностью согласиться с постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2025 г. № 15АП-18320/2024 по делу № А32-39958/2024 и постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 февраля 2024 г. № 13АП-37976/2023 по делу № А56-59469/2023.

[28] Точка зрения Свердловского УФАС России об обратном, изложенная в постановлении от 1 июня 2023 г. по делу № 066/04/9.21-1432/2023, представляется неверной.

Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[29] (далее – Закон) о необходимости стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований, возможности выдачи рекомендаций по соблюдению обязательных требований, проведении иных мероприятий, направленных на профилактику рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Также следует отметить, что принятие таких мер и внедрение в организации систематической требуемой деятельности может являться предметом соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований (ст. 90.2 Закона), а также мировых соглашений, заключаемых по делам об оспаривании решений о привлечении к административной ответственности или о назначении административных наказаний, рассматриваемых арбитражными судами (ст. 190, глава 25 АПК РФ) [11].

В судебной практике тоже сделаны первые шаги к признанию факта наличия заранее разработанного и прописанного в локальных актах системного комплекса мер, направленных на недопущение совершения правонарушений, значимым для назначения наказания обстоятельством (как смягчающее ответственность или позволяющее назначить наказание ниже низшего предела[30], но не исключающее ответственность вовсе[31]). Следует надеяться, что данная точка зрения будет иметь повсеместное распространение[32].

---

[29] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[30] Общество просило учесть наличие комплаенс-процедур и случайное совершение нарушения – штраф по ст. 9.21 КоАП РФ был снижен вдвое от минимального размера: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 февраля 2024 г. № 13АП-37976/2023 по делу № А56-59469/2023.
Данное обстоятельство учитывается судами как смягчающее ответственность при условии, что:
1) меры были разработаны и внедрены до совершения правонарушения, в противном случае на наказание данный факт не влияет: решение Арбитражного суда города Москвы от 15 августа 2022 г. по делу № А40-58593/2022-146-436 (последовательно поддержано постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 октября 2022 г. № 09АП-63599/2022, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2023 г. № Ф05-31478/2022, определением Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2023 г. № 305-ЭС23-4165);
2) меры не носят формальный характер, а реально способствуют снижению числа нарушений. В условиях, когда количество нарушений исчисляется сотнями, ссылки на наличие комлаенс-процедур перестают приниматься судами во внимание: решение Арбитражного суда Тюменской области от 1 июля 2025 г. по делу № А70-9958/2025.

[31] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 6 июня 2024 г. по делу № А56-42736/2024.

[32] Суд указал, что поскольку нарушение имело место, то весь большой список мер по предотвращению коррупционных нарушений и тот факт, что «они получили высокую оценку экспертов», не имеют значения: постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2025 г. № 16-2594/2025. Такой подход представляется неверным.

Однако внесение изменений именно в Кодекс позволит выразить законодательное поощрение деятельности, направленной на правомерное поведение, и постепенно, с учетом упоминания в законе о желательности таких мер, перевести ее из разряда исключений в разряд нормальной правовой практики для всех хозяйствующих субъектов.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги исследованию, можно прийти к следующим выводам. С целью снижения количества административных правонарушений следует не только карать за совершенные проступки, но и поощрять правомерное поведение, направленное на недопущение деликтов. Те организации, которые имеют заранее разработанный комплекс мероприятий, нацеленных на соблюдение требований законодательства и недопущение случаев совершения административных правонарушений, должны иметь возможность рассчитывать на смягчение наказания. Такой комплекс мер должен быть системным, реализуемым на постоянной основе, закрепленным в локальных актах, включать в себя конкретные мероприятия, сроки их совершения, ответственных лиц и формы контроля. Для определения такого комплекса мер автор предлагает термин «административно-деликтный комплаенс» по аналогии с уже сложившейся практикой использования данного термина в других отраслях. Непременный учет и поощрение формирования таких комплексов мер будут соответствовать общей тенденции на воспитательное, а не карательное воздействие на субъектов государственными органами в ходе контроля и надзора. Автору представляется важным, чтобы сами правонарушители осознали необходимость заблаговременного противодействия возможным нарушениям закона. Для этого нужны встречные шаги со стороны судов в виде учета самого факта наличия таких усилий на стадии назначения наказания, если правонарушение имело место и встает вопрос о привлечении к ответственности. Автор считает полезным внести соответствующие указания в КоАП РФ, поскольку законодательное закрепление желательного поведения формирует стандарты правосознания в нужном для общества направлении.

Список источников

1. Дымченко В. И. Административная ответственность организации : дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 1982. 202 с.
2. Манохин В. С. Юридический комплаенс (техника, теория, практика) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. 23 с.
3. Шалимова М. А. Система антикоррупционного комплаенса и контроль его соблюдения // Внутренний контроль в кредитной организации. 2014. № 2. С. 100–107.
4. Семкина А. С. Налоговый комплаенс как инструмент управления налоговыми рисками: проблемы и решения // Налоги и финансовое право. 2023. № 5. С. 8–143.
5. Черепанова В. Комплаенс-программа организации : практ. руководство. 2-е изд., испр. и доп. М. : Вузов. учеб : Инфра-М, 2017. 285 с.

6. Шаршова М. Л. Криминалистическое обеспечение антикоррупционного комплаенса : дис. … канд. юрид. наук. М. : Акад. управления МВД России, 2021. 190 с.
7. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М. : Юрид. лит., 1971. 240 с.
8. Пастушенко Е. Н. Цели и функции административной ответственности // Правоведение. 1987. № 3. С. 35–41.
9. Галаган И. А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М. : Ин-т государства и права АН СССР, 1971. 43 с.
10. Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2018. № 2 (33). С. 217–232. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strogost-administrativnogo-nakazaniya (дата обращения: 08.08.2025).
11. Морозова Н. А. Мировые соглашения с участием органов административной юрисдикции в практике арбитражных судов // Российское правосудие. 2024. № 7. С. 51–59. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.7.51-59.

References

1. Dymchenko V. I. *Administrative responsibility of the organization.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Perm; 1982. 202 p. (In Russ.)
2. Manokhin V. S. *Legal compliance (technique, theory, practice).* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Vladimir: Publishing House of Vladimir State University; 2024. 23 p. (In Russ.)
3. Shalimova M. A. The system of anti-corruption compliance and monitoring its compliance. *Vnutrennij kontrol' v kreditnoj organizatsii = Internal Control in a Credit Institution.* 2014;(2):100-107. (In Russ.)
4. Semkina A. S. Tax compliance as a tax risk management tool: problems and solutions. *Nalogi i finansovoe pravo = Taxes and Financial Law.* 2023;(5):8-143. (In Russ.)
5. Cherepanova V. *Compliance program for an organization.* Practical guide. Moscow: Infra-M; 2017. 285 p. (In Russ.)
6. Sharshova M. L. *Forensic support of anti-corruption compliance.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. 190 p. (In Russ.)
7. Samoshchenko I. S., Farukshin M. Kh. *Liability under Soviet legislation.* Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1971. 240 p. (In Russ.)
8. Pastushenko E. N. Purposes and functions of administrative liability. *Pravovedenie = Legal Studies.* 1987;(3):35-41. (In Russ.)
9. Galagan I. A. *Theoretical problems of administrative liability under Soviet law.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences; 1971. 43 p. (In Russ.)
10. Andreev D. S. Severity of administrative punishment. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law.* 2018;(2):217-232. (In Russ.) URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/strogost-administrativnogo-nakazaniya (Accessed: 08.08.2025).

11. Morozova N. A. Settlement agreements involving administrative jurisdiction bodies in the practice of arbitration courts. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2024;(7):51-59. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.7.51-59.

Информация об авторе / Information about the author

Морозова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент, судья Арбитражного суда Уральского округа (Российская Федерация, 662000, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 32), доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (Российская Федерация, 660041, Красноярск, пр. Свободный, д. 79).

Natalia A. Morozova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Judge at the Arbitration Court of the Ural District (32 Lenin St., Yekaterinburg, 662000, Russian Federation), Associate Professor at the Constitutional, Administrative and Municipal Law Department, Law Institute, Siberian Federal University (79 Svobodniy Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 347.91/.95
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.82-96

Исключение доказательств в гражданском процессе как дискреционное полномочие суда (сравнительно-правовое исследование)

Ирина Владимировна Гинзбург

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Российская Федерация
Irinag88@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-4219-8345

Аннотация

Введение. Дискреционное полномочие суда по исключению доказательств в ходе судебного разбирательства имеет важное значение для обеспечения процессуальной добросовестности. Отсутствие в российском гражданском процессуальном законодательстве положений, регулирующих вопрос исключения доказательств, снижает эффективность процессуальной деятельности. В статье актуализируется необходимость модернизации российского гражданского процессуального законодательства в части закрепления института исключения доказательств с учетом сложившейся зарубежной практики.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу научной статьи составили труды российских и зарубежных ученых. Применяемые в работе сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования позволили глубоко осмыслить сущность и значение дискреционных полномочий суда в гражданском процессе, особенно в контексте исключения доказательств.

Результаты исследования. Приведенный в статье сравнительный анализ дискреционного полномочия суда на исключение доказательств в гражданском процессе способствовал формированию рекомендаций для изменения российского гражданского процессуального законодательства.

Обсуждение и заключение. Обращение к правовым системам Англии, США, Канады и России демонстрирует не только различия в правовых подходах, но и общее понимание того, что справедливость судебного разбирательства невозможна без гибкого и одновременно обоснованного судейского усмотрения. Исключение доказательств в гражданском процессе – это не просто техническая

© Гинзбург И. В., 2026

процедура, а показатель зрелости судебной системы и ее способности эффективно реагировать на вызовы, связанные с процессуальной недобросовестностью, в интересах обеспечения справедливости судебного разбирательства.

Ключевые слова: дискреционные полномочия суда, судейское усмотрение, оценка доказательств, допустимость доказательств, исключение доказательств

Для цитирования: Гинзбург И. В. Исключение доказательств в гражданском процессе как дискреционное полномочие суда (сравнительно-правовое исследование) // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 82–96. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.82-96.

Original article

Exclusion of Evidence in Civil Proceedings as a Discretionary Power of the Court (Comparative Legal Study)

Irina V. Ginzburg

Ogarev National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation
Irinag88@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-4219-8345

Abstract

Introduction. The discretionary power of the court to exclude evidence during the trial is important for ensuring procedural integrity. The absence of provisions in Russian civil procedural legislation regulating the issue of exclusion of evidence reduces the effectiveness of procedural activity. The article actualizes the need to modernize Russian civil procedural legislation in terms of securing the institution of exclusion of evidence, taking into account the established foreign practice.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the scientific article is the works of Russian and foreign scientists. The comparative legal and formal legal research methods used in the work allowed for a deep understanding of the essence and significance of the court's discretionary powers in civil proceedings, especially in the context of exclusion of evidence.

Results. The comparative analysis of the court's discretionary power to exclude evidence in civil proceedings presented in the article contributed to the formation of recommendations for changing Russian civil procedural legislation.

Discussion and Conclusion. A look at the legal systems of England, the United States, Canada and Russia demonstrates not only differences in legal approaches, but also a common understanding that a fair trial is impossible without flexible and at the same time well-founded judicial discretion. The exclusion of evidence in civil proceedings is not just a technical procedure, but an indicator of the maturity of the judicial system and its ability to effectively respond to challenges related to procedural unfairness in the interests of ensuring the fairness of the trial.

Keywords: discretionary powers of the court, judicial discretion, evaluation of evidence, admissibility of evidence, exclusion of evidence

For citation: Ginzburg I. V. Exclusion of evidence in civil proceedings as a discretionary power of the court (comparative legal study). *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):82-96. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.82-96.

Введение

Состязательность цивилистического процесса предполагает активное участие заинтересованных в исходе дела лиц в поиске и представлении доказательств с целью обоснования своих доводов и возражений. При этом роль суда в процессе доказывания сложно переоценить. Гражданское судопроизводство основано на принципе судейского руководства процессом, который наряду с принципом состязательности призван способствовать полному и эффективному осуществлению процессуальных прав всеми лицами, участвующими в деле. Реализуя свои дискреционные полномочия, суд определяет порядок рассмотрения доказательств, оценивает доказательственную силу представленных материалов, их достоверность по своему внутреннему убеждению, руководствуясь принципами законности и справедливости.

Реализация судьями дискреционных полномочий позволяет обеспечить гибкость судебного процесса и его адаптивность к особенностям конкретного дела. При этом требование мотивированности, предъявляемое к судебным актам, а также возможность их обжалования в вышестоящие инстанции выступают гарантиями, не допускающими произвольного применения судьями своих дискреционных полномочий.

Исследованию дискреционных полномочий судьи в процессе доказывания посвящено значительное количество как отечественных, так и зарубежных научных работ. В. И. Анишина отмечала, что дискреционные полномочия судов долгое время неразрывно связывались с отступлением от общих правил законности, что препятствовало становлению самостоятельности суда [1, с. 27]. А. Аканле считает, что дискреционные полномочия судей позволяют закону «работать» в зависимости от обстоятельств и фактов каждого конкретного дела [2, p. 23]. По мнению Т. Я. Хабриевой, сочетание мотивированности и судейского усмотрения выступает одним из элементов права на справедливое судебное разбирательство [3].

Исключение доказательств как дискреционное полномочие суда представляет собой процессуальное действие, направленное на признание доказательства не подлежащим исследованию и использованию в ходе судебного разбирательства в целях обеспечения его справедливости и эффективности, а также защиты прав сторон от процессуальных злоупотреблений. Тема дискреционных полномочий суда в гражданском процессе, особенно в контексте исключения доказательств, крайне актуальна на фоне растущего внимания к обеспечению справедливого правосудия и добросовестности сторон. При этом отсутствие в российском гражданском процессуальном законодательстве положений, регулирующих вопрос исключения доказательств, по нашему мнению, является серьезным упущением законодателя.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу научной статьи составили труды российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованием проблематики реализации дискреционных полномочий в контексте исключения доказательств в гражданском процессе.

Посредством сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования выделены особенности исключения доказательств в граждан-

ском процессе в правовых системах Англии, США и Канады. Компаративистский анализ и анализ правоприменительной практики позволили выделить ряд рекомендаций для модернизации российского гражданского процессуального законодательства.

Результаты исследования

Английский подход к исключению доказательств в гражданском процессе. В странах общего права суды обладают дискреционным полномочием принимать решение об исключении доказательств, если доказательства получены с нарушением закона или их представление может привести к несправедливому судебному разбирательству. При этом Александра Аллен-Фрэнк, исследуя дискреционные полномочия английских судов по исключению доказательств, отмечает, что их реализация в большей степени характерна для уголовного судопроизводства [4, p. 66].

Несмотря на то что Правила гражданского судопроизводства (CPR)[1] предусматривают право суда осуществлять контроль за представлением участниками процесса доказательств, в том числе посредством их исключения (Правило 32.1), на практике применение данного правила демонстрирует значительную вариативность.

> *Так, в рамках бракоразводного процесса с разделом имущества по делу «Imerman v. Imerman» были представлены доказательства наличия у одного из супругов скрытых активов. Эти доказательства были получены с нарушением установленных правовых норм: посредством несанкционированного доступа к серверу, расположенному в офисе супруга, и копирования информации и документов, хранящихся на данном сервере. Суд указал, что в рамках рассмотрения вопроса о допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве не исследуется законность методов их получения. Однако это не означает, что доказательство не может быть исключено судом в случае, если оно получено с нарушением требований закона*[2].

Судья имеет право исключить доказательство, если он убежден, что это необходимо в интересах правосудия, для обеспечения справедливости судебного разбирательства и защиты прав и свобод участников процесса.

> *В другом деле – «Ras Al Khaimah Investment Authority v Azima» суд занял противоположную позицию при разрешении вопроса об исключении доказательств из гражданского дела. Инвестиционная компания подала исковое заявление в суд с целью возмещения убытков, вызванных недобросовестными действиями ответчика. Ответчик представил искаженные и недостоверные данные, что позволило ему заключить соглашение с истцом о предоставлении финансовых средств. Иск основывался на конфиденциальных электронных письмах и других*

---

[1] Civil Procedure Rules. URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part32#32.1 (дата обращения: 15.06.2025).

[2] См.: “Imerman v Imerman”, EWHC 3486 (11 Dec 2009). URL: https://www.5rb.com/case/imerman-v-imerman/ ; “Tchenguiz & Ors v Imerman” (Rev 4), EWCA Civ 908 (29 July 2010). URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/908.html (дата обращения: 15.06.2025).

материалах, которые были получены путем взлома учетной записи электронной почты ответчика. Ответчик заявил о необходимости исключения данных доказательств в связи с незаконностью способа, которым они были получены. Суд указал, что относимые к делу доказательства, как правило, допустимы в гражданском судопроизводстве, даже если они получены путем «взлома или кражи, если только нет иных веских причин для их исключения». Основное внимание при разрешении вопроса об исключении доказательств должно быть уделено оценке их доказательственной ценности и потенциальной возможности другой стороны извлечь выгоду из собственной недобросовестности (если доказательства будут исключены). Суд подчеркнул, что исключение доказательств из гражданского дела, согласно Правилу 32.1 CPR, это право, а не обязанность суда[3].

Таким образом, английские суды при рассмотрении гражданских дел обладают широкой дискрецией в области управления процессом, имеют право по своему усмотрению исключать доказательства, поддерживая баланс между полнотой доказательств по делу и процессуальной справедливостью. При этом в основе реализации права суда на исключение доказательств лежит модель гибкой дискреции, не предполагающая каких-либо формализованных правил для этого. Суды руководствуются исключительно внутренним убеждением и ориентируются на имеющиеся судебные решения по другим делам.

Американский подход к исключению доказательств в гражданском процессе. Судьи в Соединенных Штатах Америки, рассматривая гражданские дела, также обладают обширными дискреционными полномочиями, охватывающими широкий спектр процессуальных аспектов, включая оценку допустимости доказательств, принятие решений об исключении свидетельских показаний и письменных материалов из доказательной базы дела и т. д.

С целью оптимизации судебных процедур, минимизации неоправданных издержек и временны́х затрат на рассмотрение дел, а также установления пределов осуществления судейского усмотрения в процессе доказывания в Соединенных Штатах Америки разработаны Федеральные правила доказывания[4] (FRE). Кроме того, правила доказывания находят свое отражение в кодексах и законах штатов, основанных на Федеральных правилах доказывания. Некоторые правила на уровне отдельных штатов могут дополняться и уточняться с учетом собственной судебной политики и правоприменительной практики[5].

---

[3] “Ras Al Khaimah Investment Authority v Azima”, EWCA Civ 349 (12 March 2021). URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2021/349.html (дата обращения: 15.06.2025).

[4] Federal Rules of Evidence (2024). URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre (дата обращения: 15.06.2025).

[5] См., например: MT Code § Rule 401 (2024). URL: https://law.justia.com/codes/montana/title-26/chapter-10/part-article-iv/section-rule-401/ ; GA Code § 24-4-408 (2020). URL: https://law.justia.com/codes/georgia/2020/title-24/chapter-4/section-24-4-408/ ; WI Stat § 904.01 (2024). URL: https://law.justia.com/codes/wisconsin/chapter-904/section-904-01/ и др. (дата обращения: 15.06.2025).

По общему правилу, применяемому во всех видах судопроизводства, все доказательства допустимы, если они имеют отношение к рассматриваемому делу, позволяют установить или опровергнуть искомый факт и не подпадают под правила, предусматривающие их исключение (см. Правило 402[6]). Недопустимыми доказательствами, предполагающими их исключение, признаются доказательства, полученные с нарушением требований законодательства, не относящиеся к делу и не отвечающие критерию надежности.

В соответствии с положениями Правила 403[7] суд наделен дискреционным полномочием исключать доказательства, доказательственная ценность которых уступает негативным последствиям, которые может повлечь за собой их дальнейшее использование в судебном разбирательстве. Так, судья вправе исключать доказательства, которые могут привести к формированию предвзятости у присяжных, направлены на введение их в заблуждение или используются для затягивания процесса. Это полномочие имеет критическое значение в контексте рассмотрения гражданских дел в Соединенных Штатах Америки, где решения часто выносятся коллегией присяжных. Участники судебного разбирательства могут заявить ходатайство (in limine) об исключении доказательства, которое рассматривается судом вне присутствия присяжных и используется как на досудебных слушаниях, так и во время судебного разбирательства.

Приведем в пример гражданское деле «Muhammad v Right Price Gen. Constr. Corp.».

> *Суть спора в рамках рассматриваемого дела сводилась к возмещению убытков истца, вызванных дорожно-транспортным происшествием. Ответчик представил суду сведения о предыдущей судимости истца за попытку продажи запрещенных веществ в целях того, чтобы тем самым доказать возможность создания аварийной ситуации самим истцом. Суд, реализовав свое дискреционное полномочие, исключил соответствующее доказательство, посчитав, что такие сведения создают риск вынесения решения на основе эмоциональных факторов, а не объективного анализа представленных материалов*[8].

Федеральные правила доказывания содержат указание на возможность исключения при определенных обстоятельствах из гражданского дела также иных доказательств. Так, в соответствии с Правилом 404[9] по усмотрению суда могут быть признаны недопустимыми и исключены доказательства, ха-

---

6 Federal Rules of Evidence (2024). Rule 402. General Admissibility of Relevant Evidence. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_402 (дата обращения: 15.06.2025).

7 Federal Rules of Evidence (2024). Rule 403. Excluding Relevant Evidence for Prejudice, Confusion, Waste of Time, or Other Reasons. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_403 (дата обращения: 15.06.2025).

8 “Muhammad v Right Price Gen. Constr. Corp.”, NY Slip Op 50335(U) (1 April 2024). URL: https://law.justia.com/cases/new-york/other-courts/2024/2024-ny-slip-op-50335-u.html (дата обращения: 15.06.2025).

9 Federal Rules of Evidence (2024). Rule 404. Character Evidence. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_404 (дата обращения: 15.06.2025).

рактеризующие личность участника процесса (сведения о его деловой репутации, чертах характера и т. д.).

Рассмотрим реализацию данного правила на примере конкретного дела «Duggan Ins. Agency, Inc. v. Altschul». Истец, страховое агентство, обратился с требованием о взыскании аванса, выплаченного бывшему сотруднику. Ответчик предъявил встречный иск о взыскании комиссионных за проделанную до увольнения работу. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство первоначального ответчика об исключении характеристики, представленной первоначальным истцом, содержащей сведения, относящиеся к его профессиональной деятельности у предыдущих работодателей. В характеристике содержалась информация о том, что услуги, оказываемые ответчиком, не обладали какой-либо ценностью. По мнению истца, данная характеристика представляет собой важное и допустимое доказательство, подтверждающее факт систематического оказания ответчиком услуг ненадлежащего качества. Исключение судом характеристики послужило поводом для обращения истца с апелляционной жалобой. Суд вышестоящей инстанции, оставляя жалобу без удовлетворения, отметил, что доказательства, относящиеся к второстепенным вопросам, могут способствовать прояснению основных аспектов дела. Однако важно, чтобы судьи первой инстанции обладали дискреционными полномочиями в отношении допустимости такого рода доказательств. В противном случае судебное разбирательство может быть сфокусировано на второстепенных вопросах в ущерб рассмотрению основных. По результатам рассмотрения дела суд присяжных вынес решение в пользу сотрудника[10].

Таким образом, в отличие от Англии в Соединенных Штатах Америки применяется модель формализованной дискреции, характеризующаяся строгими процессуальными правилами по исключению доказательств. При этом Дуглас М. Фасциале обращает внимание на тот факт, что судьи вышестоящих инстанций не осуществляют пересмотр результатов реализации дискреционных полномочий судей первой инстанции, если только судья не допустил злоупотребления ими [5, p. 1069]. Вывод о злоупотреблении судьями своими дискреционными полномочиями может быть сделан на основе анализа конкретных ситуаций, когда решение принимается без должного обоснования, а также когда применение дискреционных полномочий очевидно нарушает принципы справедливости и равенства сторон в гражданском процессе.

Канадский подход к исключению доказательств в гражданском процессе. Подход к реализации дискреционных полномочий по исключению доказательств в гражданском процессе Канады можно охарактеризовать как гибридный, сочетающий элементы формализации и гибкости [6, p. 278]. Питер Санкофф и Захари Уилсон отмечают, что на формирование доказательственного права Канады сильное влияние оказывал английский опыт, в связи с чем установка на то, что все доказательства, имеющие отношения к гражданскому делу, являются допустимыми и не должны исключаться из него,

[10] "Duggan Ins. Agency, Inc. v. Altschul", 195 Ga. App. 458, 394 S.E.2d 119 (30 April 1990). URL: https://case-law.vlex.com/vid/duggan-ins-agency-inc-889805762 (дата обращения: 15.06.2025).

долгое время являлась основной. Однако со временем данный подход скорректировался: «Суды признали ценность сохранения за собой права по своему усмотрению исключать доказательства, которые могут нанести ущерб репутации отправления правосудия» [7, p. 149].

В решении по делу «Mitchell v. M.N.R.» Верховный Суд Канады указал, что правила доказывания не «высечены на камне и не приняты в вакууме»; они должны способствовать осуществлению правосудия, а не препятствовать ему. В основе правил допустимости доказательств лежат три идеи: доказательства должны быть «полезными», т. е. подтверждать или опровергать факт, имеющий отношение к делу; доказательства должны быть достаточно надежными; даже полезные и достаточно надежные доказательства могут быть исключены по усмотрению суда первой инстанции, если их доказательная ценность значительно ниже потенциального вреда, который они могут нанести[11]. В условиях сложившейся судебной практики вред может возникнуть при представлении доказательств, полученных в условиях, нарушающих права и свободы участников процесса. Это может негативно повлиять на общественное восприятие судебной системы, если подобные факты будут игнорироваться при рассмотрении дел. Наглядно это видно из практики рассмотрения семейных споров.

> *В рамках судебного процесса по делу «Godin v. Godin» рассматривался иск о предоставлении бывшей супруге ответчика права на совместную опеку над их тремя несовершеннолетними детьми. С целью подвергнуть сомнению способность отца осуществлять надлежащий уход за детьми истица инициировала незаконное изъятие персонального компьютера из его жилища. Взломав учетную запись электронной почты, она получила доступ к материалам личной переписки, которые сочла компрометирующими для репутации бывшего супруга. Суд признал представленные доказательства недопустимыми и исключил их на том основании, что их потенциальная доказательная ценность была существенно ниже вреда, который могло причинить их дальнейшее исследование. Суд подчеркнул, что принятие таких доказательств в качестве легитимных может способствовать формированию негативной практики, при которой стороны будут прибегать к несанкционированному доступу к учетным записям электронных коммуникаций в целях представления материалов суду*[12].

Что касается законодательной основы исключения судом доказательств, то соответствующее полномочие прямо предусмотрено в Разделе 24(2) Канадской хартии прав и свобод, принятой в 1982 г.[13] Однако данное положение не распространяется на гражданское судопроизводство. При этом общие

---

[11] “Mitchell v. M.N.R.”, 1 S.C.R. 911, 2001 SCC 33. (24 May 2001). URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1869/index.do (дата обращения: 15.06.2025).

[12] “Godin v. Godin”, 2010 NSSC 365 (CanLII). URL: https://www.canlii.org/en/ns/nssc/doc/2010/2010nssc365/2010nssc365.html (дата обращения: 15.06.2025).

[13] The Canadian Charter of Rights and Freedoms. 1982. URL: https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/rfc-dlc/ccrf-ccdl/check/art242.html (дата обращения: 15.06.2025).

правила доказывания, изложенные в Законе о доказательствах Канады (Canada Evidence Act)[14] и соответствующих законах, принятых на уровне провинций[15], сосредоточены на вопросах допустимости различных видов доказательств и не содержат отдельных положений, регулирующих какие-либо аспекты их исключения. Питер Санкофф и Захари Уилсон отмечают, что сложившаяся практика по исключению судами доказательств из гражданского дела напоминает «карточный домик», где каждое последующее решение содержит ссылки на более ранние судебные решения. Несмотря на то что в Законе о доказательствах Канады (как и в законах провинций) отмечено, что правила, изложенные в нем, не являются исчерпывающими, поскольку доказательственный процесс в значительной степени регулируется общим правом, авторы считают, что их все же следует обновить [7, p. 161].

Учитывая, что особенностью Канады является сосуществование двух правовых систем: континентальной (Квебек) и системы общего права (другие провинции и территории Канады), следует также обратить внимание на вопрос закрепления соответствующего полномочия в законодательстве Квебека. В Гражданском кодексе Квебека (п. 2857, 2858) отмечено, что доказательства, имеющие отношение к делу, допустимы. При этом суд по своей инициативе может исключить доказательства, если они получены при обстоятельствах, которые нарушают права и свободы других участников процесса; если их принятие и исследование могут причинить вред репутации отправления правосудия. Согласно п. 2859 в остальных случаях суд по собственной инициативе не может исключить доказательства из гражданского дела[16]. Однако в случае предъявления стороной ходатайства об исключении доказательств ввиду их недопустимости данные обстоятельства должны быть рассмотрены судом и им должна быть дана надлежащая оценка.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно исключения доказательств из гражданского дела. Исключение доказательств из гражданского дела представляет собой форму реагирования суда на обстоятельства, препятствующие их дальнейшему исследованию в ходе судебного разбирательства. Исключение доказательств – это одно из возможных последствий оценки судом доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и доказательственной ценности в рамках установления истины по делу. В правовых системах общего права применяется концепция «рациональной системы доказательств», предполагающая, что все относимые доказательства допустимы, если только они не подпадают под конкретные условия, препятствующие признанию их в качестве таковых по ряду других причин. Условия признания доказательств недопустимыми могут быть как отражены в законодательных актах, так и сформулированы

---

[14] Canada Evidence Act (R.S.C., 1985, c. C-5). URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-5/ (дата обращения: 15.06.2025).

[15] См., например: Alberta Evidence Act, RSA 2000, c. A-18. URL: https://www.canlii.org/en/ab/laws/stat/rsa-2000-c-a-18/latest/rsa-2000-c-a-18.html (дата обращения: 15.06.2025).

[16] Civil Code of Québec. 1991. URL: https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/ccq-1991#se:2859 (дата обращения: 15.06.2025).

в результате правоприменительной практики. Оценка судом допустимости доказательств и исключение доказательств из гражданского дела – это взаимосвязанные процессы и, одновременно с этим, проявление судебной дискреции. Если суд установит наличие оснований для признания доказательства недопустимым, оно будет исключено из гражданского дела. В правовых системах общего права исключение доказательств из гражданского дела оформляется в виде отдельного процессуального акта (как правило, по результатам досудебного слушания или в ходе судебного разбирательства при рассмотрении соответствующего ходатайства от участников процесса) и имеет прямое следствие – доказательство полностью устраняется из материалов дела и не может быть положено в основу решения. Это позволяет обеспечить справедливость судебного разбирательства, а также защитить права сторон от неправомерного использования или злоупотребления доказательствами.

Российский подход к исключению доказательств в гражданском процессе. Право на исключение доказательств из дела предусмотрено в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 61) и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 235). Российское гражданское процессуальное законодательство не содержит каких-либо положений, регулирующих вопросы исключения доказательств. Можно предположить, что исключение доказательств в гражданском процессе является частью более широкого по своему содержанию дискреционного полномочия суда – по оценке доказательств. Согласно ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению; суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности. Согласно ст. 59 ГПК РФ суд признает доказательство относимым, если оно имеет значение для рассмотрения и разрешения дела. Достоверным является доказательство, соответствующее действительности, характеризующееся точностью и правильностью отображения обстоятельств по делу[17]. Согласно ст. 55, 60, 67 ГПК РФ суд признает доказательство недопустимым, если оно не соответствует установленным законом требованиям (в том числе способу получения, источнику, форме и т. д.).

В соответствии с положениями ст. 35 и 60 ГПК РФ сторона обладает правом приводить аргументы, направленные на признание доказательства, представленного противоположной стороной, не относящимся к делу, недопустимым и недостоверным. Определенной значимостью обладает сам момент приведения соответствующих аргументов. Так, суд может отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении доказательств с учетом мнения другой стороны по делу. Право на обжалование заинтересованным лицом соответствующего процессуального решения отдельно от судебного акта, принятого судом по результатам рассмотрения дела, гражданским процессуальным законодательством не предусмотрено. При этом на судье лежит ответственность за вынесение законного и обоснованного решения, поскольку отказ в приобщении доказательств может привести к негативным последствиям и

[17] *Котлярова В. В.* Судебное доказывание по гражданским и административным делам : учеб. пособие / под ред. А. В. Юдина. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2021. С. 45.

отмене судебного решения в вышестоящих инстанциях. Например, в определении от 11 декабря 2023 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала на допущенные судом первой инстанции существенные нарушения норм процессуального права, оставленные без внимания судами апелляционной и кассационной инстанций.

> *Так, рассматривая дело об установлении факта трудовых отношений, суд первой инстанции в обоснование вывода об отсутствии между сторонами трудовых отношений сослался на решение суда, которым отменено постановление Государственной инспекции труда о привлечении заинтересованного лица к административной ответственности за неоформление трудовых отношений с заявителем. Суд не дал оценки представленным заявителем доказательствам, отклонил ходатайства о приобщении к делу дополнительных доказательств, отдав предпочтение в нарушение ст. 67 ГПК РФ конкретному доказательству по делу, что привело к вынесению незаконного судебного решения*[18].

По нашему мнению, приобщение либо отказ в приобщении доказательств по делу можно отнести к дискреционным полномочиям суда. Однако данное полномочие не имеет ничего общего с исключением доказательств по делу, так как в первом случае представленные материалы изначально не становятся частью гражданского дела. Иными словами, если доказательство прилагается к исковому заявлению (заявлению) или суд удовлетворил ходатайство о приобщении дополнительных доказательств в процессе рассмотрения гражданского дела, исключить их уже нельзя. Заинтересованная сторона по-прежнему вправе указать на недопустимость доказательства по каким-либо причинам. Однако процессуальная возможность вынесения судом определения об исключении доказательства не предусмотрена[19]. Результат оценки доказательств, представленных в дело, должен быть отражен в судебном акте, принятом по итогам рассмотрения дела. По справедливому замечанию М. А. Фокиной, доказательство, полученное с нарушением закона, не утрачивает статуса судебного доказательства фактически на протяжении всего производства в первой инстанции и получает негативную оценку только при вынесении судебного решения, что крайне нелогично [8, с. 15].

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) предусматривает возможность исключения доказательств из дела при строго определенных обстоятельствах. Так, согласно ст. 161 АПК РФ, если лицо, участвующее в деле, заявит о фальсификации доказательства, суд с согласия лица, представившего спорное доказательство, исключает его из числа доказательств по делу. В соответствии с положениями гражданского процессуального законодательства в случае возникновения обоснованных сомнений

---

[18] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 18-КГ23-182-К4. URL: https://study.garant.ru/#/document/408363821/paragraph/1:0 (дата обращения: 15.06.2025).

[19] См., например, определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 г. № 88-28415/2022. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=107013&cacheid=BD53DECC75577EEF5B22FDB549D08A3D&mode=splus&rnd=5dPcopUg5ho592gF1#UERcopUQpLxg7rFN2 (дата обращения: 15.06.2025).

в аутентичности представленных доказательств лицо, участвующее в деле, также вправе заявить, что они являются подложными. Как указано в ст. 186 ГПК РФ, при наличии такого заявления от заинтересованного лица суд в целях его проверки по своему усмотрению может назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации данное дискреционное полномочие никоим образом не умаляет реализацию права на судебную защиту и права на справедливое судебное разбирательство. Исходя из лежащей на судье ответственности за вынесение законного и обоснованного решения и при наличии обоснованных сомнений в подлинности доказательства он обязан принять меры, предусмотренные ст. 186 ГПК РФ[20]. При этом какая-либо процессуальная возможность исключения доказательств в рассматриваемой ситуации (в отличие от арбитражного процессуального законодательства) не закреплена. По данному вопросу Конституционный Суд отметил, что процессуальные нормы, регламентирующие рассмотрение заявления о подложности доказательства, направлены на проверку подлинности формы доказательства. При этом следует обратить внимание на то, что названные процессуальные механизмы не затрагивают вопросы оценки достоверности доказательства[21]. Результаты оценки суд обязан отразить в решении, в котором будут приведены мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты судом или не приняты им во внимание.

Таким образом, гипотеза о наличии у суда дискреционных полномочий по исключению доказательств в гражданском судопроизводстве как элемента более широкой дискреционной компетенции, связанной с оценкой доказательств, вызывает значительные сомнения. Исследование данного вопроса с учетом зарубежного опыта позволяет сделать вывод об отсутствии у суда таких полномочий при рассмотрении гражданских дел.

По мнению А. В. Юдина, введение в гражданское процессуальное законодательство института исключения доказательств необходимо как в целях недопущения в судебный процесс доказательств, не отвечающих установленным законом требованиям, так и для обеспечения процессуальной экономии временно́го ресурса, затрачиваемого на последующее исследование недопустимых доказательств [9, с. 11].

Мы считаем, что есть еще несколько серьезных доводов, подтверждающих необходимость его закрепления в гражданском процессе. Во-первых, несмотря на наличие у судов полномочий по оценке относимости, допустимости и достоверности доказательств, реализуемых в рамках вынесения итогового судебного акта, отсутствие процедуры исключения доказательств на ста-

---

[20] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 655-О-О/2008. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=83572&cacheid=42824833859457DFA448CB4BFE294BDA&mode=splus&rnd=nNLDspUK9H8D0J031#7BODspU4i94DqCu21 (дата обращения: 15.06.2025).

[21] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 1727-О. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71089062/ (дата обращения: 15.06.2025).

дии разбирательства ограничивает возможности своевременного реагирования на недобросовестные действия сторон. Во-вторых, внесение изменений в гражданское процессуальное законодательство в части закрепления соответствующей процедуры обеспечит бóльшую прозрачность при рассмотрении гражданских дел.

Обсуждение и заключение

Проведенный в статье сравнительный анализ дискреционного полномочия суда по исключению доказательств в гражданском процессе свидетельствует о многообразии подходов к его реализации в правовых системах общего права: от формализованной модели в США, где исключение доказательств подчинено нормативной регламентации, до более гибкой практики в Англии и Канаде, где суды руководствуются принципом справедливости, внутренним убеждением и судебными прецедентами. При этом анализ наглядно демонстрирует, что исключение доказательств в гражданском процессе – это не просто техническая процедура, а показатель зрелости судебной системы и ее способности эффективно реагировать на вызовы, связанные с процессуальной недобросовестностью, в интересах обеспечения справедливости судебного разбирательства. Полномочие суда по исключению доказательств в гражданском процессе, реализуемое через вынесение мотивированного постановления, подлежащего самостоятельной апелляционной проверке, является эффективным механизмом минимизации риска существенных процессуальных нарушений при вынесении итогового судебного акта. Данный процессуальный институт не только снижает вероятность ошибок в правоприменительной практике, но и способствует уменьшению количества апелляционных жалоб, обусловленных такими нарушениями.

Список источников

1. Анишина В. И. Дискреционные полномочия судов как гарантия самостоятельности и эффективности судебной власти // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 27–31.
2. Akanle A., Akanle K. Legal effects of the abuse of discretionary powers by judicial officers // International Journal of Clinical Legal Education. 2023. No. 1. P. 23–32. URL: https://www.researchgate.net/publication/373865487_Legal_Effects_of_the_Abuse_of_Discretionary_Powers_by_Judicial_Officers (дата обращения: 20.07.2026).
3. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : моногр. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма : Инфра-М, 2024. 384 с.
4. Allen-Franks A. Discretion to exclude improperly obtained evidence in civil proceedings in England and Wales // Legal Studies. 2023. Vol. 43, no. 1. P. 66–85. DOI: 10.1017/lst.2022.23.
5. Fasciale D. M. A case study analyzing how trial judge experience shapes intermediate appellate review of discretionary determinations // Seton Hall Law Review. 2023. Vol. 53, no. 4. P. 1043–1118. URL: https://scholarship.shu.edu/shlr/vol53/iss4/1/ (дата обращения: 20.07.2026).

6. Paciocco D. M. The principled use of hearsay in civil cases: a technical guide to avoiding technicality // The Canadian Bar Review. 2008. Vol. 87, no. 2. P. 277–315. URL: https://canlii.ca/t/29jn (дата обращения: 20.07.2026).
7. Sankoff P., Wilson Z. A jurisprudential “house of cards”: the power to exclude improperly obtained evidence in civil proceedings // The Canadian Bar Review. 2021. Vol. 99, no. 1. P. 145–171. URL: https://cbr.cba.org/index.php/cbr/article/view/4661 (дата обращения: 20.07.2026).
8. Фокина М. А. Вопросы гармонизации публично-правового и частноправового начала в доказывании по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 12. С. 11–18.
9. Юдин А. В. Гражданскому и арбитражному процессу необходим институт исключения доказательств // Российская юстиция. 2008. № 7. С. 11–14.

References

1. Anishina V. I. Discretionary powers of courts as a guarantee of independence and effectiveness of the judiciary. *Konstitutsionnoe i munitsipal’noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2007;(8):27-31. (In Russ.)
2. Akanle A., Akanle K. Legal effects of the abuse of discretionary powers by judicial officers. *International Journal of Clinical Legal Education*. 2023;(1):23-32. URL: https://www.researchgate.net/publication/373865487_Legal_Effects_of_the_Abuse_of_Discretionary_Powers_by_Judicial_Officers (Accessed: 20.07.2026).
3. Khabrieva T. Ya., ed. *Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation*. Monograph. Moscow: Norma; Infra-M; 2024. 384 p. (In Russ.)
4. Allen-Franks A. Discretion to exclude improperly obtained evidence in civil proceedings in England and Wales. *Legal Studies*. 2023;43(1):66-85. DOI: 10.1017/lst.2022.23.
5. Fasciale D. M. A case study analyzing how trial judge experience shapes intermediate appellate review of discretionary determinations. *Seton Hall Law Review*. 2023;53(4):1043-1118. URL: https://scholarship.shu.edu/shlr/vol53/iss4/1/ (Accessed: 20.07.2026).
6. Paciocco D. M. The principled use of hearsay in civil cases: a technical guide to avoiding technicality. *The Canadian Bar Review*. 2008;87(2):277-315. URL: https://canlii.ca/t/29jn (Accessed: 20.07.2026).
7. Sankoff P., Wilson Z. A jurisprudential “house of cards”: the power to exclude improperly obtained evidence in civil proceedings. *The Canadian Bar Review*. 2021;99(1):145-171. URL: https://cbr.cba.org/index.php/cbr/article/view/4661 (Accessed: 20.07.2026).
8. Fokina M. A. Issues of harmonization of public-law and private-law principles in proof in civil cases. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitration and Civil Procedure*. 2004;(12):11-18. (In Russ.)
9. Yudin A. V. Civil and arbitration proceedings need an institution of exclusion of evidence. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2008;(7):11-14. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Гинзбург Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Российская Федерация, 430005, Саранск, ул. Большевистская, д. 68).
Irina V. Ginzburg, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law and Procedure Department, Ogarev National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 11.07.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 349.3
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.97-110

Нуждаемость как универсальная характеристика субъекта – получателя социально-обеспечительного правоотношения. Теоретические и практические проблемы оценки

Ирина Владимировна Кручек

Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация
kruchek.irina@gmail.com

Аннотация

Введение. Историко-правовой анализ эволюции круга субъектов-получателей в праве социального обеспечения свидетельствует о том, что на всех этапах развития этой отрасли права в соответствии с изменяющейся социально-экономической ситуацией, социальными приоритетами и перспективами социального развития проявляется стойкая тенденция к его расширению. Пришедший на смену категориальному подходу принцип адресности социального обеспечения переориентировал направленность общественных и обобществленных средств – основных его источников – на удовлетворение потребностей наиболее нуждающихся граждан и/или семей.

Понятие нуждаемости сформулировано юридической наукой еще в советский период, активно используется на доктринальном уровне в праве социального обеспечения, начиная с 2000-х гг., как общее определение субъекта права социального обеспечения. Однако, несмотря на то что нуждаемость сегодня является общепризнанной универсальной характеристикой субъекта-получателя, определяющей его право обратиться за помощью и/или содержанием к государству в случае наступления события, которое мы называем основанием предоставления помощи или содержания, она все еще не находит закрепления в нормах права и не является юридическим фактом, порождающим социально-обеспечительные правоотношения, а процедуры установления факторов нуждаемости отличаются многообразием. Работа по их унификации только начата и сопряжена с рядом трудностей как объективного, так и субъективного порядка.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили труды ученых по данной проблематике. Использованы методы анализа, синтеза, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования. Изучив общие подходы к оценке нуждаемости для назначения социально-обеспечительных предоставлений, специфику приемов

© Кручек И. В., 2026

и способов оценки нуждаемости гражданина в зависимости от вида и формы социального обеспечения, автор приходит к выводу о необходимости закрепить в нормах федерального социально-обеспечительного законодательства понятие нуждаемости, а также раскрыть ее причины, признаки и факторы и вносит предложения о внесении соответствующих изменений в действующее законодательство о социальном обслуживании.
Обсуждение и заключение. Принимая во внимание, что вследствие мировой тенденции старения населения социальное обслуживание и повышение его качества становятся важной составляющей экономического и демографического развития государства, в целях совершенствования и унификации социально-обеспечительных процедур в исследуемой области автор предлагает вниманию выработанные им предложения, направленные на обеспечение единообразия правоприменительной деятельности и снижение риска субъективного подхода к решению вопроса о нуждаемости субъекта-получателя в социальных услугах.

Ключевые слова: нуждаемость, социальные услуги, пенсии, пособия, льготы, социальное обслуживание, юридический факт, социально-обеспечительные процедуры, индивидуальная программа предоставления социальных услуг, условия жизнедеятельности, самообслуживание, способность к самообслуживанию

Для цитирования: Кручек И. В. Нуждаемость как универсальная характеристика субъекта – получателя социально-обеспечительного правоотношения. Теоретические и практические проблемы оценки // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 97–110. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.97-110.

Original article

Need as a Universal Characteristic of the Subject – Recipient of Social Security Legal Relationship. Theoretical and Practical Problems of Assessment

Irina V. Kruchek

Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Simferopol, Russian Federation
kruchek.irina@gmail.com

Abstract
Introduction. Historical and legal analysis of the evolution of the circle of recipient entities in the law of social security shows that at all stages of the development of this branch of law, in accordance with the changing socio-economic situation, social priorities and prospects for social development, it has a stable tendency to expand. The principle of targeted social security, which replaced the categorical approach, reoriented the focus of public and socialized funds – its main sources – to meet the needs of the most needy citizens and/or families.
The concept of need, formulated by legal science back in the Soviet period, has been actively used at the doctrinal level in social security law since the 2000s as a general definition of the subject of social security law. However, despite the fact that need is today a generally recognized universal characteristic of the recipient subject, determining his right to apply for assistance and/or maintenance to the state in the

event of an event that we call the basis for providing assistance or maintenance, it is still not enshrined in legal norms and is not a legal fact that gives rise to social security legal relations, and the procedures for establishing need factors are diverse, work on their unification has only just begun and is associated with a number of difficulties of both an objective and subjective nature.
Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was formed by the works of scientists on this issue. The work uses methods of analysis, synthesis, historical-legal and comparative legal methods.
Results. Having studied the general approaches to assessing the need for the appointment of social security benefits, the specifics of the techniques and methods for assessing the need of a citizen depending on the type and form of social security, the author comes to the conclusion that it is necessary to consolidate the concept of need in the norms of federal social security legislation, as well as to reveal its causes, signs and factors.
Discussion and Conclusion. In order to improve and unify social security procedures in the area under study, the author makes proposals aimed at ensuring uniformity of law enforcement activities and reducing the risk of a subjective approach to resolving the issue of the recipient subject's need for social services.

Keywords: need, social services, pensions, benefits, privileges, social services, legal fact, social security procedures, individual program for the provision of social services, living conditions, self-service, ability to self-service

For citation: Kruchek I. V. Need as a universal characteristic of the subject – recipient of social security legal relationship. Theoretical and practical problems of assessment. *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):97-110. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.97-110.

Введение

Еще на социалистическом этапе развития права социального обеспечения юридической наукой установлено, что общим (универсальным) основанием предоставления различных видов социального обеспечения является нуждаемость – неспособность гражданина или семьи самостоятельно удовлетворить алиментарные потребности по объективно независящим от них причинам [1; с. 11; 2, с. 46]. Таким образом, субъект – получатель социально-обеспечительного предоставления должен быть охарактеризован как нуждающийся гражданин [3, с. 6–7, 14] в случае наступления событий, которые в нормах права социального обеспечения названы основанием предоставления содержания или помощи, при реализации его конституционного права на социальное обеспечение.

В этом же контексте понятие нуждаемости продолжает трактоваться и использоваться современной юридической наукой. Д. В. Агашев, подчеркивая особую важность дефиниции «нуждаемость» в понятийном аппарате права социального обеспечения, утверждает, что это понятие позволяет ответить не только на вопрос о круге лиц, которые могут быть получателями, но и на вопрос о причинах, вследствие наступления которых государство обязано предоставить социальную помощь или содержание. Ученый особо подчеркивает, что нуждаемость во многом психофизическое и эмоциональное состояние человека, которое он осознает, переживает и стремится преодолеть, хотя по объективным причинам самостоятельно удовлетворить потребности неспособен[1].

[1] Право социального обеспечения России : учеб. / под ред. В. С. Аракчеева, Д. В. Агашева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 6–8.

Е. Е. Мачульская считает, что реализация принципа адресности социального обслуживания обеспечивается дифференцированным подходом к решению вопроса о признании гражданина нуждающимся в социальных услугах, и определяет нуждаемость как систему мер, направленных на выявление и устранение причин, послуживших основанием ухудшения условий жизнедеятельности граждан, снижения их возможностей удовлетворить свои основные жизненные потребности. Однако юридическим фактом в этом случае является не нуждаемость, а подача гражданином соответствующего заявления и принятие уполномоченным органом решения о признании его нуждающимся[2].

М. В. Филиппова утверждает, что процедурные и материальные правоотношения по социальному обслуживанию возникают на основании юридических фактов – событий и действий, – которые приводят к состоянию нуждаемости, таким образом, субъектом-получателем может стать гражданин, признанный нуждающимся в социальных услугах[3].

Е. И. Бутенко называет нуждаемость неспособностью гражданина или семьи самостоятельно удовлетворить алиментарные потребности по объективно независящим от него причинам – генетической предпосылкой предоставления социального обеспечения [4, с. 17–18] и выделяет три характерных признака нуждаемости, которые нам представляется целесообразным привести в настоящем исследовании:

– нуждаемость – это не одномоментное событие, а состояние, в котором гражданин находится достаточно продолжительное время;

– нуждающийся гражданин по объективным причинам не может удовлетворить свои алиментарные потребности, и поэтому государство гарантирует их удовлетворение за счет общественных или обобществленных средств;

– нуждающимся может быть признан только гражданин или семья, но не юридическое лицо и не животное [5].

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили труды ученых, исследующих проблемные вопросы права социального обеспечения.

В работе использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, что позволило сформулировать ряд общих выводов и предложений по совершенствованию действующего законодательства о социальном обеспечении.

Результаты исследования

С учетом изложенного нуждаемость представляется нам неким универсальным качеством, присущим субъекту – получателю социально-обеспечительного предоставления, на которое следует ориентироваться при закреплении в правовых нормах оснований предоставления гражданину помощи и/или содержания.

---

[2] Право социального обеспечения : учеб. для вузов / под ред. Е. Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 334–335.

[3] *Филиппова М. В.* Право социального обеспечения : учеб. для сред. профессионал. образования / под ред. М. В. Филипповой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 350–351.

Несмотря на то что нуждаемость сегодня является общепризнанной универсальной характеристикой субъекта-получателя, определяющей его право обратиться за помощью и/или содержанием к государству в случае наступления события, которое мы называем основанием предоставления помощи или содержания, в юридической научной периодике и учебной литературе высказано единодушное мнение ученых о том, что нуждаемость не является юридическим фактом.

Нуждаемость нельзя отождествлять с основанием для предоставления социально-обеспечительной помощи или содержания. Основание – это главный юридический факт, который определяет цель социальной помощи или содержания, предоставляемых государством нуждающемуся лицу. Нуждаемость, как известно, таковым не является – она не закреплена в этом качестве в законодательстве о социальном обеспечении. Основание представлено в подавляющем большинстве случаев одним юридическим фактом – событием, поскольку нуждаемость гражданина в помощи и/или содержании со стороны государства должна наступить по причинам, не зависящим от его воли и действий, и носить объективный характер.

Вместе с тем понятие «нуждаемость» уже используется законодателем именно в качестве универсальной характеристики субъекта – получателя такого вида социального обеспечения, как социальное обслуживание[4].

Задача оценки нуждаемости в социальном обеспечении для оказания нуждающемуся гражданину помощи и/или содержания как в денежной, так и в натуральной форме юридической наукой в основном рассмотрена и разрешена. Эта задача в силу многочисленности обстоятельств, которые следует оценить и принять во внимание, решается сегодня посредством факторов нуждаемости, которые дифференцированы по группам на физиологические, природные, антропогенные, материально-бытовые, а также иные факторы.

Нуждаемость при назначении пенсии презюмируется как нетрудоспособность вследствие достижения пенсионного возраста либо установленной продолжительности периода выполнения вредных, тяжелых работ или установленных в законе отдельных видов профессиональной деятельности; либо стойкого расстройства функций организма, приводящего к инвалидности; либо смерти кормильца[5].

Нуждаемость в целях предоставления гражданину и/или семье социальной помощи в связи с отсутствием или недостаточностью их дохода либо большинства восполняющих детских пособий[6] оценивается путем сравнения среднедушевых доходов малоимущего гражданина/семьи с прожиточным

---

[4] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ст. 20) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007. (Далее – Закон № 442-ФЗ.)

[5] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ст. 8–10) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52. Ст. 6965.

[6] Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1929.

минимумом, установленным в субъекте Российской Федерации[7], с использованием адресного, категориального, адресно-категориального или ресурсного подходов [6].

Нуждаемость при назначении страховых пособий обосновывается необходимостью временного замещения заработка, утраченного застрахованным лицом в случае временной утраты трудоспособности или в связи с вынашиванием, рождением ребенка, а также уходом за новорожденным, а при назначении государственных пособий – в связи с предполагаемой необходимостью восполнить недостающие доходы или компенсировать дополнительные расходы, которые неизбежно несет семья в связи с появлением новорожденного [7, с. 31–33].

Процедуры установления факторов нуждаемости отличаются многообразием. В контексте исследуемой проблематики считаем необходимым напомнить, что процедуры установления социально-обеспечительных юридических фактов, которые приводят к нуждаемости, принято закреплять в подзаконных нормативных актах, как правило, федерального уровня[8]. Соблюдение закрепленного в подзаконном акте алгоритма действий по подтверждению факта объективной действительности, с которым правовые нормы связывают возникновение социально-обеспечительного правоотношения, служит своего рода гарантом правомерности принятого решения о предоставлении нуждающемуся гражданину помощи и содержания. При этом установленный юридический факт подлежит фиксации в документе, составленном уполномоченным органом и выполненном в письменной форме, как правило, на бумажном носителе.

---

[7] Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3699.

[8] Федеральный закон от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 14. Ст. 1257 ; Приказ Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации от 28 ноября 2014 г. № 958н «Об утверждении перечня документов, необходимых для установления страховой пенсии, установления и перерасчета фиксированной выплаты к страховой пенсии, с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, назначения накопительной пенсии, установления пенсии по государственному пенсионному обеспечению. Доступ из справочной правовой системы «Гарант» ; Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. № 884н «Об утверждении правил обращения за страховой пенсией, фиксированной выплатой к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, накопительной пенсией, в том числе работодателей, и пенсией по государственному пенсионному обеспечению, их назначения, установления, перерасчета, корректировки их размера, в том числе лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории Российской Федерации, проведения проверок документов, необходимых для их установления, перевода с одного вида пенсии на другой в соответствии с федеральными законами “О страховых пенсиях”, “О накопительной пенсии” и “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Процедуры эти очень индивидуализированы, каждая имеет свою специфику. Считаем возможным утверждать, что для установления каждой группы юридических фактов – оснований определенного вида социального обеспечения – предусмотрена своя отдельная процедура. Достичь их унификации даже в условиях всеобщей цифровизации не представляется возможным, так как сегмент этапов процедуры, поддающихся унификации, крайне незначителен по объему.

Справедливость изложенного подтверждается сравнением процедуры установления социально-обеспечительных юридических фактов в пенсионном праве, в генеральном институте государственных пособий, государственной социальной помощи малоимущим, социально-обеспечительных льгот и социального обслуживания.

Основанием назначения страховых и государственных пенсий, пособий, государственной социальной помощи, социально-обеспечительных льгот являются юридические факты, зафиксированные в соответствующих документах уполномоченными органами, чья компетенция никак не связана с решением задач социального обеспечения, до того момента, а иногда – задолго до него, когда гражданин обратится с заявлением в Социальный фонд или в органы социальной защиты за социально-обеспечительным предоставлением, приобщив эти документы к своему заявлению. Социально-обеспечительные процедуры предусматривают также возможность получения этих документов в порядке межведомственного взаимодействия после принятия такого заявления.

Указанные традиционные для права социального обеспечения способы установления социально-обеспечительных юридических фактов неприемлемы для установления основания нуждаемости в социальном обслуживании.

Социальное обслуживание находится на стыке нескольких сегментов социальной сферы и направлений социальной политики, отношения по предоставлению социального обслуживания регулируются нормами различных отраслей права. Развитие системы социального обслуживания, повышение его доступности, эффективности, качества социальных услуг с учетом его места и роли в социальной сфере и социальной политике обусловили возрастание внимания ученых-юристов, социологов, специалистов в области социальной работы, социальных технологий к теоретическим и практическим проблемам в части изучения и использования зарубежного опыта социального предпринимательства, разработки правовой модели социального обслуживания, его финансовой основы, организации предоставления социальных услуг, к проблеме оценки нуждаемости гражданина в социальном обслуживании [8, с. 300–302; 9, с. 6, 59–76]. При этом социальное обслуживание рассматривается как подсистема социальной защиты [8, с. 300–302; 10], либо как ведущая составляющая социальной работы [11, с. 45; 12, с. 4–5], либо как система правоотношений, поглощающих социальное обеспечение [13, с. 11–14], либо как некий социальный сервис [14, с. 11–13].

Представляется, что изучение разрозненных практических проблем по организации предоставления социальных услуг без учета особенностей предмета и метода отрасли права, нормы которой регулируют отношения по социальному обслуживанию присущими именно ей приемами и способами, не позволяет объективно оценить глубину проблемы и выработать комплексное ее решение. Например, решение проблемы объективной оценки нуждаемости

гражданина в социальном обслуживании отдельные авторы видят в улучшении, активизации разъяснительной работы и информированности населения о социальном обслуживании [15, с. 157].

Принимая во внимание, что понятие нуждаемости, которое все чаще используется в научной литературе и в нормативных правовых актах различного уровня, не закреплено в социально-обеспечительном законодательстве, считаем возможным утверждать, что поиск эффективных правовых механизмов регулирования отношений по социальному обслуживанию, в том числе и для разрешения активно обсуждаемой в научной периодике проблемы объективной оценки нуждаемости гражданина в социальном обслуживании, следует вести, рассматривая социальное обслуживание как элемент генерального института социальных и медицинских услуг в системе права социального обеспечения, а социальную услугу – как один из видов социально-обеспечительного предоставления.

Специфика процедуры установления социально-обеспечительных фактов в исследуемой области заключается в том, что:

– юридический факт как основание для предоставления социальной услуги должен быть установлен и зафиксирован органом социальной защиты только непосредственно после обращения гражданина в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении социальной услуги;

– порядок признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании утверждается нормативным актом субъекта Российской Федерации[9];

– решение о признании гражданина нуждающимся в социальном обслуживании принимается организациями и учреждениями социального обслуживания, которые отнесены к ведению Министерства труда и социальной защиты субъекта Российской Федерации.

Основанием для признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании является ухудшение условий его жизнедеятельности вследствие обстоятельств, открытый перечень которых содержится в ст. 15 Закона № 442-ФЗ. Первоначально следует установить полную или частичную утрату способности к самообслуживанию, способности самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, возраста или наличия инвалидности на момент обращения за социальным обслуживанием или любой другой юридический факт из приведенного перечня.

Порядок признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании устанавливается нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. Порядок признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании на дому в Республике Крым, например, предполагает два этапа. На первом этапе определяется индивидуальная потребность гражданина

---

[9] Закон № 442-ФЗ ; Приказ Министерства труда и социальной защиты Республики Крым от 20 марта 2020 г. № 160 «Об утверждении Порядка признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, определения индивидуальной потребности в социальных услугах, составления индивидуальной программы предоставления социальных услуг и признании утратившим силу приказа Министерства труда и социальной защиты Республики Крым от 31.03.2015 № 123» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/570728896 (дата обращения: 20.01.2025).

в социальных услугах путем коллегиальной оценки группой уполномоченных специалистов организации социального обслуживания условий его жизнедеятельности, в том числе степени его зависимости от посторонней помощи в самообслуживании, с выездом по месту проживания заявителя.

Второй этап предполагает изучение возможности выполнения гражданином различных видов жизнедеятельности в целях определения функционального и когнитивного статуса гражданина посредством расспроса, беседы с ним[10].

Полученные в процессе расспроса ответы оцениваются в баллах по специально утвержденной нормативным актом субъекта Федерации методике.

По итогам осуществления мероприятий обоих этапов составляется акт установленной формы. По сумме полученных баллов определяется степень потребности гражданина в постоянной или периодической посторонней помощи, на основе которой уполномоченный орган социального обслуживания делает вывод о признании гражданина нуждающимся в социальном обслуживании в форме социального обслуживания на дому или в стационарной форме. Это позволяет составить проект индивидуальной программы предоставления социальных услуг (далее – ИППСУ), и комиссией по признанию граждан нуждающимися в социальном обслуживании принимается решение о наличии права на социальное обслуживание на дому.

Обсуждение и заключение

Изучение и анализ указанных социально-обеспечительных процедур приводят к выводу, что действия уполномоченных специалистов недостаточно регламентированы подзаконными актами субъектов Российской Федерации и нормативными актами федерального уровня, а объективность принятого решения обеспечивается в значительной мере коллегиальным способом его принятия [16].

Принимая во внимание вывод о невозможности применить традиционные для права социального обеспечения способы установления социально-обеспечительных юридических фактов, приводящих к нуждаемости в социальном обслуживании, следует признать, что оптимальным методом оценки уровня зависимости гражданина от посторонней помощи в данном случае в настоящее время признаются расспросы, беседа с самим гражданином, его родственниками, лицами, осуществляющими уход за ним, а также непосредственное наблюдение уполномоченных специалистов в процессе расспроса, беседы.

По нашему мнению, этапы работы по подготовке ИППСУ, по сути выступающей социальным сертификатом на получение государственных услуг в социальной сфере, имеющей для поставщика социальных услуг обязательный характер, следует регламентировать на федеральном уровне.

---

[10] Приказ Министерства труда и социальной защиты Республики Крым от 20 марта 2020 г. № 160 «Об утверждении Порядка признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, определения индивидуальной потребности в социальных услугах, составления индивидуальной программы предоставления социальных услуг и признании утратившим силу приказа Министерства труда и социальной защиты Республики Крым от 31.03.2015 № 123» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/570728896 (дата обращения: 20.01.2025).

На сегодня в России накоплен опыт выработки социально-обеспечительных процедур по определению права на социально-обеспечительные предоставления, которые по своему содержанию очень близки к социальному обслуживанию на дому, – услуги по сопровождаемому проживанию и социальный пакет долговременного ухода[11].

В целях совершенствования и унификации законодательства в области установления юридических фактов – оснований для предоставления социального обслуживания, обеспечения единообразия в правоприменительной деятельности и снижения риска субъективного подхода в условиях отсутствия в отрасли кодифицированного акта понятие нуждаемости необходимо закрепить в тех нормативных правовых актах, которые сегодня принято называть кодифицированными законами, как, например, Закон № 442-ФЗ, а также раскрыть ее причины, признаки и факторы [17, с. 65; 18, с. 113–114].

Исходя из вышесказанного, считаем целесообразным дополнить ст. 3 Закона № 442-ФЗ п. 6 следующего содержания: «6) нуждаемость в социальном обслуживании – неспособность гражданина или семьи по объективно независящим от него причинам самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности и улучшать условия своей жизнедеятельности»; и п. 7 следующего содержания: «7) факторы нуждаемости – группы обстоятельств, порождающих нуждаемость»; п. 6 ст. 3 Закона № 442-ФЗ при этом считать п. 8.

Часть 1 ст. 15 Закона № 442-ФЗ представляется целесообразным изложить в следующей редакции: «1. Гражданин, признается нуждающимся в социальном обслуживании в случае, если существуют следующие факторы нуждаемости:

1) материально-бытовые: полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности; наличие внутрисемейного конфликта и/или насилия в семье; отсутствие определенного места жительства; наличие ребенка или детей, испытывающих трудности в социальной адаптации; малообеспеченность;

2) физиологические: наличие в семье инвалида или инвалидов; отсутствие возможности обеспечения ухода (в том числе временного) за инвалидом, ребенком, детьми, а также отсутствие попечения над ними;

3) обстоятельства, специально предусмотренные законодательством: наличие иных обстоятельств, которые федеральными или региональными нормативными правовыми актами признаны ухудшающими или способными ухуд-

[11] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 июля 2023 г. № 606н «Об утверждении критериев, применяемых для установления нуждаемости инвалида в сопровождаемом проживании (с учетом ограниченной жизнедеятельности и нарушенных функций организма), определения объема, периодичности и продолжительности предоставления социальных услуг по сопровождаемому проживанию». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» ; Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 декабря 2023 г. № 895 «О реализации в Российской Федерации в 2024 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

шить условия жизнедеятельности граждан (чрезвычайные ситуации, вооруженные межэтнические, межнациональные конфликты)».

Представляется целесообразным:

– распространить алгоритм действий по определению индивидуальной потребности гражданина в социальном обслуживании, в том числе в социальных услугах на дому, в рамках социального пакета долговременного ухода на общий порядок признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, установив единый механизм в обоих случаях;

– определение индивидуальной потребности в социальном обслуживании и подготовку проекта ИППСУ осуществлять экспертам по оценке нуждаемости;

– обеспечить подготовку экспертов по оценке нуждаемости по программам повышения квалификации или программам профессиональной переподготовки;

– разработать и утвердить приказом Минтруда и соцзащиты Российской Федерации Порядок признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, определения индивидуальной потребности в социальных услугах, составления индивидуальной программы предоставления социальных услуг, которым утвердить, в частности, следующее.

1. Порядок обращения с заявлением о предоставлении социальных услуг в разрезе их видов и форм.

2. Порядок определения нуждаемости гражданина в социальных услугах, в том числе осуществления процедуры оценки условий жизнедеятельности нуждающегося гражданина, степени зависимости гражданина от посторонней помощи при уходе за собой, при выполнении некоторых бытовых действий и оценки уровня его доходов для определения финансового обеспечения предоставления социальных услуг.

3. Критерии установления нуждаемости гражданина в социальном обслуживании на дому для оценки его зависимости от посторонней помощи и определения оптимальных объема, периодичности и сроков предоставления социальных услуг в целях компенсации утраченной им способности к самообслуживанию и самостоятельному решению своих жизненно важных проблем. В данном случае считаем приемлемым использование закрепленных в настоящее время в нормах регионального законодательства по социальному обслуживанию критериев оценки степени утраты гражданином двигательной активности и способности к самообслуживанию, которая на сегодняшний день определяется по сумме баллов по итогам оценки зависимости от посторонней помощи.

4. Методику изучения возможности выполнения гражданином различных видов жизнедеятельности и оценки его зависимости от посторонней помощи в целях определения его социального и когнитивного статуса.

Список источников

1. Иванкина Т. В. Проблемы правового регулирования распределения общественных фондов потребления. Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. 102 с.
2. Аракчеев В. С. Теоретические и практические вопросы общей части права социального обеспечения. Томск : Изд-во ТГУ, 2001. 134 с.
3. Гречук Л. А. Субъекты-получатели в праве социального обеспечения России : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2002. 169 с.

4. Бутенко Е. И. Особенности юридических фактов в праве социального обеспечения России (теоретический аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2010. 29 с.
5. Бутенко Е. И. Нуждаемость как общая предпосылка предоставления социального обеспечения // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. / ред. Б. Л. Хаскельберг, В. М. Лебедев, Г. Л. Осокина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 160–161.
6. Замараева З. П., Игошина Д. А. Оценка ресурсного потенциала нуждающегося в социальной защите // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 2. С. 268–274.
7. Кручек И. В. К вопросу о месте материнского (семейного) капитала в системе социально-обеспечительных предоставлений // Крымский научный вестник. 2021. № 1 (30). С. 30–36.
8. Воронов А. Н. Социальное обслуживание семьи и детей в Российской Федерации: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 4. С. 300–309.
9. Ручкина Р. Ф. и др. Социальное обслуживание населения в Российской Федерации: совершенствование правового регулирования : моногр. / коллектив авт. М. : РУСАЙНС, 2020. 182 с.
10. Дорошенко Н. Н. Социальное обслуживание в реализации социальной политики государства // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10905 (дата обращения: 21.01.2025).
11. Кочьян Л. М. Социальное обслуживание и социальная защита как парадигма российской социальной работы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. № 6. Т. 2. С. 45–54.
12. Социальные услуги населению в сфере социального обслуживания: независимая оценка качества : коллектив. моногр. / коллектив авт. ; отв. ред. А. Н. Малолетко, Т. Н. Юдина. М. : РУСАЙНС, 2020. 287 с.
13. Черкасская Г. В. Исследование теоретических основ организации и управления системой социальной защиты // Отечественный журнал социальной работы. 2014. № 1. С. 11–42.
14. Хубулури Е. И. Теоретические основы маркетинговой модели организации государственной политики и управления социальной защитой населения в современной России // Отечественный журнал социальной работы. 2014. № 2. С. 11–42.
15. Садыков Р. М., Большакова Н. Л., Хамадеева Р. Х. Социальное обслуживание населения в условиях его модернизации: теоретические аспекты // Вестник университета. 2021. № 3. С. 156–161. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-3-156-161.
16. Кручек И. В. Нуждаемость в социальном обслуживании. Теоретические и практические проблемы оценки // Научный вестник Крыма. 2025. № 2. Ст. 16.
17. Кручек И. В. Кодификация социально-обеспечительного законодательства Российской Федерации. Теоретические и практические пробле-

мы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 2. С. 64–69.

18. Кручек И. В. Теоретические и практические проблемы оценки нуждаемости в социальном обслуживании // Научные дискуссии. 2025. № 2. С. 112–116.

References

1. Ivankina T. V. *Problems of legal regulation of the distribution of public consumption funds.* Leningrad: Leningrad State University Press; 1979. 102 p. (In Russ.)
2. Arakcheev V. S. *Theoretical and practical issues of the general part of social security law.* Tomsk: Tomsk State University Publishing House; 2001. 134 p. (In Russ.)
3. Grechuk L. A. *Recipient subjects in Russian social security law.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tomsk; 2002. 169 p. (In Russ.)
4. Butenko E. I. *Features of legal facts in Russian social security law (theoretical aspect).* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2010. 29 p. (In Russ.)
5. Butenko E. I. Need as a general precondition for the provision of social security. In: B. L. Khaskelberg, V. M. Lebedev, G. L. Osokina, eds. *Legal problems of strengthening Russian statehood.* Collection. Tomsk: Tomsk State University Publishing House; 2009. Pp. 160–161. (In Russ.)
6. Zamaraeva Z. P., Igoshina D. A. Assessment of the resource potential of people in need of social protection. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology.* 2017;(2):268-274. (In Russ.)
7. Kruchek I. V. About the question of the place of maternity capital in the system of social security. *Crimean Scientific Bulletin.* 2021;(1):30-36. (In Russ.)
8. Voronov A. N. Social services for family and children in the Russian Federation: topical issues. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy.* 2010;(4):300-309. (In Russ.)
9. Ruchkina R. F., et al. *Social services for the population in the Russian Federation: improving legal regulation.* Monograph. Moscow: RUSAJNS; 2020. 182 p. (In Russ.)
10. Doroshenko N. N. Social services in social policy of the state. *Modern problems of science and education.* 2013;(6). (In Russ.) URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10905 (Accessed: 21.01.2025).
11. Koch'yan L. M. Social services and social protection as a paradigm of Russian social work. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta = Proceedings of the Russian State Social University.* 2013;6(2):45-54. (In Russ.)
12. Maloletko A. N., Yudina T. N., eds. *Social services to the population in the sphere of social services: independent quality assessment.* Collective monograph. Moscow: RUSAJNS; 2020. 287 p. (In Russ.)
13. Cherkasskaya G. V. Research of theoretical organizational background of management system of social protection of population. *Otechestvennyj*

zhurnal sotsial'noj raboty = Domestic Journal of Social Work. 2014;(1):11-42. (In Russ.)

14. Khubuluri E. I. Theoretical foundations of the marketing model of organising state policy and management of social protection of the population in modern Russia. *Otechestvennyj zhurnal sotsial'noj raboty = Domestic Journal of Social Work.* 2014;(2):11-42. (In Russ.)
15. Sadykov R. M., Bolshakova N. L., Khamadeeva R. H. Social services for the population in the context of its modernisation: theoretical aspects. *Vestnik universiteta = University Bulletin.* 2021;(3):156-161. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2021-3-156-161.
16. Kruchek I. V. Need for social services. Theoretical and practical problems of assessment. *Scientific Bulletin of the Crimea.* 2025;(2):16. (In Russ.)
17. Kruchek I. V. Codification of the social-provisional legislation of the Russian Federation. Theoretical and practical problems. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences.* 2023;9(2):64-69. (In Russ.)
18. Kruchek I. V. Need for social services. Theoretical and practical problems of assessment. *Nauchnye diskussii = Scientific Discussions.* 2025;(2):112-116. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Кручек Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 295051, Республика Крым, Симферополь, ул. Павленко, д. 5), заслуженный работник социальной сферы Автономной Республики Крым.

Irina V. Kruchek, Senior Lecturer at the Civil Law Department, Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Pavlenko St., Simferopol, Republic of Crimea, 295051, Russian Federation), Honored Worker of the Social Sphere of the Autonomous Republic of Crimea.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 343.6
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.111-120

Анализ «публичной демонстрации» совершаемого (совершенного) преступления как конститутивного и квалифицирующего признака преступления и как обстоятельства, отягчающего наказание

Сергей Николаевич Бычков[1],
Андрей Николаевич Берестовой[2]

[1, 2] Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[1] snb0464@mail.ru, http://orcid.org/0000-0003-2319-5552
[2] andreyberestovoy@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0805-900X

Аннотация
Введение. В представленной статье предпринята попытка уголовно-правового анализа такого конститутивного и квалифицирующего признака, а также отягчающего наказание обстоятельства, как публичная демонстрация совершенного (совершаемого), и теоретических аспектов его применения. Уголовный закон не содержит законодательно закрепленной дефиниции «публичное распространение», нет и четко определенной позиции Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу. Все это создает проблему квалификации демонстрирующихся на различных платформах актов насилия и иных актов противоправного поведения. Изменения в УК РФ, внесенные Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ, по мнению авторов, увеличили объем проблем квалификации в контексте изменений, касающихся субъекта «публичной демонстрации»: например, возникают вопросы, связанные с квалификацией действий лица, ставшего очевидцем совершающегося преступления и осуществившего его фиксацию, а в дальнейшем – публичную демонстрацию. *Методы.* Методологическая составляющая включает в себя как общенаучные методы – анализ, синтез, обобщение, дедукцию, индукцию, так и частнонаучные методы – формально-юридический, сравнительно-правовой.

© Бычков С. Н., Берестовой А. Н., 2026

Результаты исследования. Проведен анализ влияния, оказываемого рассматриваемым признаком на квалификацию содеянного, и рассмотрены актуальные вопросы востребованности выработки единообразного подхода к толкованию и практическому применению признака «публичная демонстрация» совершаемого (совершенного) преступления как составообразующего и квалифицирующего признака и как отягчающего наказание обстоятельства. Высказана авторская позиция относительно «субъекта публичной демонстрации» совершаемого (совершенного) общественно опасного деяния.
Обсуждение и заключение. Авторы приходят к выводу о необходимости квалификации деяния по этому признаку в отношении лиц, непосредственно совершающих (совершивших) преступление, и лиц, распределивших роли процесса совершения преступления (один совершает, другой фиксирует и демонстрирует). Под такую квалификацию, по мнению авторов, не должны попадать действия лиц, ставших «случайными очевидцами» совершения общественно опасного деяния и инициативно осуществивших его публичную демонстрацию (необходима отдельная статья, возможно, с административной преюдицией). В целях единообразного подхода к квалификации по этому признаку предлагается авторское видение внутреннего содержания признака «публичная демонстрация» (как конститутивного и квалифицирующего признака и как обстоятельства, отягчающего наказание).

Ключевые слова: публичность, публичная демонстрация, инициативная публичная демонстрация, квалификация преступлений, конститутивный признак, квалифицирующий признак, субъект преступления

Для цитирования: Бычков С. Н., Берестовой А. Н. Анализ «публичной демонстрации» совершаемого (совершенного) преступления как конститутивного и квалифицирующего признака преступления и как обстоятельства, отягчающего наказание // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 111–120. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.111-120.

Original article

Analysis of the "Public Demonstration" of a Crime Being Committed (Completed) as a Constitutive and Qualifying Feature of a Crime and as a Circumstance Aggravating the Punishment

Sergey N. Bychkov[1], Andrey N. Berestovoy[2]

[1, 2] North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
[1] snb0464@mail.ru, http://orcid.org/0000-0003-2319-5552
[2] andreyberestovoy@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0805-900X

Abstract
Introduction. The presented article examines the characteristics of such a feature as a public demonstration of what is done (being done) and the theoretical aspects of

its application. The criminal law does not contain a legally fixed definition of "public dissemination," and there is no clearly defined position of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue. This creates a problem of qualification of acts of violence and other acts of illegal behavior demonstrated on various platforms. Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation Federal Law No. 218-FZ of 08.08.2024, in our opinion, has increased the scope of qualification problems in the context of changes concerning the subject of "public demonstration."
Methods. The methodological component includes both general scientific methods: analysis, synthesis, generalization, deduction, induction, and private scientific methods: formal legal, comparative legal.
Results. The analysis of the influence of this feature on qualifications has been carried out and the issues of the need for a uniform approach to the interpretation and practical application of public demonstration of a crime being committed as a constituent and qualifying feature and as an aggravating circumstance have been considered. The author's position regarding the "subject of public demonstration" of the crime being committed is also expressed.
Discussion and Conclusion. The authors conclude that it is necessary to qualify according to this criterion in relation to persons who directly commit (committed) a crime, persons who have distributed the roles of the process of committing a crime (one commits, the other records and demonstrates). According to the authors, such a qualification should not include the actions of persons who became "accidental eyewitnesses" of a socially dangerous act and proactively carried out its public demonstration. For the purposes of a uniform approach to qualification on this basis (as), the author's vision of the internal content of the "public demonstration" feature (as a constitutive and qualifying feature) is proposed.

Keywords: publicity, public demonstration, proactive public demonstration, qualification of crimes, constitutive feature, qualifying feature, subject of crime

For citation: Bychkov S. N., Berestovoy A. N. Analysis of the "public demonstration" of a crime being committed (completed) as a constitutive and qualifying feature of a crime and as a circumstance aggravating the punishment. *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):111-120. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.111-120.

Введение

Публичность (открытость, доступность), являясь, в том числе, и юридической категорией, находит применение в различных отраслях права и в зависимости от области применения имеет разные, обусловленные контекстом значения. В контексте уголовно-правовых отношений толкование признака публичности должно включать в себя открытость, общедоступность как демонстрируемой информации, так и процесса совершения преступления для индивидуально неопределенного (неограниченного) круга лиц.

Публичность предполагает совершение деяния открыто, гласно, в присутствии публики либо для публики (на публику) как при использовании информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе и сети «Интернет», так и без их использования.

Наличие признака публичности в законодательной конструкции состава преступления определяется прежде всего с учетом прямого указания на него в статье Особенной части УК РФ. В уголовном праве публичность можно рассматривать в качестве **криминообразующего** признака отдельных составов преступлений, содержание объективной стороны которых включает признак

публичности в качестве основного обязательного или альтернативного обязательного. Например, в преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 148, 205[2], 207[1], 207[2], 207[3], 280, 280[1], 280[3], 280[4], 282, 319, 354 УК РФ, публичность является основным обязательным признаком, а в ст. 116, 242, 242[1], 282[4] УК РФ публичность представлена как альтернативный обязательный признак. В качестве **квалифицирующего** признака на публичность указывается, например, в п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, ч. 2 ст. 128[1] УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 151[2] УК РФ, 242[2] УК РФ. Относительно этих квалифицированных составов наличие признака публичности увеличивает объем общественной опасности содеянного, оказывает влияние на квалификацию и, как следствие, повышает карательную составляющую наказания. В соответствии с п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ публичность может быть признана в качестве **отягчающего наказание обстоятельства**.

В перечисленных статьях УК РФ, включающих публичность и как конститутивный и квалифицирующий признаки, и как отягчающее обстоятельство, этот признак (обстоятельство) представляет собой способ совершения преступления (публичные действия, публичные призывы, публичное распространение, публичное оскорбление, склонение или иное вовлечение в публичном выступлении и т. п.). Такие действия происходят в общественном месте либо затрагивают интересы неопределенного (неограниченного) круга лиц. В данных ситуациях виновное лицо посредством публичности придает процессу совершения преступления максимально динамичный характер, повышающий общественную опасность совершаемого деяния. От правильного определения признака публичности, в частности как обязательного или квалифицирующего, зависит и правильность квалификации содеянного.

Несмотря на очевидную потребность практики, внутреннему содержанию этого признака дается толкование только в отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 г. № 3 распространение «сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц» определяет как «опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях»[1]. Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 г. № 11 и п. 18 постановления Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 г. № 1 дают толкование публичных призывов следующим образом: выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской либо террористической деятельности[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о

Относительно подавляющего большинства преступлений, объективная сторона которых включает рассматриваемый признак, его толкование дается только на доктринальном уровне. Так, в одном из толковых словарей термину «публичный» дается следующее толкование: «осуществляемый в присутствии публики, открытый»[3]. По мнению авторов научно-практического пособия по применению УК РФ, «в контексте рассматриваемой группы преступлений (включающих в свою конструкцию признак публичности) публичность выступления или публичная демонстрация означают доведение информации до сведения многих лиц в газетах, журналах, любых иных средствах массовой информации, а также в выступлениях на митинге, в лекции, при выкрикивании на улице, вывешивании в доступных для граждан местах листовок, обращений, заявлений и т. п.»[4]. Размещение в таких местах даже одного заявления, листовки или обращения не исключает признака публичности, поскольку в этом случае факты или сведения становятся достоянием неограниченного круга лиц [1].

В августе 2024 г. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[5] добавил в УК РФ рассматриваемый признак в качестве квалифицирующего и составообразующего в группе преступлений против личности, также включив публичную демонстрацию в перечень отягчающих наказание обстоятельств. В частности, в ст. 116 УК РФ данный признак является альтернативным составообразующим, а в п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 3 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127[1] УК РФ данный признак – квалифицирующий. Также законодатель включил публичную демонстрацию в перечень отягчающих наказание обстоятельств п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Такой шаг законодателя обусловлен участившимися случаями совершения преступлений, сопровождающихся публичной демонстрацией как непосредственно в процессе их совершения, так и после совершения при наличии предварительной фиксации процесса совершения. Имеют место и случаи так называемой «инициативной публичной демонстрации» лицами, ставшими «случайными очевидцами» совершаемого (совершенного) общественно опасного деяния. Возрастающая популярность деструктивных, унижающих человеческую честь и достоинство способов развлечений, пропаганда культа насилия стали серьезной угрозой для психического здоровья и нравственности общества, в особенности для подрастающего поколения.

преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8 ; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

[3] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 631.

[4] Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М. : Норма, 2005. С. 329.

[5] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В пояснительной записке к проекту этого закона указано, что совершение преступления подобным методом обладает повышенной опасностью, в том числе и ввиду того, что «зрителями данных трансляций становятся преимущественно дети и молодые люди, как правило, с несформировавшейся психикой и ценностями»[6].

В статьях УК РФ, которые были дополнены этим признаком, акцент сделан на публичное демонстрирование общественно опасного деяния в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Тем самым законодатель обратил внимание на повышенную общественную опасность публичной демонстрации совершаемого (совершенного) преступления в СМИ и с использованием ИТС. Все это требует соответствующего осмысления и анализа внутреннего содержания и смысла данного признака (обстоятельства) в целях его правильного применения в деятельности правоохранительных органов и правильной квалификации содеянного. Необходимость анализа обусловлена, в частности, неоднообразной законодательной и доктринальной трактовкой этого признака как вообще в нормах действующего УК РФ, так и в статьях, в которые этот признак был введен Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ. Как справедливо отмечает профессор П. С. Яни, «в уголовном законе этот вид запрещенной деятельности отделен от распространения соответствующих материалов или предметов. Таким образом, то, что является распространением, не может быть согласно буквальному толкованию текста закона включено в публичную демонстрацию» [2]. Публичная демонстрация включает в себя рекламирование, призывы иные действия, совершаемые публично. Что же в таком случае представляет собой публичная демонстрация совершаемого (совершенного) общественно опасного деяния с использованием СМИ, ИТС, включая сеть «Интернет»?

Верховный Суд Российской Федерации в п. 22 постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» дает следующее определение: «Публичная демонстрация с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, заключается в открытом показе материалов либо в предоставлении неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т. п.). Как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, – стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах)»[7]. То есть публичная

---

[6] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482413/#dst100009 (дата обращения: 14.05.2024)

[7] Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

демонстрация заключается в доведении в прямом эфире или в записи до неопределенного круга лиц информации о совершающемся или совершенном преступлении, без возможности самостоятельного использования этой информации ознакомившимися с ней лицами.

Профессор П. С. Яни, основываясь на позиции, высказанной Верховным Судом Российской Федерации, приходит к выводу о том, что «публичная демонстрация запрещенных законом материалов не включает в себя их распространение» [2]. Отталкиваясь от такого понимания публичной демонстрации, лишь с определенной долей условности можно согласиться с мнением М. В. Бавсуна, полагающего, что публичная демонстрация помимо ее доступности и непосредственного наблюдения за преступным деянием может выражаться еще и в распространении этой информации через различные информационные каналы [3]. Если речь идет о распространении процесса совершения преступления лицом, не совершающим общественно опасного деяния и не являющимся «случайным очевидцем» его совершения и инициативно осуществляющим публичную демонстрацию, лишь вследствие ее доступности в СМИ или ИТС (включая сеть «Интернет») получившим возможность передать ее еще большему числу потребителей, необходимо говорить не о публичной демонстрации, а о распространении такой информации.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением М. Г. Левандовской о том, что «общие черты в формулировках квалифицирующего признака публичной демонстрации прослеживаются во всех модифицированных статьях УК РФ, что свидетельствует о системном подходе законодателя к решению проблемы, и такая унифицированная формулировка обеспечивает единообразное понимание сущности квалифицирующего признака и облегчает его применение на практике» [4]. Скорее следовало бы обратить внимание на отсутствие унификации в формулировках и необходимость формирования единообразного подхода к законодательной формулировке, толкованию и, как следствие, практическому применению этого квалифицирующего признака. Так, в п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель говорит о совершении убийства, сопровождающегося его публичной демонстрацией, п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ касается совершения преступления с его публичной демонстрацией. В пункте «и» ч. 3 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ речь идет о публичной демонстрации процесса совершения преступления. С позиции буквального толкования публичная демонстрация как квалифицирующий признак в одном из составов (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ), как альтернативный криминообразующий признак (ст. 116 УК РФ) и как отягчающее наказание обстоятельство (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ) могут вменяться только лицу, совершающему (совершившему) преступление и публично демонстрирующему процесс его совершения, либо лицу, осуществляющему такую демонстрацию в рамках предварительной договоренности с непосредственным исполнителем преступления. Законодатель здесь делает акцент на преступление, совершенное с его публичной демонстрацией. Инициативная публичная демонстрация лицом, непричастным к процессу совершения преступления в указанных выше ситуациях, сегодня исключает уголовную ответственность. А в остальных случаях публичная демонстрация

совершаемого преступления, например причинения вреда здоровью различной степени тяжести, истязания, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, по нашему мнению, может осуществляться и не непосредственно лицом, совершающим преступление (закон здесь говорит в принципе о публичной демонстрации совершаемого преступления). В связи с этим возникает вопрос квалификации действий лица, инициативно без причастности к процессу совершения преступления осуществляющего его публичную демонстрацию. Во избежание возможных проблем квалификации преступлений с вменением рассматриваемого признака в любом аспекте (конститутивный и квалифицирующий, обстоятельство, отягчающее наказание) необходима выработка единообразного подхода к толкованию его внутреннего содержания.

С учетом изложенных мнений считаем, что квалификацию по данному признаку следует осуществлять только в отношении лиц, непосредственно совершающих (совершивших) умышленное преступление и публично демонстрирующих его совершение. В случае предварительной договоренности и распределения ролей в процессе совершения преступления действия лица, совершающего преступление, и лица, фиксирующего этот процесс и осуществляющего его демонстрацию (непосредственно в момент совершения или после совершения), необходимо квалифицировать как действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. В отношении же лиц, ставших «случайными» очевидцами совершаемого общественно опасного деяния и осуществивших его фиксацию и публичную демонстрацию (как в момент совершения, так и после), целесообразным было бы введение самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за публичную демонстрацию общественно опасного деяния, совершаемого другим (другими) лицом (лицами). В целях единообразного подхода к толкованию этого признака и его практического применения *под публичной демонстрацией* следует понимать доведение как лицом (лицами), совершающим(-ми) или совершившим(-ми) преступление, так и лицами, ставшими «случайными очевидцами» совершаемого общественно опасного деяния, в прямом эфире или в записи до неопределенного круга лиц информации об этом преступлении (общественно опасном деянии), без возможности самостоятельного использования этой информации ознакомившимися с ней лицами. С учетом такой дефиниции «публичной демонстрации» вменение этого признака в качестве криминообразующего или квалифицирующего, а также в качестве отягчающего наказание обстоятельства будет целесообразным, по нашему мнению, в отношении лица, непосредственно совершающего (совершившего) преступление и осуществившего его фиксацию и последующую демонстрацию, а также в отношении лица, которое по предварительной договоренности с непосредственным исполнителем преступного деяния осуществляет его фиксацию и публичную демонстрацию, поскольку данное лицо выполняет часть объективной стороны совершаемого деяния.

В целях устранения неточностей законодательных формулировок рассматриваемого признака и приведения их в единообразное состояние, по нашему мнению, следует в ряде статей УК РФ, содержащих этот признак (п. «и» ч. 3 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2

ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), сделать акцент на совершение преступления с публичной демонстрацией, а не ограничиваться указанием только на его публичную демонстрацию. Для лица, ставшего «случайным очевидцем» совершаемого (совершенного) общественно опасного деяния и инициативно осуществившего его публичную демонстрацию, необходимо предусмотреть уголовную ответственность за содеянное посредством включения в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» статьи, предусматривающей наказание (возможно, с административной преюдицией) за публичную демонстрацию общественно опасного деяния лица, не совершившего этого деяния и не имеющего предварительной договоренности с лицом, совершающим (совершившим) такое деяние.

Список источников

1. Бычков С. Н. Публичность как признак объективной стороны в преступлениях против личности // Вопросы студенческой науки. 2017. № 15. С. 126–130. URL: https://sciff.ru/ (дата обращения: 10.05.2025).
2. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 1 (1083). С. 30–34.
3. Бавсун М. В. Влияние признака публичности на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 426–433. DOI: 10.18255/2306-5648-2023-3-426-433.
4. Левандовская М. Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263–267.

References

1. Bychkov S. N. Publicity as a sign of an objective side in crimes against a person. *SKIF. Questions of Student Science.* 2017;(15):126-130. (In Russ.) URL: https://sciff.ru/ (Accessed: 10.05.2025).
2. Yani P. S. Crime with public demonstration thereof in the mass media or information and telecommunication networks. *Zakonnost' = Legality.* 2025;(1):30-34. (In Russ.)
3. Bavsun M. V. The influence of the attribute of publicity on the criminalisation of acts and the differentiation of criminal liability. *Demidov Law Journal.* 2023;13(3):426-433. (In Russ.) DOI: 10.18255/2306-5648-2023-3-426-433.
4. Levandovskaya M. G. Conditions for applying a uniform approach to constructing a qualifying feature for public demonstration of the commission of crimes against a person. *Yuridicheskaya nauka = Juridical Science.* 2024;(10):263-267. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Бычков Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).
Sergey N. Bychkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department, North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Берестовой Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).
Andrey N. Berestovoy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department, North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors
Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.121-133

Оправдание в уголовном процессе

Оксана Валентиновна Качалова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
Oksana_kachalova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4440-8510

Аннотация
Введение. Термин «оправдание» в уголовном судопроизводстве может употребляться как в узком, так и в широком смысле. В широком смысле оправдание в уголовном судопроизводстве предполагает выявление фактов, благоприятных для подсудимого, которые не только свидетельствуют о его невиновности, но и улучшают его положение, смягчают его ответственность. В узком смысле под оправданием следует понимать установление невиновности уголовно преследуемого лица.
Методы. Используя всеобщий диалектический метод познания и общенаучные методы (анализ, синтез, индукцию, дедукцию, формально-логический), автор исследовал суть и содержание оправдания в уголовном судопроизводстве, проанализировал его формы и виды, основания, последствия принятия решений об оправдании.
Результаты исследования. Формами оправдания являются оправдательный приговор либо постановление о прекращении уголовного преследования. Основания постановления оправдательного приговора отличаются от оснований прекращения уголовного преследования, констатирующих невиновность лица. Вынесение оправдательного приговора всегда сопряжено с установлением отсутствия события либо состава преступления, а также непричастности лица к совершению преступления, основания для прекращения уголовного преследования могут содержательно выходить за рамки данных обстоятельств. Оправдание коллегией присяжных заседателей имеет свою специфику, обусловленную особенностями компетенции присяжных заседателей, чья познавательная деятельность касается исключительно вопросов факта и не затрагивает правовые вопросы.
Обсуждение и заключение. Автор приходит к выводу о том, что оправдание в уголовном судопроизводстве означает констатацию невиновности лица в совершении преступления. Дифференциация видов оправдания может быть осуществлена в зависимости от стадий производства по уголовным делам: оправдание в досудебном производстве, в суде первой инстанции, в суде апелляционной инстанции и в суде кассационной инстанции; степени оправдания: полное и частичное оправдание; содержания оснований оправдания: оправдание по причинам, содержательно свидетельствующим о невиновности лица, совершившего преступление, и оправдание по формальным причинам.

Ключевые слова: уголовное преследование, оправдание, приговор, прекращение уголовного преследования, реабилитация, уголовно-процессуальная деятельность

Для цитирования: Качалова О. В. Оправдание в уголовном процессе // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 121–133. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.121-133.

© Качалова О. В., 2026

Original article

Justification in Criminal Proceeding

Oksana V. Kachalova

Russian State University of Justise named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
Oksana_kachalova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4440-8510

Abstract

Introduction. The term "justification" in criminal proceeding can be used both in a narrow and in a broad sense. In a broad sense, acquittal in criminal proceeding involves the identification of facts favorable to the defendant, which not only testify to his innocence, but also improve his situation and mitigate his responsibility. In a narrow sense, justification should be understood as establishing the innocence of a criminally prosecuted person through research methods.

Methods. Using the universal dialectical method of cognition and general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, formal logic) the author investigated the essence and content of justification in criminal proceeding, analyzed its forms and types grounds consequences of making decisions on justification.

Results. The forms of justification are an acquittal or a decision to terminate criminal prosecution. The statement of a persons innocence in the commission of the crime charged against him occurs only in those decisions on the termination of criminal prosecution, which are issued on rehabilitative grounds. The grounds for an acquittal are different from the grounds for termination of criminal prosecution, which establishment of the absence of an event or corpus delicti, as well as the non-involvement of a person in the commission of a crime, the grounds for termination of criminal prosecution may significantly go beyond these circumstances. Acquittal by a panel of jurors has its own specifics, due to peculiarities of the competence of jurors, whose cognitive activity concerns exclusively issues of facts and dos not affect legal issues.

Discussion and Conclusion. The author comes to the conclusion that acquittal in criminal proceeding means establishing the innocence of a person in the commission on a crime. The types of justification can be differentiated depending of the stages of criminal proceeding (acquittal in the pre-trial proceedings, in the court of first instance, in the court of appeal instance, in the court of cassation); the degree of justification (full and partial acquittal); the content of the grounds for justification (justification for reasons that meaningfully demonstrate the innocence of the person who committed the crime and justification for formal reasons).

Keywords: criminal prosecution, acquittal, sentence, termination of criminal prosecution, rehabilitation, criminal procedural activities

For citation: Kachalova O. V. Justification in criminal proceeding. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(3):121-133. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.121-133.

Введение

Разрешение уголовно-правовых споров чаще всего завершается осуждением лица, совершившего преступление. Но в ряде случаев уголовно-правовой конфликт завершается не осуждением лица, совершившего преступление, а альтернативным способом – прекращением уголовного преследования.

Это происходит в случаях, когда осуждение лица, совершившего преступление, признается нецелесообразным ввиду различных причин – возмещения вреда, причиненного преступлением; снижения степени общественной опасности обвиняемого и т. д. Альтернативное разрешение уголовно-правовых конфликтов чаще всего рассматривается в рамках концепции восстановительного правосудия и отказа от традиционного уголовного осуждения [1, с. 8–10; 2, с. 13–14, 20–21; 3, с. 53–54; 4; 5, с. 63–70; 6, с. 223–230] и тенденции гуманизации уголовного судопроизводства [7, с. 97–98; 8, с. 253–254].

Согласно статистическим данным, ежегодно судами прекращается около 20% уголовных дел[1]. Чаще всего прекращение уголовного преследования осуществляется по нереабилитирующим основаниям, что предполагает виновность лица в совершении преступления. Однако в ряде случаев уголовное преследование лица, обвиняемого в совершении преступления, прекращается с констатацией факта его невиновности, которая может выражаться в отсутствии самого события преступления, непричастности к совершенному деянию, отсутствии в его действиях состава преступления и т. д. В этом случае можно говорить об оправдании лица, совершившего преступление.

Методы

Автор исследовал природу и содержание оправдания в уголовном судопроизводстве, проанализировал его формы и виды, основания, последствия принятия решений об оправдании, используя всеобщий диалектический метод познания и общенаучные методы (анализ, синтез, индукцию, дедукцию, формально-логический).

Результаты исследования

Оправдание в узком и широком смысле

Термин «оправдание» в уголовном судопроизводстве может употребляться как в непосредственном смысле, так и в более широком. В широком смысле оправдание в уголовном судопроизводстве предполагает выявление фактов, благоприятных для подсудимого, которые не только свидетельствуют о его невиновности, но и улучшают его положение, смягчают его ответственность, т. е. обстоятельств, подтверждающих возможность прекращения его уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (возмещение вреда, причиненного преступлением, деятельное раскаяние); обстоятельств, смягчающих наказание и снижающих степень его вины, и т. д., в том числе определенным образом объясняющих противоправное поведение лица (стечение тяжелых жизненных обстоятельств, крайняя необходимость, необходимая оборона и т. п.).

Эти факты могут выявляться различными участниками уголовного судопроизводства, в том числе и не обладающими властными полномочиями, – обвиняемым, подозреваемым, защитником, законным представителем, однако приобретают юридическое значение при установлении их в процессуальных актах, выносимых должностными лицами, ответственными за производство по делу.

---

[1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 19.12.2025).

Непосредственный смысл дефиниции «оправдание» предполагает снятие с подозреваемого и обвиняемого всех уголовно-правовых претензий и признание его невиновным.

Следует согласиться с Ю. Ю. Чуриловым, который считает, что оправдание – это акт применения права, в ходе которого удостоверяется неустановленная виновность (установленная невиновность) лица и восстанавливаются его права. По мнению автора, сущность оправдания «состоит в совокупности процессуальных норм, регулирующих основания, порядок и последствия вынесения оправдательного приговора… и иных уголовно-процессуальных решений, констатирующих невиновность лица» [9, с. 8–9].

Чаще всего оправдание при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности связано с ошибочным привлечением невиновного лица к уголовной ответственности, однако существуют и иные причины оправдания, которые могут носить формальный (например, неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин) или оценочный (малозначительность деяния) характер.

Формы оправдания и основания их применения

По смыслу уголовно-процессуального закона формами оправдания являются оправдательный приговор либо постановление о прекращении уголовного преследования.

В силу ч. 2 ст. 302 УПК РФ оправдательный приговор постановляется, если не установлено событие преступления, в деянии подсудимого отсутствует состав преступления либо он непричастен к совершению преступления. Согласно п. 20 ст. 5 УПК РФ установленная непричастность лица к совершению преступления приравнивается к неустановленной причастности.

Г. И. Загорский верно отмечает, что «оправдательный приговор выносится в тех случаях, когда в результате судебного разбирательства суд приходит к выводу, что основания, на которых базировались выводы органов предварительного расследования при привлечении обвиняемого к уголовной ответственности… не подтвердились» [10, с. 98–99].

Постановление о прекращении уголовного преследования может рассматриваться как форма оправдания только в том случае, если оно вынесено по реабилитирующим основаниям, которые констатируют невиновность лица в совершении преступления. В доктрине уголовно-процессуального права вопросам анализа этих оснований посвящено немало научных исследований [11; 12, с. 3–7; 13, с. 134–135].

К числу таких оснований относятся: отказ государственного обвинителя от обвинения; отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по жалобе потерпевшего; неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин; отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях лица, обладающего специальным статусом, либо отсутствие согласия соответствующего органа на привлечение такого лица в качестве обвиняемого; непричастность лица к совершению преступления; наличие в отношении лица вступившего в законную силу приговора по тому же основанию либо решения суда о прекращении уголовного преследования по тому же основанию; наличие неотме-

ненного постановления о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Сопоставление оснований постановления оправдательного приговора и реабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования позволяет выявить ряд различий. Во-первых, содержательно основания постановления оправдательного приговора совпадают с аналогичными основаниями отказа от уголовного преследования, констатирующими невиновность лица в совершении преступления. Однако реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования гораздо шире, чем основания постановления оправдательного приговора. Во-вторых, отсутствие события преступления, отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления, установление непричастности лица к совершению преступления становятся онтологической основой для применения таких оснований для прекращения уголовного преследования, как отказ государственного обвинителя от обвинения; отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях лица, обладающего специальным статусом; отсутствие согласия соответствующего органа на привлечение такого лица в качестве обвиняемого. Согласно предписаниям УПК РФ (ч. 7 ст. 246) государственный обвинитель отказывается от обвинения, если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное обвиняемому обвинение.

То есть эти обстоятельства (отсутствие события либо состава преступления, непричастность лица к его совершению) становятся в одних случаях прямыми основаниями оправдания, а в других – базовой основой для формального применения других, указанных в законе обстоятельств.

В-третьих, содержательно реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования могут существенно отличаться друг от друга. Конституционный Суд Российской Федерации указывает на то, что «отсутствие в деянии состава преступления… отсутствие события преступления, а также непричастность к его совершению… признаются в равной мере реабилитирующими, но не являются – с точки зрения оценки фактических обстоятельств, лежащих в их основе, и возможных последствий – тождественными основаниями прекращения уголовного дела или уголовного преследования»[2].

В-четвертых, установление одних и тех же оснований в зависимости от стадии производства по уголовным делам может повлечь вынесение как оправдательного приговора, так и постановления о прекращении уголовного преследования. Суд первой или апелляционной инстанций может постановить оправдательный приговор, во всех остальных случаях (в ходе досудебного производства по уголовному делу, в суде кассационной инстанции) выносится решение о прекращении уголовного преследования. Суды первой и апелляционной инстанций также в зависимости от конкретных обстоятельств дела могут как прекратить уголовное преследование путем вынесения постановления или определения, так и постановить оправдательный приговор.

---

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 28-П. Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, уголовное преследование К. за два преступления, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, было прекращено судом кассационной инстанции по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ ввиду его непричастности к совершению этих преступлений, и в этой части за ним было признано право на реабилитацию[3].

Оправдание при установлении обстоятельств, исключающих преступность деяния

Глава 8 УК РФ содержит перечень обстоятельств, наличие которых исключает преступность деяния и влечет за собой оправдание лица, его совершившего. В этом случае можно говорить об оправдании при совершении деяния в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованного риска, физического или психического принуждения, исполнения приказа или распоряжения. Все эти ситуации предполагают, что деяние имело место, однако оно не является с точки зрения законодателя общественно опасным. Как правило, в этих случаях уголовное преследование прекращается ввиду отсутствия в действиях лица состава преступления.

Например, Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор Елизовского районного суда Камчатского края, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Камчатского краевого суда и кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции в отношении С., не найдя в ее действиях превышения пределов необходимой обороны, и прекратил уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием состава преступления в действиях С.[4]

Оправдание по делам частного обвинения

Для дел частного обвинения законом предусмотрены самостоятельные специальные основания прекращения уголовного преследования. Отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его жалобе, и неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин также относятся к числу реабилитирующих оснований для прекращения уголовного преследования. Но в отличие от оснований, которые содержательно предполагают невиновность лица в совершении преступного деяния, эти носят скорее формальный характер и не подразумевают, что событие либо состав преступления отсутствуют или лицо непричастно к его совершению. Речь идет лишь о том, что частный обвинитель по каким-либо причинам отказывается от уголовного преследования, не подавая заявление или не являясь в судебное заседание. Эти причины могут носить различный характер и далеко не всегда связаны с непричастностью лица к совершению деяния. В связи с этим можно условно назвать эти основания формальными основаниями оправдания.

О. В. Поликашина указывает еще на одну особенность оправдания по делам частного обвинения: в случае, если частный обвинитель не представляет

---

[3] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2025 г. № 25-УД25-10-К4.

[4] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2025 г. № 60-УД25-№-К9.

суду доказательства, подтверждающие виновность подсудимого, суд постановляет оправдательный приговор [14].

Иную правовую природу имеют такие реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования, как наличие в отношении лица вступившего в законную силу приговора по тому же основанию либо решения суда о прекращении уголовного преследования по тому же основанию, а также наличие неотмененного постановления о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Эти основания базируются на принципе *non bis in idem* и положениях ч. 2 ст. 6 УК РФ (никто не может дважды нести ответственность за одно и то же деяние). Эти основания подразумевают, что уголовно-правовой спор по поводу совершенного деяния был разрешен ранее.

Оправдание в суде присяжных

Особым видом оправдания следует признать вынесение оправдательного приговора на основе оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей. Оправдание коллегией присяжных заседателей имеет свою специфику, обусловленную особенностями компетенции присяжных заседателей, – их познавательная деятельность касается исключительно вопросов факта и не затрагивает правовые вопросы. Если присяжные придут к выводу о том, что факт преступления не доказан либо не доказано, что его совершил подсудимый, или признают подсудимого невиновным в совершении этого деяния, они выносят оправдательный вердикт.

Если сравнивать основания вынесения оправдательного вердикта присяжными заседателями с основаниями постановления оправдательного приговора, то можно сделать вывод об их отличиях. Так, при вынесении вердикта присяжными основания оправдания по общему правилу не могут связываться с вопросами права, соответственно, отсутствие состава преступления не может выступать ориентиром в деятельности присяжных заседателей. В то же время оправдание возможно при признании присяжными подсудимого невиновным в совершении деяния. Виновность, безусловно, является правовой категорий, однако, разрешая этот вопрос, присяжные руководствуются не уголовно-правовыми нормами о вине, а житейскими представлениями о виновности, которые могут принципиальным образом не совпадать с уголовно-правовыми предписаниями. Суд присяжных, возможно, и более справедлив, но, как правило, некомпетентен. Не случайно в доктрине уголовно-процессуального права ряд научных исследований посвящен феномену оправдания в суде с участием присяжных заседателей [15; 16, с. 35–43; 17, с. 90–92] и др.

В силу ч. 1 ст. 346 УПК РФ вынесение присяжными вердикта о невиновности подсудимого влечет немедленное объявление его оправданным и постановление оправдательного приговора (ч. 1 ст. 348 УПК РФ). Следует отметить, что закон не связывает постановление оправдательного приговора, основанного на оправдательном вердикте присяжных заседателей, с общими основаниями постановления оправдательного приговора, указанными в ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Однако эти основания проявляются опосредованно через вопросы, поставленные присяжным в вопросном листе. Так, признание недоказанным факта совершения преступления коррелирует с таким основанием оправдания, как отсутствие события преступления, недоказанность того, что

преступление совершил подсудимый, коррелирует с непричастностью лица к совершению преступления. На практике большинство оправдательных приговоров, постановленных на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, отменяется судами апелляционной и кассационной инстанций [17, с. 90–98].

Виды оправдания

Дифференциация видов оправдания может быть осуществлена в зависимости от:

• стадий производства по уголовным делам – оправдание в досудебном производстве, в суде первой инстанции, в суде апелляционной инстанции и в суде кассационной инстанции;

• степени оправдания: полное оправдание – оправдание по всем предъявленным эпизодам обвинения и частичное оправдание. Частичное оправдание может иметь количественное исчисление (оправдание по одному или нескольким эпизодам предъявленного обвинения) либо исчисление качественное (оправдание в части излишне вмененной квалификации содеянного) и т. д.

Так, Верховный Суд Российской Федерации исключил осуждение Б. по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как излишне вмененное[5];

• содержания оснований оправдания: оправдание по причинам, содержательно свидетельствующим о невиновности лица, совершившего преступление (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления, непричастность к совершению преступления) и оправдание по формальным причинам (неявка частного обвинителя по уголовному делу частного обвинения в судебное заседание без уважительных причин).

Оправдание при декриминализации деяния

В случае декриминализации деяния лицо, совершившее деяние, ранее являющееся преступлением, также подлежит оправданию. Его уголовное преследование прекращается ввиду отсутствия в действиях обвиняемого состава преступления. Однако такое оправдание не влечет за собой возникновение права на реабилитацию. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, поскольку во время совершения деяния оно являлось преступлением, прекращение уголовного преследования данного лица констатирует наличие самого деяния, содержавшего признаки преступления, с одной стороны, с другой – констатирует отсутствие в таком деянии преступности и наказуемости деяния по смыслу нового уголовного закона и не порождает у подозреваемого и обвиняемого права на реабилитацию[6].

Оправдание при малозначительности совершенного деяния

В силу ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением деяние, формально содержащее признаки преступления, но в силу малозначительности не пред-

---

[5] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2021 г. № 66-УД20-14.

[6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1901-О.

ставляющее общественной опасности. В доктрине уголовного права малозначительность чаще всего рассматривается как категория, касающаяся не отдельных признаков преступления, а деяния в целом [18, с. 121–125; 19] и др.

Оправдание при признании деяния малозначительным осуществляется ввиду отсутствия в деянии состава преступления в силу его малозначительности и влечет за собой возникновение права на реабилитацию.

Так, Верховным Судом Российской Федерации было прекращено уголовное преследование С. ввиду малозначительности совершенного им деяния. С., выполняя обязанности электромонтера, зная, что Д. не приглашала его в свое жилище, с целью получения показаний электрического счетчика подошел к входной двери в квартиру, постучал, а после того, как ему никто не ответил, вошел в незапертую дверь, нарушив неприкосновенность жилища. Его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 139 УК РФ как незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица. Верховный Суд указал, что установленные судом обстоятельства совершенного С. деяния, его поведение, а также мотивы, которыми он руководствовался, отсутствие каких-либо негативных последствий от его действия для собственника квартиры позволяют сделать вывод о том, что данное деяние, в силу его малозначительности, как не представляющее общественной опасности, не является преступлением. Уголовное преследование С. было прекращено ввиду отсутствия в его действиях состава преступления, и за ним признано право на реабилитацию[7].

Последствия оправдания

Оправдание, как правило, означает, что уголовное преследование осуществлялось ошибочно. Оправдание обвиняемого и подозреваемого влечет за собой возникновение права на реабилитацию и возмещение ущерба, связанного с уголовным преследованием: возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Исключение составляет оправдание в связи с декриминализацией преступного деяния, о чем было сказано выше.

Оправдание лица, подвергаемого уголовному преследованию, для потерпевшего может означать неправомерность его притязаний на уголовное преследование обвиняемого ввиду отсутствия уголовно-правового конфликта либо неустановление органами расследования истинного лица, совершившего преступление. В случаях, когда оправдательный приговор постановлен на основе вердикта присяжных заседателей о невиновности подсудимого, возможна и иная ситуация, когда коллегия присяжных заседателей по каким-либо причинам принимает решение о невиновности лица, действительно совершившего преступление. В этом случае потерпевший лишается возможности защиты своих интересов.

Обсуждение и заключение

1. Формами оправдания в уголовном процессе являются оправдательный приговор либо постановление о прекращении уголовного преследования.

[7] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2025 г. № 59-УД25-9-К9.

Констатация невиновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления происходит лишь в тех постановлениях о прекращении уголовного преследования, которые вынесены по реабилитирующим основаниям.

2. Основания постановления оправдательного приговора отличаются от оснований прекращения уголовного преследования, констатирующих невиновность лица. Вынесение оправдательного приговора всегда сопряжено с установлением отсутствия события либо состава преступления, а также непричастности лица к совершению преступления, при этом основания для прекращения уголовного преследования могут содержательно выходить за рамки данных обстоятельств.

3. Оправдание коллегией присяжных заседателей имеет свою специфику, обусловленную особенностями компетенции присяжных заседателей, чья познавательная деятельность касается исключительно вопросов факта и не затрагивает правовые вопросы. Разрешая вопрос о виновности подсудимого, присяжные руководствуются не уголовно-правовыми нормами о вине, а житейскими представлениями о виновности, которые могут принципиальным образом не совпадать с уголовно-правовыми предписаниями. Это порождает случаи, когда присяжные признают невиновным и оправдывают виновного в юридическом смысле подсудимого.

4. Дифференциация видов оправдания может быть осуществлена в зависимости от стадий производства по уголовным делам (оправдание в досудебном производстве, в суде первой инстанции, в суде апелляционной инстанции и в суде кассационной инстанции); степени оправдания (полное и частичное оправдание); содержания оснований оправдания (оправдание по причинам, содержательно свидетельствующим о невиновности лица, совершившего преступление, и оправдание по формальным причинам).

Список источников

1. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе / под ред. У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Л. Л. Зайцевой. Минск : Изд. центр БГУ, 2015. 223 с.
2. Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 542 с.
3. Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex russica. 2015. № 1. С. 51–58.
4. Марковичева Е. В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 99–104. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.1.99-104.
5. Каминский Э. С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 198 с.
6. Качалова О. В. Альтернативное разрешение уголовно-правовых конфликтов // Российское правосудие. 2022. Специальный выпуск: К X Всероссийскому съезду судей. С. 222–232. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.S.222-232.

7. Качалова О. В. Гуманизация современного уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2023. № 9. С. 95–101. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.9.95-101.
8. Исакова Т. В. Возможности применения восстановительного правосудия и медиации при урегулировании конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 окт. 2022 г. СПб. : Центр науч.-информ. технологий «Астерион», 2023. С. 253–259.
9. Чурилов Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
10. Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики. 2-е изд. М. : Проспект, 2017. 208 с.
11. Колесникова Л. Г. Классификация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, влекущих право на реабилитацию // Закон и право. 2021. № 1. С. 124–127. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-1-124-127.
12. Часовникова О. Г. Прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2013. 21 с.
13. Ендольцева А. В. К вопросу о разграничении оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования с учетом их юридической природы и правовых последствий // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 134–141. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-2-134-141.
14. Поликашина О. В. Непредставление доказательств частным обвинителем по уголовным делам частного обвинения влечет постановление оправдательного приговора // Мировой судья. 2023. № 1. С. 13–16. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-1-13-16.
15. Михеев Д. С. К вопросу об оправдательных приговорах, вынесенных с участием присяжных заседателей // Марийский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 26–29.
16. Насонов С. А., Ярош С. М. Вердикт присяжных заседателей. М. : Р. Валент, 2003. 126 с.
17. Лебедев И. В. Обзор практики отмены судами апелляционной инстанции приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 89–99. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.10.89-99.
18. Винокуров В. Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 1. С. 120–131. DOI: 10.61205/S160565900027633-0.
19. Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-64-66.

References

1. Hellmann U., Balashenko S. A., Zajtseva L. L., eds. *Alternative dispute resolution in criminal procedure.* Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2015. 223 p. (In Russ.)
2. Golovko L. V. *Alternatives to criminal prosecution in modern law.* St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2002. 542 p. (In Russ.)
3. Kuzmina O. V. Alternative means of criminal legal conflicts resolution in contemporary Russian law. *Lex Russica.* 2015;(1):51-58. (In Russ.)
4. Markovicheva E. V. Prospects for the implementation of special conciliation procedures in the Russian criminal process. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2020;(9):99-104. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.1.99-104.
5. Kaminskij E. S. *Ensuring public legal interests in the application of alternative methods of resolving criminal law conflicts in pre-trial proceedings.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2021. 198 p. (In Russ.)
6. Kachalova O. V. Alternative resolution of criminal law conflicts. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2022;(Special Issue: To the X All-Russian Congress of Judges):222-232. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.S.222-232.
7. Kachalova O. V. Humanisation of modern criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2023;(9):95-101. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.9.95-101.
8. Isakova T. V. Possibilities of applying restorative justice and mediation in conflict resolution in the sphere of criminal procedural relations. *Regulation of criminal procedural legal relations: 20 years of experience in applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.* Collection of articles based on the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 28 October 2022. St. Petersburg: Center of Scientific and Information Technologies Asterion; 2023. Pp. 253–259. (In Russ.)
9. Churilov Yu. Yu. *Acquittal in Russian judicial proceedings.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Voronezh; 2009. 24 p. (In Russ.)
10. Zagorskij G. I. *Passing a sentence: problems of theory and practice.* 2nd ed. Moscow: Prospekt; 2017. 208 p. (In Russ.)
11. Kolesnikova L. G. Classification of grounds for termination of a criminal case and criminal prosecution entailing the right to rehabilitation. *Law and Legislation.* 2021;(1):124-127. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2021-1-124-127.
12. Chasovnikova O. G. *Termination of criminal prosecution on rehabilitating grounds.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2013. 21 p. (In Russ.)
13. Endoltceva A. V. On the issue of distinguishing the grounds for termination of a criminal case or criminal prosecution taking into account their legal nature and legal consequences. *Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti = Bulletin of Economic Security.* 2021;(2):134-141. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-3995-2021-2-134-141.

14. Polikashina O. V. A failure to submit evidence by a private prosecutor in privately prosecuted criminal cases results in the award of a judgment of acquittal. *Mirovoj sud'ya = Magistrate.* 2023;(1):13-16. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4152-2023-1-13-16.
15. Miheev D. S. On jury verdicts of acquittals. *Mari Law Vestnik.* 2022;(4):26-29. (In Russ.)
16. Nasonov S. A., Yarosh S. M. *The verdict of the jury.* Moscow: R. Valent; 2003. 126 p. (In Russ.)
17. Lebedev I. V. Appellate determinations that overturned sentences based on jury verdict, overview. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2022;(10):89-99. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.10.89-99.
18. Vinokurov V. N. The structure of public danger and the basis for recognising an act as insignificant. *Journal of Russian Law.* 2024;28(1):120-131. (In Russ.) DOI: 10.61205/S160565900027633-0.
19. Ivanchin A. V. The principal importance of correct interpretation of the insignificance provision (part 2, art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the investigative and judicial practice revisited. *Russian Investigator.* 2022;(5):64-66. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-64-66.

Информация об авторе / Information about the author

Качалова Оксана Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).
Oksana V. Kachalova, Dr. Sci (Law), Professor, Head of the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 343.5
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.134-147

Ответственность за торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации и за порнографию в отечественном и международном уголовном праве в начале XX столетия

Екатерина Николаевна Рахманова

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
ekaterina.rachmanova@gmail.com,
https://orcid.org/0000-0003-4602-4676

Аннотация
Введение. Статья посвящена возникновению уголовной ответственности за торговлю женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации, а также за издание и распространение «непристойных» материалов порнографического характера. Анализируются периоды с конца XIX в. до создания Лиги Наций и во время Лиги Наций, деятельность Международного союза криминалистов и отечественных юристов, ученых и практиков, входящих в Русскую группу Союза, их вклад в становление международного и российского уголовного законодательства в данной сфере.
Теоретические основы. Методы. Исследование основано на анализе международных соглашений, конвенций и договоров, а также на изучении работ российских юристов, оказавших влияние на формирование международно-правовых стандартов и отечественного уголовного законодательства в сфере борьбы с торговлей женщинами и детьми и порнографией.
Использованы историко-правовой и сравнительно-правовой методы.
Результаты исследования. Установлено, что международное сообщество признало торговлю женщинами и детьми, совершаемую с целью сексуальной эксплуатации, одной из первых форм международной преступности. В то же время порнография, за исключением детской, не рассматривалась как международное преступление. Исследованы роль Международного союза криминалистов и вклад российских юристов в разработку международно-правовых стандартов, в принятие конвенций начала XX в. (1902, 1910, 1921, 1923 гг.) и в формирование отечественного уголовного законодательства в рассматриваемой сфере. Сделан вывод о влиянии формирующегося международного правового порядка в начале XX столетия на правовую культуру дореволюционной и послереволюци-

© Рахманова Е. Н., 2026

онной России в отношении торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации и порнографии.
Обсуждение и заключение. В конце XIX – начале XX в. торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации и распространение порнографии были признаны транснациональными преступлениями, что нашло отражение в международных соглашениях 1904, 1910 и 1923 гг. Значительное влияние на разработку данных конвенций и последующее развитие уголовного законодательства, от дореволюционного к советскому и современному, оказала Русская группа Международного союза криминалистов (Н. С. Таганцев, П. И. Люблинский, М. Н. Гернет и др.), чьи доктринальные идеи заложили основу международно-правовой охраны общественной нравственности и прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: конвенции, конференции, Международный союз криминалистов, международное преступление, порнография, торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации, уголовное законодательство

Для цитирования: Рахманова Е. Н. Ответственность за торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации и за порнографию в отечественном и международном уголовном праве в начале XX столетия // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 134–147. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.134-147.

Original article

Responsibility for Human Trafficking for the Purposes of Sexual Exploitation and for Pornography in Domestic and International Criminal Law at the Beginning of the 20th Century

Ekaterina N. Rakhmanova

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
ekaterina.rachmanova@gmail.com,
https://orcid.org/0000-0003-4602-4676

Abstract
Introduction. The article is dedicated to the study of the emergence of criminal liability for trafficking in women and children for the purposes of sexual exploitation, as well as for the publication and distribution of pornography. The periods from the end of the 19th to the beginning of the 20th centuries, the activities of the International Union of Criminalists, the contribution of pre-revolutionary Russian and Soviet lawyers, scientists and practitioners, members of the Russian group of the Union, to the formation of international and domestic criminal legislation in this area are analyzed.
Theoretical Basis. Methods. The study is based on the analysis of international agreements, conventions and treaties, as well as on the study of the works of Russian and Soviet lawyers who influenced the formation of international legal standards and domestic criminal legislation in the field of combating human trafficking for the purposes of sexual exploitation and pornography.
Historical-legal and comparative-legal methods were used.

Results. It has been established that the international community recognized human trafficking for the purpose of sexual exploitation as one of the earlier forms of international crime at the beginning of the 20th century, in contrast to pornography, which was criminalized later. An analysis of the role of the International Union of Criminalists and the contribution of Russian and Soviet lawyers to the development of international legal standards and the adoption of the conventions of 1902, 1910, 1921 and 1923 allowed us to conclude that they influenced the development of international criminal legislation at the beginning of the 20th century, as well as the criminal legislation of pre-revolutionary, post-revolutionary and modern Russia, establishing liability for human trafficking for the purpose of sexual exploitation and pornography.
Discussion and Conclusion. In the late 19th and early 20th centuries, human trafficking for the purposes of sexual exploitation and the distribution of pornography were recognized as transnational crimes, which was reflected in international agreements of 1904, 1910 and 1923. The Russian Group of the International Union of Criminalists (N. S. Tagantsev, P. I. Lyublinsky, M. N. Gernet, et al.) had a significant influence on the development on these conventions and the subsequent development of criminal legislation, from pre-revolutionary to Soviet era and modern times. Their doctrinal ideas laid the foundation for the international legal protection of public morality and the rights of children.

Keywords: conventions, conferences, International Union of Criminalists, international crime, pornography, human trafficking for sexual exploitation, criminal legislation

For citation: Rakhmanova E. N. Responsibility for human trafficking for the purposes of sexual exploitation and for pornography in domestic and international criminal law at the beginning of the 20th century. *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):134-147. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.134-147.

Введение

Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации, так же как и порнография, существует столько же, сколько и человеческая цивилизация. Но только в начале 1900-х гг. были предприняты первые шаги по противодействию им.

Международное движение против торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации и порнографии неразрывно связано с деятельностью дореволюционных российских и советских юристов, которые внесли большой вклад как в признание международного характера данных деяний, так и в развитие уголовного законодательства на международном и на национальном уровнях. Международные конвенции начала XX столетия действуют до настоящего времени, являясь частью международного и российского уголовного права[1]. Так, в 2025 г. в Нижегородский областной суд поступило уголовное дело по обвинению в хранении и распространении детской порнографии. Как указано в пресс-релизе суда, подсудимый совершил указанные действия в наруше-

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2024 г. № 2985-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Макаревич Ольги Игоревны на нарушение ее конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29112024-n-2985-o/ (дата обращения: 06.08.2025).

ние требований Женевской конвенции от 12 сентября 1923 г. «О пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими»[2].

Результаты исследования

Развитие технологий и выход их за рамки государственных границ в конце XIX – начале XX в. повлияли не только на рост преступности, но и на ее характер. Постепенно ученые и практикующие юристы начали понимать, что преступность не ограничивается только рамками одного государства. При этом ни одна проблема в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, не привлекала большего международного внимания, чем торговля женщинами и девочками.

Движение против торговли людьми, в том числе с целью сексуальной эксплуатации, первоначально развернулось в Великобритании и британских колониях, а затем распространилось по всему миру. Особое внимание проблема трансграничного перемещения женщин для занятия проституцией, получившая название «белое рабство» или «торговля белыми рабынями»[3], ставшая предшественницей современной сексуальной торговли, привлекла после публикации в 1880 г. книги Альфреда Дайера «Европейская работорговля английскими девушками» [1].

Обеспокоенность международного сообщества торговлей белыми рабынями привела к созыву серии международных конференций, итогом которых явилось принятие международных соглашений 1904 и 1910 гг.

Первая официальная международная Конференция состоялась в 1902 г., в ней приняли участие в том числе представители царской России. Законодательная комиссия Конференции, проведя сравнительный анализ действующего в то время законодательства в государствах, участвующих в ней, сформулировала правовое понятие «торговля белыми рабынями», впоследствии частично воспроизведенное в Палермском протоколе 2000 г.[4] В докладе о проблеме указывалось, что данное преступление «…совершается любым лицом, которое для удовлетворения страсти другого лица приобрело, соблазнило или совратило женщину или девочку с аморальными намерениями». «Приобрести» означает пригласить или склонить женщину или девочку к занятию

---

[2] Нижегородский областной суд : [сайт]. URL: https://nnoblsud.ru/index.php/kadry/gosudarstvennaya-sluzhba/35-press-sluzhba/anonsy/140-protsess-po-delu-nizhegorodtsa-obvinyaemogo-v-khranenii-i-rasprostranenii-detskoj-pornografii-nachnetsya-v-blizhajshie-dni (дата обращения: 06.08.2025).

[3] Под «белым рабством» понималась принудительная проституция белых англо-американских женщин. Хотя этот термин иногда расширялся и включал, в том числе, представительниц других рас, но независимо от их этнической принадлежности и расы в целом имелись в виду женщины, которых принуждали заниматься секс-работой и содержали в условиях, близких к рабству.

[4] Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 46–55.

проституцией; «соблазнить» – значит увести ее с собой или убедить последовать за собой; «сбить с пути» – незаконно удалить ее из ее окружения. При этом отмечалось, что «преступление характеризуется своей непрерывностью; последовательные шаги, которые оно может повлечь за собой, происходят либо в пределах границ одной страны, либо в нескольких странах. Нет единства места, поскольку эта преступная торговля носит международный характер: человеческое тело продается и рассматривается как товар; у торговцев, занимающихся этим, есть свои агентства, свои склады, свои корреспонденты, свои экспортные офисы и даже свой кодекс. Чтобы добраться туда, рука правосудия должна настигнуть их везде, где совершается преступление» [2, p. 7–8]. Делался вывод: «Наказанию подлежит любое лицо, которое, чтобы удовлетворить страсти другого лица, соблазнило или ввело в заблуждение, даже с ее согласия, женщину или несовершеннолетнюю девочку с аморальными намерениями, даже если различные действия, составляющие преступление, имели место в разных странах» [2, p. 7–8].

Таким образом, впервые было признано, что торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации является международным преступлением[5], но возраст потерпевших и ответственность должны были устанавливаться каждым государством-участником самостоятельно. Если жертва торговли с целью сексуальной эксплуатации не достигла совершеннолетия, сводничество, соблазнение или введение в заблуждение, даже с ее согласия, но совершенное с аморальным намерением, предлагалось считать преступным. Но в случае, если она достигла совершеннолетия, то для признания деяния преступным необходимо было установить применение по отношению к ней «насилия, угрозы, злоупотребления властью, принуждения или мошенничества».

Итогом Конференции стало принятие и подписание государствами-участниками Международного договора о борьбе с торговлей белыми рабынями[6], который вступил в силу 18 июля 1905 г. Договор призывал государства обмениваться информацией о торговле белыми рабынями, обеспечить государственную защиту молодым женщинам, путешествующим из одной страны в другую, распространить официальную защиту на жертв торговли людьми, а также судебное преследование и наказание торговцев людьми. Его наиболее важные положения были сформулированы в первых трех статьях. Согласно ст. 1 каждое из договаривающихся правительств обязалось учредить или назначить орган, которому будет поручена координация всей информации, касающейся привлечения женщин или девушек для безнравственных целей за границей; этот орган будет иметь право вступать в непосредственную связь с аналогичным ведомством, созданным в каждом из

---

[5] Необходимо иметь в виду, что в начале XX столетия «транснациональная преступность», так же как и «трансграничная», определялась как «международная преступность». То же можно сказать и о порнографии, под которой понималось преступление против цензуры или против способности государства контролировать информацию, а также как противоправное деяние, причиняющее вред определенным социальным группам, прежде всего женщинам и детям.

[6] International Agreement for the Suppression of the “White Slave Traffic,” 18 May 1904, 35 Stat. 1979, 1 L.N.T.S. 83, entered into force 18 July 1905. URL. https://hrlibrary.umn.edu/instree/whiteslavetraffic1904.html (дата обращения: 06.08.2025).

других Договаривающихся государств. В статье 2 изложен план взаимных мер, включая общее наблюдение за железнодорожными станциями и портами. О прибытии лиц, которые являются исполнителями, соучастниками или жертвами такой торговли, предписывалось сообщать властям места назначения, заинтересованным дипломатическим или консульским агентам или любым другим компетентным органам. В статье 3 государства-участники обязались в случае необходимости и в рамках закона принимать заявления от женщин и девушек иностранного гражданства, занимающихся проституцией, для установления их личности и гражданского состояния, а также лица, вынудившего их покинуть свою страну, чтобы полученную информацию передать властям страны происхождения указанных женщин и девушек с целью их последующей репатриации. Кроме того, насколько это было возможно, предполагалось временно передавать жертв преступной торговли на попечение государственных или частных благотворительных организаций либо частных лиц[7].

Позже Договор наряду с другими документами вошел в Конвенцию ООН 1950 г. о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами[8].

В 1910 году состоялась вторая международная Конференция, также посвященная борьбе с торговлей белыми рабынями. Причем участники Конференции одновременно работали на другой Конференции, посвященной борьбе с публикациями непристойного характера, которая также проходила в Париже с 18 апреля по 4 мая 1910 г. [3, с. 198]. Ее результатом явилось принятие Соглашения относительно пресечения обращения порнографических изданий, по сути представляющего собой многосторонний договор, направленный на содействие трансграничному сотрудничеству в борьбе с производством, распространением и торговлей непристойными материалами, включая сочинения, изображения и предметы[9]. Данное Соглашение было подписано в том числе представителями царской России.

Парижская конференция 1910 г. была созвана для уточнения и внесения поправок в положения ранее принятого Соглашения 1904 г. В частности, в Договоре 1904 г. не был четко указан минимальный возраст потерпевших, и участники второй Конференции согласились с тем, что для всех стран должен быть установлен единый возраст. Было также уточнено понятие торговли белыми рабами, основанное на формулировках, касающихся приобрете-

---

[7] International Agreement for the Suppression of the “White Slave Traffic,” 18 May 1904.

[8] Резолюция 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН «Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами» (вместе с Заключительным протоколом) (принята 2 декабря 1949 г. на 264-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М. : Литиздат НКИД, 1957. С. 280–290.

[9] Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий (заключено в г. Париже 4 мая 1910 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М. : Литиздат НКИД, 1938. С. 105–107.

ния их с помощью «силы» или «мошенничества», «насилия» или «злоупотребления властью», причем особо было обращено внимание на то, что женщин «заманивают» или «соблазняют» к пересечению границ с аморальными целями [4, p. 287].

По итогам Конференции 1910 г. была принята вторая Международная конвенция о борьбе с торговлей белыми рабынями, вступившая в силу 8 августа 1912 г.[10], которая, как и Конвенция 1904 г., впоследствии вошла в Конвенцию ООН 1950 г. о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами.

Большую роль в работе конференций и принятии по их итогам международных соглашений сыграл Международный союз криминалистов, созданный в 1888/89 г. известными юристами Францем фон Листом (Германия), Адольфом Принсом (Брюссель) и Антоном Герардом ван Хамелем (Амстердам) [5]. Международный союз криминалистов объединил ученых, практиков и государственных служащих, представляющих разные страны. К 1913 году в Союзе участвовали 1148 человек из 27 государств, причем представители России по численности были на третьем месте после Германии и Австрии. В период с 1889 по 1914 г. Союз провел 12 международных конгрессов, посвященных проблемам преступности, особое внимание уделяя поиску путей реформирования национальных систем уголовного правосудия, кодификации и унификации уголовных кодексов разных стран [5].

По инициативе Русской группы в 1902 г. в Санкт-Петербурге состоялся конгресс Международного союза, в повестку дня которого был включен вопрос о международной торговле женщинами [6], а через несколько лет, в 1905 г., на Гамбургском конгрессе Союза этой проблеме уже была посвящена специальная секция, во время которой обсуждались элементы международного уголовного преступления, необходимость создания режимов взаимной правовой помощи, специализированных полицейских органов для трансграничного сотрудничества. Международная преступность была определена как совокупность различных форм преступных «промыслов», будь то контрабанда (контрафактных) товаров (при которой ущерб наносится государству и местным предприятиям) или торговля женщинами и порнография, при которой вред наносится женщинам или детям [7].

Русская группа, участвующая в работе Международного союза, была образована в 1897 г. С момента ее основания ею руководил И. Я. Фойницкий, сенатор и профессор права Санкт-Петербургского университета. В группу входили известные российские юристы Н. С. Таганцев, В. Д. Набоков, А. А. Жижиленко, Д. А. Дриль, Ф. Ф. Мартенс, П. И. Люблинский, М. Н. Гернет и др. Особую роль в работе группы сыграл П. И. Люблинский, известный специалист в области международного и сравнительного права, который, понимая, что без унификации уголовного права трудно достичь успеха в борьбе с международными преступлениями, призывал Союз поддержать идею международного полицейского сотрудничества и более строгого контроля за границами [8, с. 43].

---

[10] International Convention for the Suppression of the White Slave Traffic, signed at Paris on 4 May 1910. URL: https://hrlibrary.umn.edu/instree/whiteslavetraffic1910.html (дата обращения: 06.08.2025).

Практически все члены Русской группы участвовали не только в работе Союза, но и в реформировании отечественного уголовного законодательства, обращая особое внимание на борьбу с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации, особенно несовершеннолетних, и с порнографией. Они придерживались концепции, что развивающиеся технологии связи и транспорт ведут к появлению новых и опасных трансграничных преступлений, борьба с которыми требует международного сотрудничества. В число таких преступлений входят названные противоправные деяния.

Понимая сложность положения детей – жертв сексуальных преступлений, в ходе работы над проектом нового Уголовного уложения 1903 г. Русская группа признала правовую защиту несовершеннолетних важной частью предлагаемых ими изменений, призывая повысить возраст согласия с 10 до 12 лет, а предел судебного усмотрения в вопросе о «неосведомленности» женщины о половом акте – с 14 до 16 лет [9, с. 172]. В окончательной редакции Уголовного уложения был установлен возраст согласия 16 лет.

Не меньшее внимание Русская группа уделила проблемам борьбы с порнографией, которая была, по мнению ученых, неразрывно связана с проблемой торговли в целях сексуальной эксплуатации, прежде всего детей. В 1912 году в Журнале уголовного права и процесса, издаваемом Русской группой, была опубликована статья, посвященная Парижской конференции 1910 г. и принятому на ней Соглашению. В статье указывалось, что исходя из смысла Соглашения все лица, хранящие, продающие либо распространяющие предметы, имеющие порнографический характер, должны подлежать независимо от своей национальности «суду каждого из государств, присоединившихся к соглашению, даже в случае, если на территории последнего ими совершено преступление не целиком, но лишь в одном из составляющих его элементов» [10, с. 103]. Иначе говоря, автор обращал внимание на то, что производство, пересылка и т. п. порнографических произведений разного рода с целью их распространения должны быть признаны преступлениями, влекущими преследование государствами – участниками Соглашения, носящими, говоря современным языком, транснациональный характер.

В 1913 году журнал опубликовал статью А. И. Зака, посвященную кино и детской преступности. Считая, что рост детской преступности во многом порожден «непристойной» массовой культурой, он предложил фильмы отнести к категории потенциально непристойных, развращающих и способствующих моральной деградации детей и призвал ввести правовые ограничения на их просмотры детьми [11]. Его идеи впоследствии были поддержаны П. И. Люблинским.

Первая мировая война привела к распаду многих национальных групп, входящих в Союз, отцы-основатели умерли во время или сразу после войны, в результате Союз прекратил свое существование, но после войны начался новый, второй этап развития законодательства о борьбе с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации и порнографии, причем во многом благодаря Лиге Наций.

Лигу Наций обычно характеризуют как политический институт, созданный для поддержания мира и разоружения. Но ее деятельность не ограничивалась только этими вопросами, поскольку ст. 23c Устава Лиги Наций возла-

гала на нее ответственность за контроль за выполнением соглашений, касающихся торговли белыми рабами и контрабанды наркотиков, заключенных еще до войны[11].

После Первой мировой войны в мире возросла активность движений, призывавших к более активным и скоординированным международным действиям, поддерживающим социальные реформы и защиту прав женщин. И поскольку в соответствии со ст. 23c Устава Лига Наций была уполномочена контролировать и обеспечивать соблюдение международных соглашений о торговле женщинами и детьми, по ее инициативе были проведены исследования, посвященные соблюдению конвенций 1902 и 1910 гг., а в 1921 г. созвана международная Конференция, посвященная данной проблеме, в которой участвовали представители 34 стран.

На Конференции 1921 г. было принято несколько важных решений. Прежде всего, был представлен текст новой Конвенции, в котором термин «торговля белыми рабынями» был заменен на «торговля женщинами и детьми»[12]. Правительствам и неправительственным организациям было предложено ежегодно представлять доклады о торговле людьми и о правовых и социальных мерах, принимаемых для ее пресечения. Кроме того, было рекомендовано создать специальный комитет для расследования и консультирования Совета и Ассамблеи Лиги по вопросам, касающимся условий и мер борьбы с международной торговлей женщинами и детьми[13], что отразило признание того, что эффективное пресечение торговли людьми невозможно без международного сотрудничества и контроля.

В рамках кампании по борьбе с торговлей женщинами и детьми и проституцией Лига Наций занималась в том числе проблемами распространения непристойных публикаций, считая порнографию, проституцию и торговлю женщинами и детьми взаимосвязанными транснациональными преступлениями. Эти проблемы рассматривались ею как угроза и общественной морали, и международному правопорядку, особенно в связи с тем, что развитие средств массовой информации, путешествий и книгоиздательского дела облегчало их трансграничное распространение.

В результате Лига Наций признала необходимость принятия новых международных договоров, способствующих пресечению трансграничных преступлений, связанных с порнографическими публикациями. В 1923 году по инициативе Франции ею была принята Конвенция, которая обязала государства контролировать и запрещать распространение всех видов порнографических материалов, включая фильмы и печатные издания, а также привлекать к от-

---

[11] Устав Лиги Наций. 1 января 1920 г. URL: https://doc20vek.ru/node/451 (дата обращения: 06.08.2025).

[12] Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми, открытая для подписания в Женеве с 30 сентября 1921 по 31 марта 1922 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=I02100001 (дата обращения: 06.08.2025).

[13] League of Nations (1927) Report of the Special Body of Experts on Traffic in Women and Children, Part 1. Geneva : League of Nations. URL: https://archives.ungeneva.org/traffic-in-women-and-children-special-body-of-experts-79 (дата обращения: 06.08.2025).

ветственности за совершение данных деяний[14]. Но, как и ранее в Соглашении о пресечении обращения порнографических изданий 1910 г., в Конвенции отсутствовало понятие «порнография», и в основном тексте документа вместо слова «порнографические» было, как и прежде, использовано слово «непристойные» [12]. Основная цель Конвенции была дополнить внутреннее национальное законодательство международным соглашением о сотрудничестве в борьбе с явлением, рассматриваемым тогда как социальная и моральная угроза обществу и государству.

Дореволюционные и советские российские криминологи и криминалисты, начиная еще со времени их участия в Международном союзе, под порнографией понимали преступление против цензуры, т. е. против способности государства контролировать непристойную информацию, а равно противоправное деяние, наносящее конкретный вред определенным социальным группам, прежде всего женщинам и детям (особенно мальчикам), признаваемым ими наиболее уязвимыми потенциальными потребителями порнографии.

После революции советские юристы, работая над новым уголовным законодательством, продолжили дискуссии о защите детей и о влиянии на их нравственное развитие непристойных материалов, в частности кинофильмов. Так, П. И. Люблинский в монографии «Преступления в области сексуальных отношений» писал: «К наказуемым формам содействия чужому разврату относится и эксплуатация дурных и порочных вкусов публики путем изготовления и распространения всякого рода произведений печати, фотографий, рисунков, фильм, пластинок и пр.» [13, с. 206–207], на которые должны распространяться уголовно-правовые запреты, но при условии, если эти действия носят публичный характер. Эту же мысль он развил в работе «Кинематограф и дети», в которой попытался показать, как международная массовая культура, взаимодействуя с трансграничной контрабандой порнографии, подрывает тем самым нравственность детей. Отсутствие государственного контроля и цензуры кино он считал ключевой причиной, почему кино оказывало «развращающее» воздействие на молодежь Советского Союза [14].

До 1935 года согласно ст. 224 УК РСФСР 1922 г., как и 1926 г., считалось преступным издание и распространение печатной продукции, не санкционированной государственной цензурой, деятельность которой регулировалась Декретом Совета народных комиссаров от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)[15]», согласно которому запрещались издание и продажа материалов, «носящих порнографический характер». Но уголовная ответственность в современном понимании за порнографию или распространение или публикацию материалов, носящих порнографический характер, на тот момент отсутствовала.

Лишь после того, как Советский Союз вошел в Лигу Наций и присоединился к Конвенции 1923 г., ЦИК СССР и СНК СССР 17 октября 1935 г. приняли

---

[14] Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (заключена в г. Женеве 12 сентября 1923 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. С. 100–105.

[15] Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1922. 23 июня.

постановление «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений или торговлю ими»[16], в результате чего глава 8 УК РСФСР 1926 г. «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок» была дополнена ст. 182.1, устанавливающей уголовную ответственность за «изготовление, распространение и рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений и иных предметов, а также торговлю ими или хранение с целью продажи или распространения»[17].

Впоследствии аналогичная норма была предусмотрена и в УК РСФСР 1960 г.[18] (ст. 228), есть она и в современном Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 242 УК РФ). В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «установление в уголовном законе ответственности за незаконные изготовление в целях оборота и оборот порнографических материалов (предметов) вытекает из Конституции Российской Федерации, предусматривающей допустимость ограничения – в том числе осуществляемого посредством установления соответствующего уголовно-правового запрета – прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности (ч. 3 ст. 55), а также из обязательств Российской Федерации по международным договорам, в частности по Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (Женева, 12 сентября 1923 года)»[19].

Обсуждение и заключение

Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации является одной из самых ранних признанных международным сообществом форм международной и транснациональной преступности. Первые международные договоры, касающиеся торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации, были заключены еще в начале XX столетия. В отличие от торговли людьми, за исключением отдельных ее форм, порнография исторически не считалась международным или транснациональным преступлением, и большинство мер по борьбе с ней осуществлялось в пределах национальных границ. Международная конвенция о борьбе с распространением и торговлей порнографическими изданиями 1923 г., действующая до настоящего времени, являясь одним из первых международных договоров, направленных против распространения порно-

---

[16] Постановление ЦИК СССР № 21, СНК СССР № 2335 от 17 октября 1935 г. «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изделий, изображений и иных предметов и торговлю ими» (утратило силу). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. (утратил силу). URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374 (дата обращения: 10.08.2025).

[18] Уголовный кодекс 1960 г. (утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[19] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2009 г. № 41-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «Гарант»

графических материалов, только поощряет сотрудничество в области ограничения и пресечения данных материалов, но не придает порнографии статус «международного преступления».

Созданный в конце XIX в. Международный союз криминалистов, объединивший ведущих ученых-криминалистов, юристов и политиков со всей Европы, включая российских, уделял особое внимание «преступлениям против общественной морали» и международной преступности, что нашло отражение в предложениях и проектах конвенций 1902 и 1910 гг., а также в Конвенции 1923 г., посвященной непристойным публикациям.

В свою очередь российские юристы как до, так и после 1917 г. играли важную роль в деятельности Международного союза криминалистов и признании торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации и порнографии преступлениями, требующими в целях борьбы с ними разработки международно-правовых стандартов. Русская группа выступала за принятие законов, направленных против торговли женщинами и детьми и их сексуальной эксплуатации и порнографии, а ее участие в создании советского уголовного права после 1917 г. сделало возможным сохранение влияния международных норм на формирование советского и современного уголовного законодательства, обеспечивающего защиту детей и общественной нравственности.

Список источников

1. Chaumont J.-M. The white slave trade affair (1880–1881): a scandal specific to Brussels? // Brussels Studies. 2011. № 46. P. 2–4.
2. Allain J. White Slave Traffic in International Law // Journal of Trafficking and Human Exploitation. 2017. Vol. 1, no. 1. P. 1–40.
3. Столповский М. М. История возникновения понятия «порнография» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4. С. 197–200.
4. Salvatore R. D. Criminology, Prison Reform, and the Buenos Aires Working Class // Journal of Interdisciplinary History. 1992. Vol. 23, no. 2. P. 279–299.
5. Невский С. А. Международный союз криминалистов (из истории международного сотрудничества) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 19–22.
6. Набоков В. Д. Петербургский конгресс Международного союза криминалистов. 4–7 сент. 1902 г. СПб. : Тип. СПб. АО «Слово», 1902. 40 с.
7. Люблинский П. И. Десятый Международный съезд союза криминалистов в Гамбурге. СПб. : Сенат. тип., 1905. 58 с.
8. Люблинский П. И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915) : моногр. / сост. В. С. Овчинский (вступ. ст.), А. В. Федоров (вступ. ст.). М. : Инфра-М, 2012. 350 с.
9. Кондрашова Т. В. Развитие взглядов российского законодателя на регулирование и охрану половых отношений. К 100-летию Уголовного уложения 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2003. № 1. С. 166–174.

10. Г-гъ Е. Борьба с порнографией // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 1. С. 102–109.
11. Зак А. И. Кинематограф и детская преступность // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 4. С. 15–51.
12. Донченко А. Г. Понятие порнографии в российском уголовном праве // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 2. С. 186–192.
13. Люблинский П. И. Преступления в области сексуальных отношений. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 246 с.
14. Люблинский П. И. Кинематограф и дети. М. : Кн-во «Право и жизнь», 1925. 121 с.

References

1. Chaumont J.-M. The white slave trade affair (1880–1881): a scandal specific to Brussels? *Brussels Studies*. 2011;(46):2-4.
2. Allain J. White Slave Traffic in International Law. *Journal of Trafficking and Human Exploitation*. 2017;1(1):1-40.
3. Stolpovsky M. M. History of the emergence of the concept of “pornography”. *Aktual’nye problemy bor’by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Current Issues of Combating Crimes and Other Offenses*. 2004;(4):197-200. (In Russ.)
4. Salvatore R. D. Criminology, prison reform, and the Buenos Aires working class. *Journal of Interdisciplinary History*. 1992;23(2):279-299.
5. Nevsky S. A. International Union of Criminologists (from the history of international cooperation). *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*. 2017;(4):19-22. (In Russ.)
6. Nabokov V. D. *St. Petersburg Congress of the International Union of Criminologists. September 4–7, 1902*. St. Petersburg: Printing House of St. Petersburg JSC “Slovo”; 1902. 40 p. (In Russ.)
7. Lyublinsky P. I. *The Tenth International Congress of the Union of Criminologists in Hamburg*. St. Petersburg: Senate Printing House; 1905. 58 p. (In Russ.)
8. Lyublinsky P. I. *International congresses on criminal law issues over ten years (1905–1915)*. Monograph. Comps. V. S. Ovchinsky (introd. art.), A. V. Fedorov (introd. art.). Moscow: Infra-M; 2012. 350 p. (In Russ.)
9. Kondrashova T. V. Development of the Russian legislator’s views on the regulation and protection of sexual relations. On the 100th anniversary of the Criminal Code of 1903. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Pravo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Law*. 2003;(1):166-174. (In Russ.)
10. G-g E. The fight against pornography. *Zhurnal ugolovnogo prava i protsessa = Journal of Criminal Law and Procedure*. 1913;(1):102-109. (In Russ.)
11. Zak A. I. Cinematography and juvenile crime. *Zhurnal ugolovnogo prava i protsessa = Journal of Criminal Law and Procedure*. 1913;(4):15-51. (In Russ.)

12. Donchenko A. G. The concept of pornography in Russian criminal law. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie = News of Universities. Jurisprudence.* 2011;(2):186-192. (In Russ.)
13. Lyublinsky P. I. *Crimes in the sphere of sexual relations*. Moscow; Leningrad: Publishing House of L. D. Frenkel; 1925. 246 p. (In Russ.)
14. Lyublinsky P. I. *Cinema and children.* Moscow: Pravo i Zhizn' Publishing House; 1925. 121 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Рахманова Екатерина Николаевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).
Ekaterina N. Rakhmanova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law Department, North-Western Branch, Lebedev Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 12.10.2025; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 343.13, 316.334.4
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.148-162

Уголовное судопроизводство как взаимодействие людей: оптимальные параметры сотрудничества

Алексей Иванович Цыреторов
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alex.tsi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6036-5886

Аннотация
Введение. На основе междисциплинарного подхода исследуется феномен сотрудничества в системе уголовного судопроизводства, традиционно воспринимаемой как сфера конфликта. Автор рассматривает уголовно-процессуальные институты, основанные на кооперации (досудебное соглашение, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, примирение сторон), в качестве «символических контрактов». Цель исследования – выявить системные дисфункции отечественного уголовного судопроизводства и разработать параметры построения эффективной и добросовестной кооперации между его участниками.
Методы. Методология включает применение теории сотрудничества к анализу процессуальных норм, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы.
Результаты исследования. Устойчивость уголовно-правовых институтов, основанных на кооперации, анализируется через призму теории сотрудничества Роберта Аксельрода, которая выделяет ключевые условия стабильности взаимодействий: наличие «тени будущего» (ожидание повторных встреч), принцип незамедлительной взаимности и ясность правил игры. Ключевой вывод заключается в том, что действующее уголовно-процессуальное право содержит фундаментальный дефект: отсутствие быстрых и неотвратимых санкций за недобросовестное поведение участников, что сводит на нет стимулы к честному сотрудничеству и провоцирует тактические злоупотребления. В работе формулируются конкретные законодательные предложения, направленные на внедрение принципа взаимности. Они включают: установление негативных процессуальных и материально-правовых последствий за отказ от сотрудничества или обман; гарантированность «вознаграждения» при выполнении объективных условий сотрудничества; расширение «корзины вознаграждений»; институционализацию репутационных механизмов для профессиональных участников и специализацию судебных составов. Целью предлагаемых мер является преобразование сотрудничества в уголовном судопроизводстве из инструмента манипуляции в стабильный механизм управления конфликтом и установления истины.

© Цыреторов А. И., 2026

Обсуждение и заключение. Анализ отечественных уголовно-процессуальных институтов, связанных с кооперацией, с позиций теории Аксельрода выявил их системные недостатки – отсутствие быстрых санкций, создающее предпосылки для злоупотреблений, и дискреционный характер поощрений, ослабляющий взаимность. Предложен комплекс мер, реализующих принцип «Око за око» и усиливающих «тень будущего». Внедрение этих мер должно сопровождаться укреплением процессуальных гарантий для сотрудничающей стороны во избежание обвинительного уклона.

Ключевые слова: сотрудничество в уголовном судопроизводстве, теория игр, процессуальные институты, досудебное соглашение о сотрудничестве, эффективность правосудия, стратегия «Око за око», уголовно-процессуальное право, оптимизация взаимодействия

Для цитирования: Цыреторов А. И. Уголовное судопроизводство как взаимодействие людей: оптимальные параметры сотрудничества // Правосудие/ Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 148–162. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.148-162.

Original article

Criminal Justice as Interaction Between People: Optimal Cooperation Parameters

Aleksey I. Tsyretorov

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation
Alex.tsi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6036-5886

Abstract

Introduction. The article employs an interdisciplinary approach to examine the phenomenon of cooperation within the criminal justice system, traditionally perceived solely as an arena of conflict. The author views criminal procedural institutions based on cooperation (pre-trial agreement, special procedure for adjudication under a pre-trial cooperation agreement, reconciliation of the parties) as “symbolic contracts”. The aim of the study is to identify systemic dysfunctions in the domestic criminal justice system and to develop parameters for establishing effective and conscientious cooperation among its participants.

Methods. The methodology involves applying cooperation theory to the analysis of procedural norms, along with formal-legal and comparative legal methods.

Results. Their stability is analyzed through the lens of Robert Axelrod’s theory of cooperation, which identifies key conditions for stable interactions: the presence of the “shadow of the future” (expectation of repeated encounters), the principle of prompt reciprocity, and the clarity of rules. The key finding is that current criminal procedure law contains a fundamental flaw: the absence of swift and inevitable sanctions for dishonest behavior by participants, which nullifies incentives for genuine cooperation and encourages tactical abuses. The work formulates specific legislative proposals aimed at implementing the principle of reciprocity. These include: establishing negative procedural and substantive legal consequences for refusal to cooperate or deception; guaranteeing “reward” upon fulfillment of objective conditions for cooperation;

expanding the “basket of rewards”; institutionalizing reputation mechanisms for professional participants; and specialization of judicial panels. The ultimate goal of the proposed measures is to transform cooperation in criminal proceedings from a tool of manipulation into a stable mechanism for managing conflict and establishing the truth. *Discussion and Conclusion*. The analysis of domestic criminal procedural institutions related to cooperation through the lens of Axelrod’s theory has revealed their systemic flaw – the discretionary nature of rewards weakens the principle of reciprocity. A set of measures has been proposed to implement the Tit-for-Tat strategy and strengthen the shadow of the future. The implementation of these measures should be accompanied by strengthening procedural guarantees for the cooperating party in order to avoid prosecutorial bias.

Keywords: cooperation in criminal proceedings, game theory, procedural institutions, pre-trial agreement, judicial efficiency, Tit-for-Tat strategy, criminal procedure law, optimization of interaction

For citation: Tsyretorov A. I. Criminal justice as interaction between people: optimal cooperation parameters. *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):148-162. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.148-162.

Введение

В сознании большинства людей уголовное судопроизводство традиционно рассматривается через призму конфликта. Для этой отрасли, как ни для какой иной сферы жизни общества, характерно не столько взаимодействие, сколько противодействие, объяснимое мотивацией избегания негативных последствий противоправных действий. Эта мотивация абсолютно понятна каждому, редкий человек будет удовлетворен применяемыми к нему санкциями. Тем не менее взаимодействие имеет место в уголовном судопроизводстве, и не только между участниками с одной стороны. Более того, мы полагаем, что сотрудничество не противоречит состязательности, а дополняет ее, выступая механизмом снижения издержек и повышения управляемости процесса. Однако это позитивное влияние возможно лишь при условии, что само сотрудничество эффективно и стабильно. Поэтому поиск параметров эффективного взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства видится ключевой задачей для оптимизации правосудия.

По представлениям Т. Парсонса, социальная система, сведенная к самым простым понятиям, состоит из множества индивидуальных действующих лиц, взаимодействующих друг с другом в ситуации, которая обладает по меньшей мере физическим аспектом, т. е. находится в некоторой среде действующих лиц, мотивации которых определяются тенденцией к оптимизации удовлетворения [1, с. 9]. По мнению ученого, потребности удовлетворения направлены на альтернативные объекты, имеющиеся в текущей ситуации. К этим альтернативам должен применяться определенный порядок выбора, именуемый оцениванием [1, с. 10]. Парсонс, признавая сложность систем человеческой деятельности, указывает, что «взаимная зависимость ожиданий ориентируется на общепринятый порядок символических значений» [1, с. 13–14]. Это означает, что взаимодействие людей – это не хаос. Мы ведем себя определенным образом, потому что ожидаем, что другие люди поймут наши действия и слова так же, как мы, и ответят предсказуемо. Вся эта система

ожиданий держится на том, что мы все в рамках нашей культуры или социального института договорились об одном и том же значении символов, правил и ритуалов. Уголовное судопроизводство, будучи формализованной социальной системой, основано на «символических конструкциях» (как правило, несущих репрессивный оттенок), которые структурируют взаимодействие его участников, делая его предсказуемым.

Методы

Исследование проведено с использованием комплекса методов, включающих общенаучные методы познания (анализ, синтез, индуктивный и дедуктивный методы, системный подход) и частнонаучные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-юридический). Междисциплинарный характер работы предопределил применение теории сотрудничества Р. Аксельрода в качестве основного аналитического инструмента, позволившего интерпретировать взаимодействие участников уголовного судопроизводства и выявить условия стабильности кооперации. Такой методологический синтез дал возможность не только констатировать системные дисфункции отечественных процессуальных институтов, но и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства, направленные на внедрение принципа взаимности и усиление «тени будущего».

Результаты исследования

Конкретным воплощением таких «символических конструкций», тесно связанных с сотрудничеством, в уголовном судопроизводстве являются институты, по своей логике аналогичные сделке о признании вины (plea bargaining). В российском процессе эту функцию выполняют:

– явка с повинной (ст. 142 УПК РФ);

– прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);

– прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ);

– дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ);

– особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ);

– особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ).

Перечисленные символические конструкции (институты) включают в себя значения: «признание» + «сотрудничество» = «смягчение наказания» («освобождение от ответственности»). Наполнение «сотрудничества» может варьироваться и, например, при деятельном раскаянии и примирении сторон включает в себя возмещение ущерба, что отсутствует в других перечисленных символических конструкциях. Таким образом, в ходе процессуальной деятельности взаимодействие имеет место, и на фоне характерного для этой сферы противодействия оно принимает особо значимый и ценный характер. Взаимная зависимость здесь выражается в том, что ожидания одного участника судопроизводства подкрепляются и подтверждаются действиями другого. Так, прокурор, принимая постановление об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и состав-

ляя досудебное соглашение о сотрудничестве, ожидает, что подозреваемый (обвиняемый) выполнит свою часть «символического контракта». Подозреваемый (обвиняемый) ожидает, в свою очередь, что государство в лице суда смягчит наказание. Ожидания участников взаимозависимы, и если одна сторона нарушает правила, символический порядок рушится и взаимодействие теряет смысл.

Однако эта модель взаимозависимых ожиданий является уязвимой и может быть разрушена недобросовестным поведением. Правоприменительной практике известны случаи, когда участники уголовного судопроизводства подают сигналы к взаимодействию с целью введения другой стороны в заблуждение, а не для достижения результата взаимодействия. Как показывают А. А. Васильева и Е. А. Гаврилова, порой ходатайство подозреваемого и его защитника о производстве дознания в сокращенной форме является тактическим приемом: расчет здесь на то, что дознаватель будет опираться на признание обвиняемого и большинство следственных действий не будет проводиться. Когда через некоторое время доказательства утрачиваются, подозреваемый подает ходатайство о производстве дознания в обычном порядке. Это приведет к тому, что дознаватель не сможет собрать сильную доказательную базу, а значит, велик риск, что в суде такое дело «развалится» [2, с. 40]. Применительно к досудебному соглашению о сотрудничестве А. А. Ермаковым и А. В. Азархиным отмечается «отсутствие эффективного механизма противодействия злоупотреблениям, осуществляемым подозреваемыми (обвиняемыми)» [3, с. 353]. В результате некоторые подозреваемые (обвиняемые), стремясь избежать ответственности, представляют органам уголовного преследования недостоверную информацию, что переводит процесс судебного рассмотрения дела в «русло» общего производства [3]. Приведенные примеры в правоприменительной практике именуются нейтральным словосочетанием «смена процессуальной тактики», являющимся, по сути, эвфемизмом для обмана.

Уголовно-процессуальная деятельность при всей своей специфичности должна исходить из особенностей поведения людей в различных ситуациях или, по крайней мере, учитывать их. Эффективность уголовно-процессуальных норм в значительной мере определяется тем, насколько правильно в них отражены эти особенности; мотивируют ли они участников правоотношений на правопослушное (добросовестное) поведение. Однако, как показывает практика, эти символические контракты могут нарушаться, а стимулы к сотрудничеству – искажаться. Почему существующие институты сотрудничества оказываются уязвимыми для злоупотреблений и не формируют стабильные стимулы? Примечательно, что эта системная проблема находит свое отражение даже в более фундаментальных вопросах уголовного судопроизводства. Так, укоренившийся в российской практике подход, при котором отказ от дачи показаний не влечет за собой никаких процессуальных рисков, формирует искаженную систему стимулов и не предрасполагает к установлению конструктивного сотрудничества с органами предварительного расследования и судом.

Это особенно заметно при сравнении с иными правовыми системами. Например, в Англии, хотя подозреваемый и имеет право хранить молчание, само это молчание может быть учтено судом при оценке доказательств по

существу дела и использовано против этого лица [4, с. 68]. В Норвегии же председательствующий судья прямо предупреждает подсудимого о том, что его молчание либо отказ отвечать на вопросы могут быть расценены судом отрицательно [4, с. 115]. Это лишний раз подтверждает общий диагноз: российское судопроизводство не создает сбалансированной системы стимулов, где выбор в пользу сотрудничества был бы рационально обоснован, а отказ от него сопрягался бы с процессуальными рисками.

Методологическим ориентиром для данного исследования стала монография Ю. А. Цветкова «Игры, в которые играют судьи» [5], демонстрирующая, как выход за рамки догматического подхода и использование теории игр позволяют раскрыть внутреннюю логику, психологию и системные закономерности судебной деятельности. Развивая этот междисциплинарный вектор, мы избрали в качестве основного аналитического инструмента теорию сотрудничества Роберта Аксельрода, представленную в его междисциплинарной работе «Эволюция сотрудничества» [6]. Эта теория позволяет провести системный анализ дисфункции отечественных процессуальных институтов и выявить параметры, необходимые для выстраивания устойчивого взаимодействия. Аксельрод задается фундаментальным вопросом: как потенциальная стратегия сотрудничества может закрепиться в среде, не являющейся кооперативной, и при каких условиях возникает сотрудничество в мире эгоистов без центральной власти [6, p. 68]? Ученый установил, что сама возможность достижения стабильного взаимного сотрудничества зависит от наличия высокой вероятности продолжения взаимодействия [6, p. 16], т. е. когда контакты не являются разовыми. При этом эта возможность не является достаточной для развития сотрудничества [6]. Ученый исходит из того, что:

1) выигрыши игроков могут быть совершенно несопоставимы;

2) выигрыши, безусловно, не обязательно должны быть симметричными;

3) выигрыши игрока не обязательно измерять в абсолютных величинах, их достаточно измерять относительно друг друга;

4) сотрудничество не обязательно должно считаться желательным с точки зрения остального мира;

5) нет необходимости предполагать, что игроки рациональны, им не обязательно стремиться к максимизации своего вознаграждения;

6) действия, которые совершают игроки, не обязательно равнозначны.

Выводы об эволюции и поддержании сотрудничества, основанного на взаимности, полученные Аксельродом экспериментальным путем, можно свести к следующим ключевым положениям.

1. *Необходимые условия для возникновения сотрудничества:* сотрудничество может зародиться даже в некооперативной среде, но для этого требуются повторяющиеся взаимодействия между одними и теми же индивидами. Эту идею Аксельрод высказывает следующим образом: «Если игроки больше никогда не встретятся, стратегия предательства остается единственной надежной стратегией» [6, p. 92]. Эволюция сотрудничества требует, чтобы у индивидов была достаточно большая вероятность встретиться снова, чтобы они были заинтересованы в своем будущем взаимодействии [6, p. 20]. При частом взаимодействии «основной принцип всегда один и тот же: оно способствует стабильному сотрудничеству» [6, p. 130]. Это позволяет участникам помнить прошлое поведение партнера и строить стратегию на будущее.

2. *Ключевая роль «тени будущего»*[20]*:* самый важный фактор стабильности сотрудничества – это значимость будущих встреч по сравнению с текущей выгодой. Если вероятность или ценность будущих взаимодействий достаточно высоки, то взаимное сотрудничество становится выгодной стратегией. Если эта важность падает ниже порога (например, из-за конца взаимоотношений или замены участника), сотрудничество распадается. Увеличивать значимость будущего возможно посредством более частых и долгосрочных взаимодействий. Чем у́же круг взаимодействующих людей – тем надежнее будет сотрудничество.

3. *Эффективность стратегии «Око за око»* («Tit-for-Tat»). По мнению Аксельрода, «Око за око» – это оптимальная стратегия для поддержания стабильного сотрудничества, потому что в ней сочетаются следующие черты [6, p. 54]:

– она ясна и понятна для других игроков, тем самым способствует долгосрочному сотрудничеству;

– дружелюбна (не провоцирует первой), т. е. «никогда не приводит к первому отказу от сотрудничества»;

– отвечает взаимностью на сотрудничество и на предательство (отплачивает тем же);

– прощает после одного ответного действия, возвращаясь к сотрудничеству;

– коллективно стабильна и хорошо работает с другими успешными стратегиями, не разрушая основу собственного успеха.

Эта стратегия работает не только при оригинальном большом разнообразии правил, но и с успешными правилами, которые, вероятно, появятся в будущем в большем количестве, она не разрушает основу собственного успеха и эффективна в самых разных ситуациях [6, p. 118]. Для поощрения сотрудничества необходимо декомпозировать взаимодействия: разбивать большие сделки на множество мелких повторяющихся шагов, чтобы выгода от разового обмана стала меньше, чем ценность будущего сотрудничества.

4. *Роль репутации:* она действует как сдерживающий фактор и упрощает установление сотрудничества. Лучшая репутация с точки зрения получения выгоды – репутация жесткого и непреклонного игрока, который моментально и сурово наказывает за предательство. «Око за око» создает репутацию справедливого и надежного партнера.

5. *Скорость и ясность реакции на предательство:* ответ на предательство должен быть быстрым и четким, чтобы дать немедленную обратную связь и не позволить некооперативному поведению закрепиться. Чем быстрее обнаруживается и наказывается нарушение, тем стабильнее может быть сотрудничество. Аксельрод описывает это следующим образом: «Отличительной чертой порядочных игр является то, насколько быстро и надежно они отреагировали на вызов (провокацию), брошенный другим игроком. Если стратегия не побуждает к немедленному реагированию на вызов со стороны другого

[20] Несколько упрощенно «тень будущего» – это осознание того, что от сегодняшних действий зависят выгоды или потери в будущих взаимодействиях с тем же партнером, что заставляет выбирать кооперативную стратегию в настоящем.

игрока, другой игрок может просто все чаще и чаще пользоваться преимуществами такой легкомысленной стратегии» [6, p. 44].

6. *Этика взаимности против безусловного сотрудничества:* стратегия, основанная на взаимности («Око за око»), представляется более устойчивой моральной основой, чем безусловное сотрудничество (подставление второй щеки), поскольку:

а) безусловное сотрудничество поощряет эксплуататоров и перекладывает бремя их исправления на общество;

б) взаимность защищает как себя, так и других, затрудняя выживание эксплуататорских стратегий. Она способствует взаимным интересам, а не эгоизму или жертвенности.

Аксельроду удалось раскрыть условия и механизмы кооперации в обществе. Ученый убедительно показал, что стабильное сотрудничество возникает и защищает себя в мире эгоистичных индивидов при наличии трех условий: повторяемость взаимодействий, высокая значимость будущего и принцип четкой взаимности в ответах на действия партнера. Среди всех стратегий взаимодействия людей «Око за око» является оптимальной и стабильно приводит к взаимовыгодным результатам, процветая даже в популяции, где родство между взаимодействующими отсутствует. «Око за око» работает хорошо, поскольку способствует взаимным интересам, а не эксплуатирует слабости другой стороны, затрудняя выживание эксплуататорских стратегий [6, p. 137]. При этом любая коллективно стабильная стратегия, готовая к сотрудничеству, должна делать невыгодным для претендента попытку ее использовать [6, p. 62].

Применимость модели Аксельрода к уголовному судопроизводству в части выстраивания взаимодействия очевидна: это сфера повторяющихся взаимодействий (соответствующая условию «тени будущего»), где выигрыши сторон несопоставимы, а действия – не равнозначны. По Аксельроду, при подходящих условиях сотрудничество может развиваться даже между противоборствующими сторонами [6, p. 87], чем, собственно, и «славится» уголовное судопроизводство. Развивая подход Ю. А. Цветкова, использующий язык теории игр, уголовно-процессуальную деятельность можно представить как некую игру, которая возникает во взаимодействии между двумя и более лицами, имеющими конфликт интересов: «Такой конфликт может быть полным, если интересы игроков являются взаимоисключающими, и ограниченным, если эти интересы частично пересекаются» [5, с. 67]. Однако вне зависимости от того, является ли конфликт полным или ограниченным, взаимодействие, как правило, имеет место. Так, даже в условиях полного конфликта защитник зачастую действует не как «блокирующий» агент, а как партнер в установлении (поддержании) процессуальной правильности, т. е. как субъект взаимодействия, минимизирующий риски процессуальных ошибок. Хотя взаимодействие «следователь-обвиняемый» в рамках одного дела может быть ограниченным, система в целом, особенно для профессиональных участников (судьи, прокуроры, защитники), представляет собой сферу повторяющихся взаимодействий. Кроме того, институциональная память системы о «репутации» участника может моделировать эффект «тени будущего». Это позволяет перейти к центральному вопросу настоящего исследования: полностью ли отвечают конкретные российские процессуальные институты сотрудниче-

ства ключевым критериям стабильности, выявленным в теории ученого? Аксельрод справедливо отмечал, что внешние институты могут изменять стимулы, делая предательство менее выгодным или более рискованным [6, p. 133]. Так, государство посредством законодательства может менять фактические выгоды участников от сотрудничества.

На основе рассмотренных положений теории сотрудничества обозначим возможные пути совершенствования сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

1. Внедрение принципа «Око за око»: законодательная фиксация последствий недобросовестности. Для этого необходимо законодательное закрепление негативных последствий отказа от ранее данного согласия на сотрудничество. В отечественном уголовном судопроизводстве принцип «Обманешь = немедленно понесешь дополнительные издержки» плохо реализуется. Принцип «Око за око», используемый Аксельродом, при его адаптации к процессу следует понимать не как буквальное физическое возмездие, а как требование неотвратимости соразмерной реакции, направленной на восстановление баланса и справедливости в рамках процессуальных отношений.

Санкция за отказ от сотрудничества или обман часто сводится лишь к потере «бонуса» (возврат к общему порядку производства дознания), а не к суровому ответу на «предательство». В процессуальном законе отсутствует вообще какая-либо адекватная реакция на него. Другими словами, уголовно-процессуальные институты сотрудничества институционально «прощают» начальное предательство, переводя дело в общий порядок без существенных негативных последствий для обвиняемого. Такая «безнаказанность» заразительна: в ходе правоприменительной практики «…чем дольше отказ от игры остается безнаказанным, тем выше вероятность того, что другой игрок придет к выводу, что отказ от игры может быть выгоден. И чем прочнее укоренится эта модель поведения, тем сложнее будет ее нарушить» [6, p. 185]. Безнаказанность смены стратегии поведения ведет к тому, что действия обвиняемого превращаются в фарс.

Вероятность ранее рассмотренных нами примеров злоупотребления участников уголовного судопроизводства, когда они подают сигналы к взаимодействию с целью введения другой стороны в заблуждение, а не для достижения результата взаимодействия, могла бы быть ниже, если бы соблюдался принцип «Око за око». Это предполагает, например, что если участник, первоначально согласившийся на производство дознания в сокращенном порядке, начнет противодействовать предварительному расследованию, то его действия должны немедленно повлечь ответную реакцию и выступить основанием для применения к нему возможных мер уголовно-процессуального принуждения, а в отдаленной перспективе – в случае признания лица виновным – рассматриваться в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. «Индивид не должен иметь возможности избежать ответственности за предательство, не получив эффективной ответной реакции от других индивидов» [6, p. 100]. Если наказание за предательство настолько велико, что сотрудничество является лучшим выбором в краткосрочной перспективе, независимо от действий другого игрока, то дилеммы больше нет. Необходимо лишь сделать так, чтобы долгосрочная мотивация к взаимному сотрудничеству превышала краткосрочную мотивацию к предательству [6, p. 134].

Мы считаем парадоксальной ситуацию, при которой наказание может быть смягчено за позитивное посткриминальное поведение (явка с повинной; активное способствование раскрытию и расследованию преступления; оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, и др.), но не может быть усилено за негативное посткриминальное поведение. Усиление наказания за негативное посткриминальное поведение не противоречит основам конституционного строя и будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства: неотвратимость реакции на недобросовестность защищает правосудие от злоупотреблений, а гарантированность поощрения за сотрудничество стимулирует лиц к деятельному раскаянию и содействию органам предварительного расследования, что в конечном счете послужит защите прав потерпевших. Более того, требование честности и ответственности за свои слова является универсальным этическим правилом, нашедшим отражение в том числе и в религиозных текстах. Так, согласно Евангелию от Матфея (5:37) Иисус призывал к честности и прямоте в словах: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». Митрополит Иларион, прибегая к контекстуальному методу, дает пояснение этому стиху: данное изречение «следует понимать как напоминание об ответственности человека за свои слова, запрет на ложь, при которой одно у человека на уме или в сердце, другое на языке» [7, с. 239].

Юридизация последствий отказа от ранее данного согласия на сотрудничество будет напоминанием участникам уголовного судопроизводства о том, что их совместная деятельность должна быть направлена на установление объективной истины по уголовному делу, а не на введение в заблуждение должностного лица, что позволит дать участникам уголовного судопроизводства четкое понимание роли взаимности в поддержании сотрудничества, тем самым минимизировать вероятность злоупотребления подозреваемым, обвиняемым своими процессуальными возможностями и в конечном счете будет отвечать требованию, сформулированному Аксельродом, – успешная стратегия должна быть «мстительной». Представляется очевидным, что закон должен не только поощрять добрую волю, но и защищать систему от злоупотреблений этой доброй волей. Подобное решение не лишено изъянов – возникнет механизм, которым будет возможно злоупотребить, например превратив ранее заключенное досудебное соглашение о сотрудничестве в инструмент давления в целях вменения лицу несовершенных преступлений. В конечном счете органам предварительного расследования, прокурорам, а равно судам далеко не всегда удается провести четкую грань между отказом в сотрудничестве и произволом [8, с. 112–113] (реакцией на произвол со стороны правоохранительных органов. – *А. Ц.*). Это же решение может привести к несправедливым результатам в нетипичных ситуациях (например, когда обвиняемый отказался сотрудничать из-за страха мести соучастников). Внедрение этой меры должно сопровождаться укреплением процессуальных гарантий для сотрудничающей стороны и установлением действенного контроля над добросовестностью поведения каждого участника.

2. Низкий «параметр дисконтирования»[21] (высокая степень обесценивания будущих выгод) **или размытая «тень будущего»**. Для формирования высокого «параметра дисконтирования» необходимо гарантированное и предсказуемое «вознаграждение» за сотрудничество. Для обвиняемого это предполагает конструирование такой процессуальной среды, в которой будущие выгоды от честного сотрудничества со следствием, судом и иными участниками будут для обвиняемого субъективно значимыми, предсказуемыми и перевешивающими сиюминутную выгоду от обмана или противодействия. Так, действия обвиняемого по примирению с потерпевшим могут не увенчаться успехом по причине того, что «прекращение уголовного дела за примирением сторон зависит от усмотрения компетентных органов, что в определенной мере ограничивает права потерпевшего относительно осуществления преследования и не дает гарантии лицу, совершившему преступление, возместившему вред и примирившемуся с потерпевшим» [9, с. 64]. Дискреционность этого полномочия делает взаимодействие непредсказуемым и тем самым снижает стимулы обвиняемого к такому сотрудничеству. То есть у обвиняемого сохраняется высокий риск неполучения вознаграждения при выполнении условий примирения («тень будущего» размыта), следовательно, сотрудничество становится сомнительной стратегией. В сущности, перед обвиняемым встает дилемма, и его рациональный расчет (варианты действий) выглядит следующим образом:

• вариант А (сотрудничать): понести гарантированные крупные издержки сейчас (денежные средства, признание вины), чтобы получить вероятную и отсроченную выгоду; высокий риск, что выгоды не будет;

• вариант Б (не сотрудничать): сохранить денежные средства и не признавать вину сейчас. Возможно, это поможет в дальнейшей защите (отказ от показаний); даже если суд признает лицо виновным, вред можно будет возмещать постепенно по гражданскому иску.

Таким образом, обвиняемый лишен возможности рационально оценить выгоды долгосрочной стратегии примирения, так как дискреционность и непредсказуемость «вознаграждения» делают сотрудничество иррациональным. Чтобы сотрудничество стало стабильным и осмысленным, выполнение объективных условий (полное возмещение вреда и примирение с потерпевшим) по делам небольшой и средней тяжести должно порождать для следователя и суда не право, а юридическую обязанность прекратить уголовное преследование. Только тогда обвиняемый сможет однозначно рассчитать выгоду от долгосрочной стратегии (примирение) и отказаться от сиюминутной выгоды от противодействия (отказа от сотрудничества). В приведенном случае полагаем, что при примирении воля потерпевшего должна быть определяющей. При этом для защиты публичного интереса закон может предусмотреть изъятия из этого правила, например, когда характер преступления, несмотря на формальную категорию, свидетельствует о значительной общественной опасности (преступление совершено при обстоятельствах, отягчающих наказание). Такое решение, с одной стороны, придаст символическому контракту

[21] Высокий параметр дисконтирования отражает готовность человека терпеть текущие трудности ради будущей выгоды. По сути, это проявление доверия к будущему.

примирения необходимую предсказуемость и стабильность, усиливая «тень будущего» для обвиняемого. С другой стороны, оно сохранит за государством роль инструмента защиты публичного интереса в исключительных ситуациях, не сводящихся лишь к воле потерпевшего.

3. Расширение «корзины вознаграждений»: дифференциация стимулов в зависимости от ценности сотрудничества. Придание будущему большего значения по сравнению с настоящим возможно и через увеличение «вознаграждения». Взвешивая полезность той или иной альтернативы, участник уголовного судопроизводства опирается на качественные и количественные оценки последствий своих действий. Одной из областей уголовного судопроизводства, где слабо реализованы возможности вознаграждения, является, по нашему мнению, досудебное соглашение о сотрудничестве. Как справедливо замечено О. Н. Тисен, при наличии реальной угрозы безопасности жизни гарантий смягчения наказания, предусмотренных общими нормами материального права (ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ), недостаточно для стимулирования обвиняемых к активному взаимодействию со следствием [10, с. 3]. То есть непосредственные выгоды не выглядят предпочтительными по отношению к долгосрочным издержкам: ценность жизни несоизмеримо выше перспективы снижения объема негативных последствий привлечения к уголовной ответственности. В этих условиях единственным разумным решением является законодательное расширение возможного вознаграждения. Например, представляется целесообразным нормативное закрепление возможности полного освобождения от уголовной ответственности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, включающее в себя обязанность дачи показаний против соучастников преступлений – членов преступного сообщества (преступной организации). Это решение изменит выигрыш для участника, сделает будущие последствия более значимыми по сравнению с настоящим.

4. Институционализация «Репутационного механизма» для профессиональных участников. Внедрение формализованных процедур фиксации и учета добросовестного и недобросовестного поведения в рамках институтов сотрудничества:

• для защитников – если суд установит, что защита злоупотребила процессуальным правом (например, инициировала сокращенное дознание исключительно для сокрытия доказательств), это может служить правовым основанием направления информации в адвокатскую палату для возбуждения дисциплинарного производства. Это не наказание за позицию защиты, а ответственность за злоупотребление процедурой, вводящее в заблуждение суд и предварительное следствие;

• для государственных обвинителей и следователей – установленное нарушение данных обвиняемому гарантий должно влиять на ведомственную оценку их деятельности. Это создает стимул для органов предварительного расследования и прокурора быть надежным контрагентом.

5. Концентрация взаимодействия (сужение круга взаимодействующих субъектов) – создание специализированных судебных составов для рассмотрения дел, связанных с сотрудничеством. Законодательное закрепление правила, по которому рассмотрение дел в особом порядке или вопросов о последствиях нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве

подсудно конкретному судье или составу суда в пределах субъекта Российской Федерации, позволит унифицировать практику, выработать единые, прозрачные и стабильные «правила игры», что создаст у сторон уверенность в профессиональной и последовательной оценке их действий. Прокуроры и следователи, постоянно работающие со специализированным составом, также будут заинтересованы в добросовестном соблюдении условий сотрудничества, так как их репутация и мнение об эффективности будут в какой-то мере зависеть от суда. Это создаст прочную обратную связь между поведением сторон и результатом, повысит ответственность всех сторон. Данное предложение моделирует в уголовном процессе условия, необходимые для эволюции стабильного сотрудничества по Аксельроду: усиливает «тень будущего» и делает будущие взаимодействия более предсказуемыми.

Обсуждение и заключение

Таким образом, междисциплинарный анализ демонстрирует: устойчивость сотрудничества в уголовном процессе зависит не столько от доверия между сторонами, сколько от грамотно выстроенных правовых условий, меняющих их стимулы. Как показал Аксельрод, правильная институциональная среда способна побудить эгоистичных индивидов действовать кооперативно ради общей пользы, что и является одной из центральных функций права. Анализ действующих институтов с позиции теории Аксельрода выявил их уязвимость: они делают ставку на односторонние поощрения и не обеспечивают четкой взаимности, что открывает дорогу злоупотреблениям. Исходя из этого, автор исследования сформулировал конкретные меры – от внедрения логики «Око за око» до институционализации репутационных механизмов, направленные на формирование именно таких формальных условий для кооперации участников уголовного судопроизводства. Степень реализуемости и конкретность предложений варьируются: одни могут быть внедрены относительно легко, другие – труднореализуемы, однако ценны для постановки вопроса и развития дискуссии. В совокупности эти предложения составляют концептуальную основу для последовательной модернизации институтов сотрудничества в уголовном судопроизводстве. В конечном счете ключевая задача законодателя заключается не в упразднении конфликта, а в его институциональном «одомашнивании» – преобразовании символического контракта из инструмента тактического обмана в стабильную основу для вынужденного, но подлинного сотрудничества в установлении истины.

Список источников

1. Парсонс Т. Социальная система : пер. с англ. М. : Акад. проект, 2018. 530 с.
2. Васильева А. А., Гаврилова Е. А. Сокращенное дознание: проблемные вопросы, основные направления их совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 2 (17). С. 38–42.
3. Ермаков А. А., Азархин А. В. Вопросы ответственности лица, нарушившего условия досудебного соглашения о сотрудничестве // Право

и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_5_352.

4. Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать, чтобы восстановить ее / пер. с англ. Д. А. Печегина ; под ред. М. А. Кудратова. М. : Инфотропик Медиа, 2019. 280 с.
5. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма : моногр. М. : Юнити-Дана, 2024. 384 с.
6. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York : Basic Books, 1984. 223 p.
7. Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. Жизнь и учение : в 6 кн. Кн. 2 : Нагорная проповедь. 2-е. изд. М. : Общецерковная аспирантура и докторантура : Познание : Изд-во Сретенского монастыря, 2017. 616 с.
8. Корчаго Е. В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «Plea Bargaining» в уголовном судопроизводстве США : дис. … канд. юрид. наук. М. : МГЮА, 2023. 177 с.
9. Нагуляк М. В. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – право или обязанность компетентных органов? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 6 (223). С. 62–65.
10. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Оренбург : Оренб. гос. ун-т, 2017. 62 с.

References

1. Parsons T. *The social system*. Moscow: Akademicheskij proekt; 2018. 530 p. (In Russ.)
2. Vasilyeva A. A., Gavrilova E. A. The abbreviated inquiry: problematic issues, main directions of their improvement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*. 2018;(2):38-42. (In Russ.)
3. Ermakov A. A., Azarkhin A. V. Issues of responsibility of a person who violated the terms of a pre-trial cooperation agreement. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2024;(5):352-355. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1337_2024_5_352.
4. Pizzi W. *Trials without truth: why our system of criminal procedure has become an expensive mistake and what we need to do to restore it.* Transl. from Engl. by D. A. Pechegin; ed. M. A. Kudratov. Moscow: Infotropic Media; 2019. 280 p. (In Russ.)
5. Cvetkov Yu. A. *Games judges play. Deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism.* Monograph. Moscow: Yuniti-Dana; 2024. 384 p. (In Russ.)
6. Axelrod R. *The Evolution of Cooperation.* New York: Basic Books; 1984. 223 p.

7. Metropolitan Hilarion (Alfeev). *Jesus Christ. Life and teaching.* In 6 vols. Vol. 2: The Sermon on the Mount. 2nd ed. Moscow: General Church Postgraduate and Doctoral Studies; Poznanie; Sretensky Monastery Publishing House; 2017. 616 p. (In Russ.)
8. Korchago E. V. *Development of the plea agreement institution in Russia and "Plea Bargaining" in USA criminal proceedings.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: Moscow State Law Academy; 2023. 177 p. (In Russ.)
9. Nagulyak M. V. Is dismissal of a criminal case due to reconciliation of parties is right and obligation of the relevant authorities? *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.* 2011;(6):62-65. (In Russ.)
10. Tisen O. N. *Theoretical and practical problems of the institution of pre-trial cooperation agreement in Russian criminal proceedings.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Orenburg: Orenburg State University; 2017. 62 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1).
Aleksey I. Tsyretorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Procedure Department, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russian Federation (1 Letchik Pilyutov St., St. Petersburg, 198206, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 34
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.163-171

Профессор И. В. Михайловский и его «судебное право»

Вячеслав Владимирович Николюк

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация
nvv56@mail.ru

Аннотация

Введение. Цель статьи – привлечь внимание к 120-летию проекта «Судебное право России в XX–XXI столетиях». Идея «судебного права» связана с именем профессора юридического факультета Императорского Томского университета Иосифа Викентьевича Михайловского, который специалистами в области уголовного процесса признан ученым, привнесшим в юриспруденцию совершенно новые подходы в понимании права, предмета юридических наук с возможностью выделения единой науки о судебной власти в монографии 1905 г. и специальной работе 1908 г.

Методы. В основе использованной методологии лежат общенаучные и специальные методы юридической науки, среди которых особое значение имеет метод юридического анализа. Исследование основано также на историко-правовом методе, включающем анализ архивных материалов, научных публикаций.

Результаты исследования. Профессор И. В. Михайловский принципиально перестроил в университете процесс обучения студентов, аспирантов и магистрантов. Автор статьи стремился подчеркнуть незаурядность личности профессора И. В. Михайловского, стержень которой составлял сплав глубокой просвещенности, философско-правовых взглядов, пропитанных духовностью и нравственностью, последовательностью и устойчивостью осознанно выбранных взглядов. Отмечается прикладной характер научных исследований И. В. Михайловского, обусловленный его «пятнадцатилетними личными наблюдениями судебной жизни».

Обсуждение и заключение. Автор также счел уместным напомнить о многогранности дарований И. В. Михайловского, что проявилось в написании им философско-правовых очерков, к которым до сих пор обращаются и российские, и зарубежные ученые.

Ключевые слова: право, суд, судебное право, концепция, судопроизводство, судоустройство, И. В. Михайловский

Для цитирования: Николюк В. В. Профессор И. В. Михайловский и его «судебное право» // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 163–171. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.163-171.

© Николюк В. В., 2026

Original article

Professor I. V. Mikhailovsky and His "Judicial Law"

Vyacheslav V. Nikoluk

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
nvv56@mail.ru

Abstract

Introduction. The purpose of this article is to draw attention to the 120th anniversary of the project "Judicial Law of Russia in the 20th–21st Centuries." The idea of "judicial law" is associated with Iosif Vikentyevich Mikhailovsky, a professor at the Faculty of Law of the Imperial Tomsk University. Experts in criminal procedure recognize him as a scholar who brought completely new approaches to understanding law and the subject of legal science to jurisprudence in his 1905 and 1908 works, making it possible to establish a unified science of judicial authority.

Methods. The methodology used is based on general and specialized legal methods, of which legal analysis is particularly important. The study also draws on a historical and legal approach, including the analysis of archival materials and scholarly publications.

Results. Professor I. V. Mikhailovsky fundamentally restructured the teaching process for undergraduate, graduate, and master's students at the university. The author of this article sought to highlight the extraordinary personality of Professor I. V. Mikhailovsky's work, the core of which was a fusion of profound enlightenment, philosophical and legal views imbued with spirituality and morality, and the consistency and stability of consciously chosen views. The applied nature of I. V. Mikhailovsky's research is noted, shaped by "fifteen years of personal observations of judicial life."

Discussion and Conclusion. The author also considered it appropriate to recall the multifaceted talents of I. V. Mikhailovsky, which manifested itself in his philosophical and legal essays, which are still consulted by both Russian and foreign scholars.

Keywords: law, court, judicial law, concept, legal proceedings, judicial system, I. V. Mikhailovsky

For citation: Nikoluk V. V. Professor I. V. Mikhailovsky and his "Judicial Law". *Pravosudie/Justice.* 2026;8(3):163-171. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.163-171.

Введение

Презентация профессором Императорского Томского университета И. В. Михайловским юридическому сообществу концепции судебного права произошла в его монографии «Об устройстве уголовного суда» (1905 г.) и в специальной работе, посвященной судебному праву как самостоятельной юридической науке (1908 г.). В результате зародилось целое самостоятельное научное направление, в рамках которого предполагаются и аргументируются: во-первых, создание единой науки о судебной власти и правосудии; во-вторых, необходимость разработки методологии комплексного преподавания в университетах студентам-юристам и магистрантам всех предусмотренных за-

конодательством того времени судебных процессов (гражданского, уголовного, административного); в-третьих, определение достаточности для усеченной конвергенции гражданского, уголовного и административного судопроизводства общих концептуальных признаков; в-четвертых, возможность консолидации норм процессуального и судоустройственного законодательства.

Оставаясь изначально в статусе университетского научно-образовательного проекта, теория судебного права И. В. Михайловского имела потенциал распространить свое влияние на сферу правового регулирования судебной деятельности, способствуя синхронизации в первую очередь многочисленных теоретических позиций в части понимания нюансов отправления правосудия, устройства судов. Поэтому довольно лестная оценка заслуг профессора в области юриспруденции, связанных с подготовкой в университетах юристов, заключенная во фразу: «И. В. Михайловский развил идею о науке судебных органов и их деятельности», абсолютно справедлива. Вместе с тем она далека от реального вклада И. В. Михайловского в развитие научных представлений о судебном праве. Как будет замечено далее, история отвела небольшой временной отрезок этому уникальному человеку для реализации идей об устройстве судебной власти, призванной реагировать на институциональные изменения в обществе. И. В. Михайловский занимался непосредственно реализацией идеи судебного права всего лишь несколько лет. Но зато результат этой идеи, оставаясь в рамках уже привычного его названия «судебное право», живет 120 лет – длинная дистанция даже по современным индикаторам динамичности общественных процессов.

В настоящее время можно назвать имена главных действующих лиц, принимавших или продолжающих принимать участие в реализации в той или ной форме не имеющего аналогов феномена «судебное право». Как правило, с каждым именем связано то или иное знаменательное событие, а то и несколько, формирующих правовое пространство, где феномен «судебное право» постоянно продуцирует встречные процессы в процессуальных отраслях права. Настоящая статья, как уже заметил читатель, аккумулирует материал о «первооткрывателе» «судебного права» – И. В. Михайловском.

Методы

В основе использованной методологии лежат общенаучные и специальные методы юридической науки, среди которых особое значение имеет метод юридического анализа. Исследование основано также на историко-правовом методе, включающем анализ архивных материалов, научных публикаций.

Результаты исследования

Будучи преданным русской университетской науке, искренне почитая ее, бережно относясь к каждому магистранту, исследующему правовую материю с позиций философии или общей теории права, специальных наук, И. В. Михайловский постоянно подчеркивал исключительную важность для государства и общества подготовки юристов высокой квалификации. Университетскую юридическую науку он никогда не рассматривал отдельно от обучения.

Выстраивая гармонически стройную систему преподаваемого материала, И. В. Михайловский, как будто рожденный педагогом и ученым, придерживался позиции последовательного постижения права в философско-правовом

контексте. Кратко этот тезис можно выразить так: философия права ставит перед собой задачу познать глубочайшую сущность того явления социальной жизни, которое называется правом, и связать затем это явление с мировым разумно-этическим порядком [1, с. 7].

Теоретически обоснованные и сформулированные И. В. Михайловским общие положения теории судебной деятельности (осуществления правосудия)[1], преобразованные в авторские научно-образовательные комплексы, в основание которых легла установка на междисциплинарное взаимодействие и подготовку разносторонних, «универсальных» юристов, активно внедрялись в университетах.

Здесь я позволю себе некоторые подробности в силу их важности для раскрытия внутреннего мира И. В. Михайловского. Так, напоминая о том, что с давних пор в университетском преподавании гражданский и уголовный процессы как юридические науки занимают подчиненное положение (цивилисты и криминалисты по общему правилу воспринимают указанные виды процесса как второстепенные, в связи с чем им уделяется очень мало внимания), И. В. Михайловский заключает: в университетской юриспруденции на фоне бедности русской процессуальной литературы вполне объяснимым является факт явно недостаточного числа ученых, специально работающих над процессом. «Из наших процессуалистов, напр., кроме Фойницкого, Тальберга, Владимирова и отчасти Палаузова, – сетует И. В. Михайловский, – почти нельзя назвать ни одного имени, как процессуалиста: все работают над уголовным правом, хотя очень многие постоянно читают курсы процесса» [3, с. 1739]. Добавляя к сказанному очередную порцию пессимизма, он делает неутешительный вывод: такое отношение к процессу должно отразиться неблагоприятно и на преподавании, что не подлежит ни малейшему сомнению [3, с. 1740].

Автору статьи, защитившему докторскую диссертацию по научной специальности «Уголовный процесс», это направление в профессиональной деятельности И. В. Михайловского особенно привлекательно. Не исключено, что в том числе и усилиями профессора И. В. Михайловского в настоящее время отставание ученых-процессуалистов от ученых, представляющих научную специальность «Уголовное право», фактически нивелировано.

В статье И. В. Михайловского «Судебное право как самостоятельная юридическая наука» ставился вопрос о возможности и целесообразности преодоления имеющихся различий между такими юридическими науками, как науки гражданского, уголовного и административного процесса, в целях формирования особой науки о правосудии, органах государства и должностных лицах, реализующих судебные функции. Без применения новой методологии научных изысканий и новых методик обучения студентов-юристов руководство подготовкой диссертаций магистрантами как особого сектора университетской жизни становилось объективно сложно. Преодолению этих трудностей и посвятил себя И. В. Михайловский, признанный в университетской среде одним из лучших лекторов: по каждой теме лекции он вел отдельную тетрадь, которая пополнялась различными сведениями и фактами, «оживавшими» в студенческих аудиториях.

---

[1] Этим вопросам И. В. Михайловский посвятил отдельную монографию. См.: [2].

Подчеркну следующую деталь: в связи с активизацией университетской науки и наполнением образовательного процесса новой юридически значимой информацией следовало объединить «под единой крышей» научно-практические и образовательные центры, что изначально, на старте концепции судебного права (1905 г.), и подразумевалось доктринальным и образовательным компонентами этой идеи. Надо сказать, что именно этот аспект концепции судебного права указывал на ее «заземленность», практическую полезность, обеспечивал ее жизнеспособность. Вполне естественно в этой связи смотрятся учрежденные еще в предыдущем столетии в ряде российских университетов и научно-исследовательских институтов крупные научные и учебно-методические центры, консолидирующие в качестве предмета изучения и научных исследований процессуальные отрасли права.

Эти задачи успешно решаются и университетскими кафедрами, также объединившими в статусе соответствующих учебных дисциплин различные виды процессуальных производств, посредством которых осуществляется правосудие.

О сотрудничестве И. В. Михайловского и Н. Н. Розина

Оба ученых, внесших весомый вклад в развитие теории русского уголовного процесса и судоустройства, серьезно повлияли на содержание отраслей знаний, входящих в предмет судебного права. Интересно, что они занимали принципиально совпадающие позиции относительно «единого процесса». Этих талантливых, незаурядных людей связывало также то, что они оказались коллегами, занимая должности профессора Императорского Томского университета. В этом статусе Н. Н. Розин (1871–1920) прослужил с 1900 по 1912 г., а И. В. Михайловский – с 1904 по 1919 г. Благодаря этому в течение практически восьми лет талантливые ученые-правоведы, у которых научное пристрастие всегда было приоритетом в сравнении с педагогической деятельностью, могли очно обсудить волнующие их вопросы, входящие в предмет специальных наук, изучающих судебное правоприменение. У названных ученых не было совместных научных работ.

Да и вне правовой науки профессор Н. Н. Розин и профессор И. В. Михайловский – разные творческие личности. Первый из них был весьма расположен к активному участию в общественной, политической жизни страны, университета в целом, поддерживал университетскую автономию, избирался депутатом 2-й Государственной Думы от Томской губернии. И. В. Михайловский славился как отличный музыкант и теоретик музыки, проводил занятия по истории музыки в музыкальных классах. Помимо теории уголовного судопроизводства и судоустройства И. В. Михайловский пристально изучал философию, опубликовал в 1906–1914 гг. серию очерков по философии права.

Подходы к пониманию перспектив и реальных возможностей «объединенных в одно целое процессуальных отраслей права» во многом были сходными. Однако объективно они не могли даже в первом приближении восприниматься как основа будущей научной концепции судебного права. На первом плане «юной» теории судебного права, базировавшейся фактически на исследованиях двух представителей томской школы права – И. В. Михайловского и Н. Н. Розина, продолжали оставаться вопросы формирования единой науки о судебной власти (доктринальный аспект). Поэтому у многих юристов

независимо от их специализации и профессиональной принадлежности стало формироваться убеждение о возможности и необходимости объединения правовых процессуальных массивов, имеющих немало общих связующих положений.

Дальнейшее развитие теории судебного права

И. В. Михайловский и Н. Н. Розин имели возможность вести научные исследования, связанные с проблематикой судебного права, в период с 1905 по 1913 г., т. е. в течение восьми лет. На фоне более чем векового возраста уголовно-процессуальной доктрины восемь лет теории судебного права – срок символичный. Именно поэтому И. В. Михайловскому, увидевшему теоретический и регулятивный потенциал объединенных процессуально-правовых конструкций, не может быть адресован упрек в том, что доктрина судебного права со временем превратилась в виртуальное хранилище высказанных преимущественно на страницах юридической печати и в профессиональных кругах юристов мнений и суждений, точек зрения и позиций, выводов и предложений по разным компонентам, входящим в состав судебного права. Учение о судебном праве настолько трансформировалось и оторвалось от своего предназначения, что перестало удерживать в рамках предмета своего регулирования большую часть судебной деятельности, включая вопросы, разрешаемые в форме правосудия.

Указанное направление в теории судебного права еще более четко обозначилось в связи с опубликованием в 1913 г. профессором Е. В. Васьковским, специализирующимся в области гражданского процесса, одноименного курса, где автор выступил с предложением не ограничиваться отождествлением судебного права с одноименной наукой, а создать самостоятельное судебно-процессуальное право [4, с. 143, 145]. Поскольку в основе его идеи лежит фактор единства гражданского, уголовного и административного судопроизводства в силу одинаковой их процессуальной природы, данный подход изначально не исключает, а, напротив, предполагает при появлении определенных условий интеграцию названных видов судебной деятельности.

И все же если попытаться определить степень концептуализации идеи судебного права до начала XX в., до Октябрьской революции 1917 г. и позже, на момент смены имперского периода в жизни России на советский, постреволюционный, то можно обнаружить признаки лишь начинающей формироваться теории судебного права. Не случайно и весьма оригинально по сходному поводу уже в наши дни высказался Т. В. Соколов, предпринимающий попытки отыскать и определить перспективный методологический подход или даже новую культурную парадигму для наук о правосудии и процессуальном праве. Ученый считает, что именно наличие соответствующего методологического направления «…представляется крайне важным, поскольку оно задает границы развития данных наук и, что важно, законодательных инициатив и следующих за ними изменений. Иными словами, – подчеркивает Т. В. Соколов, – такое направление станет своеобразным компасом и гранитными берегами в развитии российской процессуально-правовой науки» [5, с. 187].

Таким образом, зарождающейся теории судебного права предстояло, опираясь на фундаментальные, выработанные юридической наукой положения о единстве гражданского, уголовного и административного судопроизвод-

ства в силу одинаковой их природы, пройти период становления. Но, оказавшись в исторически жестких временны́х рамках противоборства имперского и советского режимов, теория судебного права не имела объективных предпосылок для ритмичного развития.

По этим причинам развитие теории судебного права, едва заявившей о себе как части новой специальной науки о судебной власти, фактически было приостановлено. Авторы и проводники идеи судебного права стали объектом репрессий с осуждением и изоляцией их от общества, а идея судебного права была объявлена буржуазной («чуждой»)… Теории судебного права не хватило буквально нескольких лет для того, чтобы укрепиться.

Идеи о судебном праве опираются на объективно существующие обстоятельства, взаимосвязанные между собой и в системном единстве дающие цельное представление о сходстве судебных процессов – гражданского, уголовного, административного. На них распространяются одни и те же принципы, что подчеркивает родовое понятие процесса. Несходство процессов (гражданского, административного, уголовного) не носит институционального характера, а сама судебная деятельность едина по существу, имеет одну цель. Это создает предпосылки для формирования особой науки, изучающей судебную власть, осуществление правосудия, виды процессов, его реализующих.

Предмет науки судебного права, по замыслу И. В. Михайловского, должен включать судоустройство с чистой идеей суда как охранителя права, охранителя личности, суда как одной из важнейших гарантий культурно-правового государства [3].

При этом ученый искренне верил – и это можно ощутить при внимательном и неоднократном прочтении его рассуждений о закономерностях зарождения идеи судебного права, ее многоаспектности – в то, что новая научная дисциплина предостережет процессуалистов от одностороннего увлечения огромным техническим материалом науки, предложит им новые конструкции.

Обсуждение и заключение

Автору и носителю идеи судебного права И. В. Михайловскому не суждено было наблюдать ход и результаты «советского» и «постсоветского» этапов ее реализации. Профессор Императорского Томского университета И. В. Михайловский, автор идеи признания судебного права самостоятельной юридической наукой и внесший весомый вклад в развитие философии права с ее назначением приносить пользу специальным наукам путем дачи им указаний, предложений, обозначения путей устранения пробелов, односторонности, увлечения при проведении узких специальных исследований [1], скончался в 1921 г. в возрасте 54 лет.

За период работы в Томском университете, начиная с 1904 г., И. В. Михайловский награжден тремя орденами и медалью, его труды публиковались в ведущих изданиях – «Право»», «Вестник права», «Журнал Министерства юстиции», «Вопросы философии и психологии», в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Однако это не помешало властям осудить к пяти годам лишения свободы выдающегося ученого в области уголовного процесса, судоустройства и философии права. Несмотря на то что по ходатайству ректора университета он был освобожден из лагеря в связи с резким ухудшением

здоровья (1920 г.), вскоре сердце его остановилось. Россия лишилась таланта, который только-только начал раскрываться…

Что касается дальнейшего продвижения и закрепления в правовом пространстве теоретических основ судебного права с принятием практических мер, адекватных уровню развития служебной судебной инфраструктуры, то уже тогда можно было представить или прогнозировать хотя бы основные события, которые будут определять содержание послереволюционного периода.

Для первого этапа (1920–1990) характерны: отторжение советской доктриной феномена «судебное право», имевшего «буржуазное», «имперское» происхождение; волюнтаризм, проявившийся в директивах «высокого совещания работников права» 1939 г. о порядке рассмотрения вопросов гражданского и уголовного процесса – в рамках одной науки судебного права или раздельно; подмена ключевых понятий, терминов, т. е. обесценивание категориального аппарата в теоретических разработках, посвященных судебному праву, что в конечном итоге приводит к инфляции результатов проведенных исследований в целом. Категориальный ряд любого закона – квинтэссенция культурных традиций, ценностных подходов, существующих в праве и выражающих уровень правосознания в обществе. Они «замыкаются» на цивилизационный код отечественного права, не терпят произвольного с ними обращения.

Второй этап (с начала 90-х гг. и по настоящее время) характеризуется робкими попытками «нового прочтения» доктрины судебного права ее сторонниками, число которых заметно сократилось. Причиной тому стала утрата доверия к данному научному направлению, хотя оно с помощью жесткого администрирования поддерживалось членом-корреспондентом Академии наук СССР М. С. Строговичем в 1930–1980 гг. В свою очередь, снижение интереса к рассматриваемому научному проекту было обусловлено бездоказательностью сделанных на страницах юридической печати заявлений, включая самого М. С. Строговича, о фактически осуществленном объединении в едином законе (интересно было бы узнать, в каком?) процессуально-правовых отраслей [6, с. 59]. При этом соответствующий акт не назван и до сих пор неизвестен.

Результаты «новых подходов» (как их именуют авторы проведенных в последние 10–15 лет исследований) к рассмотрению феномена «судебное право» неизбежно возвращают к старым проблемам, которые напоминают о том, что сначала следует определить, какие процессуальные формы нужны для эффективного отправления правосудия, а какие-то судебные процедуры, возможно, станут обременительными.

Список источников

1. Михайловский И. В. Очерки философии права. М. : Тип. И. Н. Кушнерева, 1914. 436 с.
2. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск : Типолит. Сибир. т-ва печат. дела, 1905. 37 с.
3. Михайловский И. В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука (к вопросу о системе юридических наук) // Право. 1908. № 32. С. 1736–1740.

4. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М. : Тип. И. Н. Кушнерева, 1913. 544 с.
5. Соколов Т. В. Унификация российского процессуального права и возрождение концепции судебного права // Образование и право. 2020. № 10. С. 187–192.
6. Строгович М. С. Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 59–67.

References

1. Mikhailovsky I. V. *Essays on the philosophy of law.* Moscow: I. N. Kushnerev Printing House; 1914. 436 p. (In Russ.)
2. Mikhailovsky I. V. *Basic principles of the organisation of criminal court.* Tomsk: Siberian Printing Partnership; 1905. 37 p. (In Russ.)
3. Mikhailovsky I. V. Judicial law as an independent legal science (on the question of the system of legal sciences). *Pravo = Law.* 1908;(32):1736-1740. (In Russ.)
4. Vaskovsky E. V. *Course of civil procedure.* Vol. 1. Moscow: I. N. Kushnerev Printing House; 1913. 544 p. (In Russ.)
5. Sokolov T. V. Unification of Russian procedural law and the revival of the concept of judicial law. *Obrazovanie i pravo = Education and Law.* 2020;(10):187-192. (In Russ.)
6. Strogovich M. S. Judicial law: subject, system, science. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law.* 1979;(12):59-67. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1), заслуженный деятель науки Российской Федерации.
Vyacheslav V. Nikoluk, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (build. 1, 25 Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation), Honored Scientist of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 17.05.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 16.06.2026.

Научная статья
УДК 341.64
DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.172-192

Международное судопроизводство в эпоху искусственного интеллекта

Василиса Олеговна Нешатаева

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
vneshataeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7527-0863

Аннотация

Введение. Искусственный интеллект (ИИ) и сопутствующие высокие технологии прочно вошли в различные сферы общественных отношений, государственной деятельности. Правосудие – не исключение. Искусственный интеллект трансформирует системы правосудия во всем мире, открывая новые возможности для улучшения доступа к правосудию, оптимизации ведения дел и содействия принятию судебных решений.

Отдельные государства занимают проактивную позицию и принимают специальные законы об искусственном интеллекте (например, Россия, Южная Корея, Казахстан, Италия) или разрабатывают программные документы – национальные стратегии в этой сфере (ОАЭ, Чили, Аргентина, Бразилия, Турция, Германия, Франция и др.).

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой исследования выступает совокупность положений общей теории права, международного публичного и частного права, а также междисциплинарных концепций искусственного интеллекта и права, с особым акцентом на модели трансформации правовых институтов под влиянием технологического прогресса и на концепцию «мягкого права» (soft law) как основного регулятора отношений в сфере ИИ на международном уровне. В работе использован комплекс методов: диалектический (рассмотрение правового регулирования в развитии), системно-структурный анализ (для классификации направлений применения ИИ), формально-юридический (при анализе международных актов и судебных решений), сравнительно-правовой (для сопоставления подходов различных юрисдикций и международных организаций), метод анализа конкретных казусов (case-study, на примерах использования ИИ в Суде ЕС, ЕСПЧ, арбитражах и национальных судах), а также статистический метод для количественной оценки эмпирических данных, что в совокупности обеспечивает комплексный характер исследования с учетом динамичности и многогранности объекта.

Результаты исследования. Международное судопроизводство также является областью потенциально активного внедрения достижений ИИ. Автор проанализировал в настоящей статье сферы использования ИИ в международном праве,

© Нешатаева В. О., 2026

особенности применения ИИ в международном судопроизводстве. Рассмотрены препятствия и риски при использовании ИИ.
На международном уровне правовое регулирование ИИ традиционно происходило посредством норм мягкого права. Но 2024 год ознаменовался принятием сразу двух международно-правовых актов регионального характера по данному вопросу: Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека и Регламента Европейского союза об искусственном интеллекте.
Обсуждение и заключение. Проведенный анализ показывает, что искусственный интеллект постепенно внедряется в международное право и судопроизводство, открывая возможности для мониторинга исполнения обязательств, выявления обычаев, толкования договоров, администрирования судебных процессов, сбора доказательств и помощи заявителям, однако его использование сопряжено с серьезными рисками: непрозрачностью алгоритмов, ошибками и галлюцинациями ИИ, угрозами правам человека (на справедливый суд и частную жизнь) и опасностью утраты профессиональных навыков судей, что усугубляется тревожной статистикой использования ИИ без должной подготовки (44% опрошенных применяют ChatGPT и аналоги, но лишь 9% прошли обучение). В ответ на эти вызовы международное сообщество переходит от «мягкого права» к юридически обязательным нормам, что подтверждается принятием в 2024 г. Рамочной конвенции Совета Европы об ИИ и правах человека и Регламента ЕС об ИИ. Перспективы развития ИИ в международном правосудии видятся в двух направлениях: интеллектуализация вспомогательных процессов (администрирование, перевод, поиск информации) и использование ИИ в качестве аналитического инструмента для судей, но без замены человеческого контроля, который должен оставаться краеугольным принципом, вытекающим из права на доступ к правосудию. Задача международного сообщества – не препятствовать технологическому прогрессу, а направить его в русло, обеспечивающее приоритет прав человека, независимость судебной власти и незыблемость принципов справедливого правосудия, сделав ИИ слугой, а не хозяином правосудия, для чего необходима дальнейшая разработка международных стандартов, этических кодексов и механизмов контроля.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международные организации, международные суды, международное судопроизводство, международное право, права человека

Для цитирования: Нешатаева В. О. Международное судопроизводство в эпоху искусственного интеллекта // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 3. С. 172–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.172-192.

Original article

International Adjudication in the Age of Artificial Intelligence

Vasilisa O. Neshataeva

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
vneshataeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7527-0863

Abstract

Introduction. Artificial intelligence (AI) and related high technologies have become firmly entrenched in various spheres of public relations and state activities. Justice is no exception. Artificial intelligence is transforming justice systems worldwide, opening up new opportunities to improve access to justice, streamline case management, and facilitate judicial decision-making.

Some states are taking a proactive stance and adopting specific laws on artificial intelligence (e. g., Russia, South Korea, Kazakhstan, Italy) or developing policy documents and national strategies in this area (UAE, Chile, Argentina, Brazil, Turkey, Germany, France, etc.).

Theoretical Basis. Methods. The theoretical framework of the study comprises a set of principles of general legal theory, international public and private law, as well as interdisciplinary concepts of artificial intelligence and law, with particular emphasis on models of transformation of legal institutions under the influence of technological progress and on the concept of "soft law" as the primary regulator of AI-related relations at the international level. The research employs a comprehensive set of methods: dialectical (examining legal regulation in its development), systemic-structural analysis (for classifying areas of AI application), formal-legal (in analyzing international instruments and judicial decisions), comparative-legal (for comparing approaches of different jurisdictions and international organizations), case-study method (using examples of AI use in the CJEU, ECtHR, arbitrations, and national courts), as well as statistical method for quantitative assessment of empirical data, which collectively ensures the comprehensive nature of the study given the dynamic and multifaceted character of the subject matter.

Results. International adjudication is also an area where the achievements of AI could be actively implemented. In this article, the author has analyzed the areas of AI use in international law, the specifics of its application in international legal proceedings, and examined the obstacles and risks associated with its use.

At the international level, legal regulation of AI has traditionally taken place through soft law norms. However, 2024 was marked by the adoption of two regional international legal instruments on this matter: the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights and the European Union Regulation on Artificial Intelligence (also known as the Artificial Intelligence Act or AI Act).

Discussion and Conclusion. The conducted analysis shows that artificial intelligence is gradually being integrated into international law and adjudication, opening up opportunities for monitoring compliance with obligations, identifying customs, interpreting treaties, administering judicial processes, collecting evidence, and assisting applicants. However, its use entails serious risks: lack of algorithmic transparency, errors and hallucinations of AI, threats to human rights (to a fair trial and privacy), and the danger of loss of professional skills among judges, which is aggravated by the alarm-

ing statistic of AI use without proper training (44% of respondents use ChatGPT and similar tools, but only 9% have received training). In response to these challenges, the international community is moving from “soft law” to legally binding norms, as confirmed by the adoption in 2024 of the Council of Europe Framework Convention on AI and Human Rights and the EU AI Act. The prospects for AI development in international justice are seen in two directions: the intellectualization of support processes (administration, translation, information retrieval) and the use of AI as an analytical tool for judges, but without replacing human control, which must remain a cornerstone principle deriving from the right of access to justice. The task of the international community is not to hinder technological progress, but to guide it in a direction that ensures the primacy of human rights, the independence of the judiciary, and the inviolability of the principles of fair justice, making AI a servant, not a master of justice, which necessitates further development of international standards, ethical codes, and control mechanisms.

Keywords: artificial intelligence, international organizations, international courts, international adjudication, international law, human rights

For citation: Neshataeva V. O. International adjudication in the age of artificial intelligence. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(3):172-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.3.172-192.

Введение

Идея разработки машины, способной учиться на собственном опыте, возникла после Второй мировой войны в труде британского математика Алана Тьюринга[1]. В 1950 году он опубликовал статью «Вычислительные машины и разум», в которой задался целью определить, может ли машина мыслить, и сформулировал так называемый «тест Тьюринга»[2]. В 1969 году работа Герберта Саймона по решению задач человеком также стала важной вехой в реализации новых проектов, связанных с «искусственным интеллектом» (ИИ) как способом преодоления ограниченной рациональности[3]. Эти разработки заложили основу для будущих исследований в области искусственного интеллекта, которые материализовались лишь в последнее время.

Современный бум исследований и приложений ИИ связан с появлением феномена «больших данных»[4]. Доступность больших объемов данных, которые потенциально могут быть использованы с помощью интеллектуальных адаптивных алгоритмов, – одна из причин, по которой ИИ вышел за рамки лабораторных исследований и теперь все чаще используется в повседневной жизни. ЭВМ способны эффективно извлекать огромные объемы данных, которые затем анализируются для выявления закономерностей и корреляций.

---

1 *Press G.* A Very Short History of Artificial Intelligence (AI) // Forbes. 2016. 30 Dec. URL: https://www.forbes.com/sites/gilpress/2016/12/30/a-very-short-history-of-artificial-intelligence-ai/ (дата обращения: 01.08.2026).

2 *Turing A. M.* Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 49. P. 433–460.

3 *Simon H. A.* The Sciences of the Artificial. The MIT Press, 1969. 148 p.

4 *Surden H.* Machine Learning and Law // Washington Law Review. 2014. Vol. 89, issue 1. P. 100.

Технологии ИИ могут поддерживать, а иногда и заменять людей в процессе принятия решений во многих сферах общественной жизни, например в секторе потребительских и финансовых услуг. В последние годы использование ИИ также переходит из частного в государственный сектор (например, активное внедрение технологий с использованием ИИ в рамках отечественного портала «Госуслуги» и т. п.).

Исключением не является сфера судопроизводства: автоматизация процедуры судопроизводства как на международном, так и на национальном уровнях направлена на повышение процедурной эффективности, снижение временны́х и финансовых издержек, повышение доступности правосудия[5].

Научно-технический прогресс и связанные с ним изменения в общественных отношениях неоднократно оказывали серьезное влияние на развитие международного права. Например, технические достижения в области мореплавания в XV–XVII вв. не только положили начало эре великих географических открытий, но и способствовали формированию в международном праве одним из его отцов-основателей – Гуго Гроцием концепции *mare liberum*[6], нашедшей свое отражение в современных международных договорах по морскому праву (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и др.). Научно-технический прогресс в военной сфере и его влияние на динамику военных конфликтов привели к формированию многих институтов современного международного права (например, запрет конкретных видов вооружения и оружия массового уничтожения в отрасли международного гуманитарного права), а также к развитию системы международного правосудия (выстроена архитектура международных судов и трибуналов).

Текущий исторический период, сопровождающийся развитием высоких технологий и ИИ, также не является исключением. Международное право реагирует на вызовы, обусловленные использованием искусственного интеллекта, формируя общие для человечества подходы к этой проблематике в международных договорах и нормах мягкого права[7]. Международные суды формируют судебную практику по наиболее сложным, комплексным вопросам юридического и этического характера в этой сфере, а международные институции постепенно внедряют технологические наработки ИИ в работу системы международного правосудия[8].

---

5 *Saritomo U., Redi A.* The Role of Artificial Intelligence in Improving Efficiency of the Legal System // Jurnal Indonesia Sosial Teknologi. 2025. No. 6. P. 1298–1306.

6 Hugo Grotius Mare Liberum 1609–2009: Original Latin Text and English Translation. Netherlands : Brill, 2009.

7 UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted 23.11.2021 // UNESCO : [website]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 01.08.2026) ; OECD Principles on Artificial Intelligence: adopted 22.05.2019 // OECD : [website]. URL: https://oecd.ai/en/ai-principles (дата обращения: 01.08.2026).

8 Для целей настоящей статьи термин «международное правосудие» используется как широкая категория и включает различные институты и механизмы, целью которых является разрешение международных споров (в международном публичном праве – с участием государств, в международном частном праве – юридических лиц с иностранным элементом).

В Российской Федерации с 1 сентября 2026 г. действует Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»[9], а приказом Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации[10].

Теоретические основы. Методы

Теоретической основой настоящего исследования выступает совокупность фундаментальных положений общей теории права, международного публичного и частного права, а также концепций, разрабатываемых в рамках междисциплинарного подхода к изучению искусственного интеллекта и права.

В работе анализируются доктринальные подходы к определению сущности и правосубъектности искусственного интеллекта, его места в системе современных общественных отношений. Особое внимание уделяется теоретическим моделям взаимодействия технологий ИИ и права, в частности дискуссиям о трансформации традиционных правовых институтов (источников права, правотворчества, правоприменения) под влиянием технологического прогресса. Ключевое значение для работы имеет концепция «мягкого права» (soft law) как основного регулятора отношений в сфере ИИ на международном уровне на современном этапе, а также анализ пределов нормативной жесткости, вносимой региональными актами (Рамочная конвенция Совета Европы, Регламент ЕС об ИИ).

Исследование базируется на диалектическом методе познания, позволившем рассмотреть эволюцию правового регулирования и правоприменительной практики в области ИИ в их развитии и взаимосвязи. В качестве общенаучных методов использованы:

– системно-структурный анализ для классификации сфер и направлений применения ИИ в международном праве и судопроизводстве, а также для выявления внутренних взаимосвязей между различными элементами этого процесса;

– формально-логический метод для формулирования определений и умозаключений о сущности и правовых последствиях внедрения ИИ в деятельность международных судов и иных органов.

Среди специальных методов ведущая роль отводится:

– формально-юридическому методу, примененному при анализе текстов международных договоров, решений международных судов, резолюций международных организаций и национальных законодательных актов для выявления конкретных правовых норм и правил, регламентирующих или затрагивающих использование ИИ;

– сравнительно-правовому методу, который использовался для сопоставления подходов различных международных организаций и национальных юрис-

---

[9] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003?ysclid=muo7aiegl609562349.

[10] URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/e6c/it574hdekh7g0wsqywf72r30co2luq2f.pdf?ysclid=muo7c2cvsn739805498.

дикций к регулированию ИИ, а также для выявления общего и особенного в практике их применения в судебных системах (в частности, опыта Суда ЕС, Межамериканского суда по правам человека и национальных судов);

– методу анализа конкретных казусов (case-study), который позволил детально изучить прецеденты использования ИИ в международном и национальном правосудии (например, применение инструмента eDiscovery в США, системы распределения дел в Польше, проекты по прогнозированию решений ЕСПЧ и др.) и выявить связанные с ними риски и преимущества;

– статистическому методу для оценки количественных данных, характеризующих масштабы применения ИИ (например, объем анализируемых доказательств в МУС, процент обоснованности жалоб в ЕСПЧ, результаты опросов судебных работников).

Выбор указанной методологии обусловлен сложным, многогранным и динамичным характером объекта исследования, требующим комплексного подхода к анализу как правовых текстов, так и практических аспектов функционирования международных судебных институтов в условиях цифровизации.

Результаты исследования

Практическое применение ИИ в международном праве

Оптимисты полагают, что в сфере международного права в будущем ИИ сможет способствовать не только развитию международного права, но и преодолению ряда характерных для него проблем. Некоторые специалисты считают, что в будущем ИИ повлияет на саму «архитектуру правового регулирования», что приведет к переходу от нормативного регулирования к ненормативному, технологичному регулированию. Это спровоцирует формирование такой среды, которая сделает некоторые варианты поведения недопустимыми или невозможными [1, p. 29–56].

Применительно к возможностям использования ИИ в международном праве можно выделить две области.

I. Искусственный интеллект и общее международное право

В данном случае ИИ может быть использован в утилитарных целях развития международного права. Таких возможностей несколько.

1. Мониторинг исполнения международно-правовых обязательств государствами [1].

На сегодняшний день существуют разрозненные инициативы по операционному мониторингу деятельности государств в различных сферах (экология, права человека, кибер-преступления и др.). Как правило, такие инициативы реализуются на национальном уровне или независимыми группами экспертов. Международные организации постепенно вступают в эту сферу для целей обобщения материалов мониторинга.

Например, проект Climate Trace – это независимая группа экспертов, с 2021 г. использующая ИИ и данные с более чем 745 млн источников выброса парниковых газов за период 2015–2025 гг. для отслеживания данных о выбросах парниковых газов в реальном времени и проверки достоверности национальных отчетов стран в рамках Парижского соглашения[11]. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) запустила восьми-

[11] См. подробнее о проекте: https://climatetrace.org/.

летнюю программу AIM4Forests, направленную на поддержку мониторинга лесов в 20 странах мира на основе современных технологий мониторинга и технических инноваций, а также использования космических данных и дистанционного зондирования[12].

В области предупреждения преступлений против культурного наследия существует несколько баз данных похищенных культурных ценностей. Одна из крупнейших национальных баз данных – итальянская Leonardo, поддерживаемая Командованием по охране культурного наследия итальянских карабинеров, которая содержит информацию о более чем 1,3 млн похищенных предметов и более чем 7 млн зарегистрированных объектов культурного наследия. Недавно эта база данных была дополнена проектом S.W.O.A.D.S. (Stolen Works Of Art Detection System). S.W.O.A.D.S. – это ИИ-платформа, связанная с указанной национальной базой данных о похищенных культурных ценностях. Система сканирует открытые торговые площадки, PDF-каталоги аукционных домов и источники в даркнете, используя распознавание изображений и текста для выявления потенциальных совпадений. Сообщения проверяются обученными сотрудниками. Менее чем за два года S.W.O.A.D.S. способствовала возвращению более 200 похищенных предметов. Карабинеры работают над расширением возможностей системы по обнаружению предметов искусства, включенных в Красные списки ИКОМ[13], а также по анализу видеоконтента. Новая разработка – S.W.O.A.D.S.net – призвана объединить правоохранительные органы на международном уровне, позволяя им обмениваться данными и сопоставлять их напрямую, не полагаясь на централизованную базу данных. Проект S.W.O.A.D.S. и мобильное приложение iTPC, разработанные карабинерами, улучшают и расширяют программные компоненты базы данных Leonardo с точки зрения больших данных, машинного обучения и технологии блокчейн[14].

База данных Интерпола о похищенных произведениях искусства – единственная международная база данных, содержащая заверенную полицией информацию о похищенных и пропавших произведениях искусства. Она объединяет описания и изображения более чем 52 000 предметов из 134 стран и позволяет пользователям дополнить свой поиск, загрузив изображение любого произведения искусства и проверив его с помощью программного обеспечения для сопоставления изображений. В 2021 году Интерпол запустил мобильное приложение ID-Art, предоставляющее пользователям полный мобильный доступ к базе данных Интерпола по похищенным произведениям искусства. Пользователи также смогут составлять описи своих собственных коллекций произведений искусства и сообщать о культурных ценностях, потенциально находящихся под угрозой[15].

---

[12] См. подробнее о программе: https://www.fao.org/in-action/aim4forests/activities/our-activities/en.

[13] «Красные списки» Международного совета музеев (ИКОМ) включают культурные ценности, находящиеся под угрозой незаконного оборота.

[14] См. подробнее о проекте: https://tpcweb.carabinieri.it/SitoPubblico/home.

[15] См. подробнее о проекте: https://www.unidroit.org/unidroit-welcomes-interpols-id-art-mobile-application/.

2. Выявление международно-правовых обычаев. Как известно, международно-правовой обычай – это один из наиболее распространенных и специфических источников международного права, состоящий из двух элементов – практики государств и *opinio juris sive necessitatis*. Зачастую установление международно-правового обычая – непростая задача, требующая анализа большого количества информации, поскольку свидетельства государственной практики и *opinio juris* содержатся в бесчисленных официальных документах, дипломатической переписке, национальном законодательстве, судебных решениях, стенограммах дебатов в международных организациях и других источниках, на разных языках и в разных форматах[16]. Традиционный ручной анализ невероятно трудоемок и может быть неполным. ИИ может способствовать идентификации наличия обычая в международном праве за счет анализа массива информации. Так, в 2025 г. в Королевском колледже Лондона инициирован проект «The Praxis-Belief Continuum», который ставит своей задачей революционный подход к анализу и выявлению международно-правовых обычаев с помощью технологий ИИ[17].

3. Толкование текстов международно-правовых актов. Язык играет ключевую роль в толковании обязательств, закрепленных в международных договорах. Иногда возникают языковые споры в случае неправильного или различного перевода с основного языка международного договора на другие языки. Поэтому ожидается, что сотрудничество между переводчиками-людьми и машинным переводом на основе глубокого обучения сыграет решающую роль в повышении качества перевода международных текстов, включая решения международных судов и трибуналов. Кроме того, для уже существующих переведенных материалов методы искусственного интеллекта, такие как Bilingual Evaluation Understudy (BLEU), могут оценивать качество перевода [2]. Алгоритм BLEU сравнивает последовательные фразы автоматического перевода с последовательными фразами, которые он находит в эталонном переводе, и взвешенно подсчитывает количество совпадений.

4. Содействие в дипломатической работе[18]. Искусственный интеллект применяется для составления речей, справок, анализа видеозаписей дебатов в международных организациях, сортировки электронных писем, для формирования позиции на международных переговорах, оперативной консульской помощи гражданам за рубежом. Таковы, например, япон-

---

[16] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 2018 г., A/RES/73/203. «Выявление международного обычного права». URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/73/203.

[17] См. подробнее о проекте: The Praxis-Belief Continuum: Revealing customary international law through AI-assisted analysis. 23.06.2025. URL: https://www.kcl.ac.uk/the-praxis-belief-continuum-revealing-customary-international-law-through-ai-assisted-analysis.

[18] Цифра и искусственный интеллект на службе дипломатии : аналитический доклад / Е. С. Зиновьева, Н. А. Цветкова, Э. Л. Сидоренко и др. ; под ред. Е. С. Зиновьевой ; МГИМО МИД России, Кафедра мировых политических процессов. М. : МГИМО-Университет, 2024. 68 с.

ская система «Tabiregi»; индийский чат-бот «Madad», австралийская система «Sophie»[19].

5. Формирование позиции в международных переговорах и в международных судах. Государства могут начать использовать машинное обучение или инструменты компьютерного анализа текстов для выявления закономерностей в международных правовых текстах в поддержку своей позиции на переговорах по заключению международных договоров, а также в международных судебных разбирательствах [3].

6. ИИ и международное гуманитарное право. Как показывают военные конфликты последних лет, технологии ИИ активно применяются на поле боя. Помимо современных типов оружия, разработанных с использованием современных технологий ИИ, его применение также выявлено на этапах, предшествующих применению силы, – в процессе планирования атаки, наведения на цель и оценки последствий атак. На практике это включает развертывание систем разведки, наблюдения и рекогносцировки, которые используют автоматизированный анализ изображений с беспилотников и спутников для идентификации и определения приоритетности объектов, представляющих интерес в условиях плотной застройки.

Большое внимание в международном праве уделяется правовому регулированию использования ИИ в автономных системах вооружения (АСВ). Автономные системы вооружения – это системы вооружения, которые выбирают цели и применяют к ним силу без вмешательства человека. Это означает, что после первоначальной активации или запуска человеком АСВ могут самостоятельно выбрать цель и начать атаку, что, безусловно, несет в себе высокие риски для человека. Для решения этих проблем Международный Комитет Красного Креста (МККК) призвал государства разработать международные правила в отношении автоматизированных систем вооружения (АСВ). Международные правила должны предусматривать, в частности, запрет на непредсказуемые АСВ и использование АСВ для нанесения ударов по людям. В 2023 году президент МККК и Генеральный секретарь ООН совместно призвали к переговорам о разработке юридически обязательных международных правил в отношении АСВ[20]. Вслед за этим призывом 22 декабря 2023 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 78/241 «Смертоносные автономные системы вооружений», которая подразумевает дальнейшую разработку данного вопроса[21]. Очевидно, что при формировании такого регулирования должен быть сделан акцент на человеческий контроль и человеческое суждение.

---

[19] Artificial Intelligence: Redefining Diplomacy in the Digital Age // Hermes: Centre for European Studies : [website]. 16.07.2025. URL: https://www.hermescse.eu/en/artificial-intelligence-redefining-diplomacy-in-the-digital-age/ (дата обращения: 01.08.2026).

[20] The Shaping of International Rules on AI and AI Governance: Some Humanitarian Considerations // ICRC : [website]. 09.11.2025. URL: https://www.icrc.org/en/article/shaping-international-rules-ai-and-ai-governance-some-humanitarian-considerations (дата обращения: 01.08.2026).

[21] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2023 г. A/RES/78/241 «Смертоносные автономные системы вооружений». URL: https://docs.un.org/ru/a/res/78/241 (дата обращения: 01.08.2026).

Несмотря на обозначенные выше перспективы использования ИИ в общем международном праве, следует выделить объективные препятствия для его эффективного использования.

Во-первых, это проблемы, связанные с природой международного права. Как известно, международное право обладает особенностью – длительным (как правило) периодом формирования писаных норм и обычаев (десять и более лет). Следовательно, есть существенный риск, что будет иметь место временной разрыв между естественным формированием таких норм и ИИ-технологий. Соответственно, для ИИ будет недостаточно достоверной информации о сформировавшихся нормах. Но в таком случае, полагаем, есть возможность опираться на такие особые регуляторы, характерные для международного права, как общие принципы международного права и «мягкое право» для восполнения возникающих правовых лакун.

Ко второй группе проблем относятся проблемы, связанные с ИИ как технологией [2]. Как было указано выше, эффективное применение ИИ основывается на больших данных. Отсутствие структурированной и широко доступной информации может привести к искажению результатов [1, p. 29]. В частности, в международном праве отсутствует единая система органов власти и, соответственно, жестко структурированная иерархия источников. Более того, большой пласт информации скрыт от широкой общественности (например, детали дипломатических переговоров или конфиденциальные решения международного коммерческого арбитража и т. д.), что не дает возможности корректно выстраивать алгоритмы для анализа и выявления закономерностей.

II. Искусственный интеллект и международное судопроизводство

Международное судопроизводство может стать одной из первых сфер международного права, которая в полной мере способна эффективно использовать достижения в области ИИ. Автоматизация ИИ уже имеет успешный опыт внедрения в различные области судопроизводства на национальном уровне [3]. Особенно активно ИИ используется при альтернативном разрешении споров, онлайн-разрешении споров, а также в государственных судах[22]. Автоматизация этих процедур направлена на максимизацию процедурной эффективности и минимизацию издержек за счет автоматизации принятия решений. Эти знания могут быть относительно легко перенесены на международный уровень.

Выделяется несколько сфер применения ИИ в международном судопроизводстве.

1. Организация деятельности международных судов

Международные суды пока достаточно консервативны в использовании ИИ в своей работе. Пионером в использовании ИИ является Суд Европейского союза (далее – Суд ЕС, Европейский суд справедливости), который не только уже применяет ИИ-технологии в своей повседневной работе, но и разработал Стратегию в области искусственного интеллекта (2023 г.), принял

[22] *Scherer M.* Artificial Intelligence and Legal Decision-Making: The Wide Open? Study on the Example of International Arbitration // Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2019. No. 318 (May 22). P. 562–572. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3392669 (дата обращения: 01.08.2026).

Этическую хартию по вопросам ИИ (2026 г.) и создал собственную инновационную лабораторию для тестирования и внедрения технологических новинок (2019 г.)[23].

Полагаем, что ИИ может использоваться в международных судах двумя способами.

Во-первых, международные суды, оснащенные ИИ, могут использовать эту технологию **для администрирования внутренних процессов**. Соответствующий опыт уже есть в национальных юрисдикциях.

По данным Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ), использование инструментов и услуг ИИ в судебных системах может повысить эффективность и качество правосудия и, как правило, должно поощряться. Ряд европейских стран (Сербия, Грузия, Словакия, Польша) используют автоматизированные системы принятия решений для, например, распределения дел между судьями. При этом в качестве негативных факторов отмечается, что независимый мониторинг и аудит автоматизированных систем принятия решений невозможны, поскольку системам не хватает базовой прозрачности. Основной вопрос заключается в том, насколько выбор в этих системах случаен и существует ли возможность вносить изменения, следовательно, они могут быть «обмануты». Как показывают опросы, автоматизированные системы принятия решений, используемые для управления судами, непрозрачны даже для самих судей.

> *Так, в 2025 г. в Суд ЕС поступил преюдициальный запрос от Окружного суда в Варшаве касательно системы распределения дел между судьями, действующей в Польше (SPSL), в связи с неопубликованием исходного кода этого инструмента и трудностями с установлением его уязвимости[24]. Особую озабоченность вызвал тот факт, что в ходе одного распределения дел один судья получил 56 дел, а другие – ни одного[25].*

Искусственный интеллект может быть использован для администрирования внутренних процессов в международных судах. Учитывая высокую консервативность международных судов в отношении новых технологий, в большинстве случаев они рассматривают ИИ лишь как объект правового регулирования. Среди пионеров внедрения ИИ в свою деятельность можно выделить Суд ЕС, Единый патентный суд ЕС, Межамериканский суд по правам человека.

---

[23] Artificial Intelligence Strategy // Court of Justice of the European Union : [website]. 2023. URL: https://curia.europa.eu/site/upload/docs/application/pdf/2023-11/cjeu_ai_strategy.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[24] Request for a preliminary ruling from the Sąd Okręgowy w Warszawie (Poland) lodged on 26 February 2025 – B.Ż, V. sp. z o.o. v T. SA, Ł.W. (Case C-159/25, Rowicz) // EUR-Lex : [website]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62025CN0159 (дата обращения: 01.08.2026).

[25] Использование искусственного интеллекта в судебных системах: перспективы и риски: доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов. A/80/169 // ООН : [сайт]. 16 июля 2025 г. URL: https://docs.un.org/ru/A/80/169 (дата обращения: 01.08.2026).

Европейский суд справедливости в Люксембурге использует алгоритмы ИИ для следующих целей[26]:

• *автоматизации документов*: система управления делами SIGA интегрирует функции автоматического извлечения ссылок, создания гипертекстов и генерации метаданных («дескрипторов») для судебных решений;

• *перевода:* для преодоления языковых барьеров в мультилингвальном международном судопроизводстве Суд планирует использовать алгоритмы нейронного перевода для автоматического создания субтитров и транскрипции судебных заседаний в реальном времени;

• *анонимизации*: ИИ используется для автоматического удаления персональных данных из судебных документов перед их публикацией, что значительно ускоряет работу архивистов.

Межамериканский суд по правам человека тоже постепенно внедряет технологии ИИ в свою работу[27]. Так, в Суде применяется платформа Themis IA для систематического и организованного поиска судебной практики[28]. ИИ используется для организации перевода.

Аналогичный опыт использования ИИ применяется Международным судом ООН.

Единый патентный суд в рамках ЕС с марта 2026 г. начал применять технологию ИИ для ведения протоколов устных слушаний. При этом итоговый документ обязательно проверяется и утверждается человеком (секретарем или судьей), который несет за него полную ответственность[29].

Во-вторых, инструменты на основе ИИ могут использоваться международным судом **в процессе принятия решений**. В этом контексте следует отметить, что процесс принятия судебных решений можно разделить на четыре этапа.

(1) Сбор информации (сбор, фильтрация, определение приоритетов и понимание данных)

Как показывает практика национальных судов, ИИ может эффективно и рационально организовывать информацию, распознавая закономерности данных и извлекая релевантную информацию из больших объемов информации. Известны случаи использования новых технологий в США и Великобритании. Например, инструмент eDiscovery использует машинное обучение для извлечения релевантных фрагментов из больших объемов ин-

---

[26] Artificial Intelligence Strategy : [website]. URL: https://curia.europa.eu/site/upload/docs/application/pdf/2023-11/cjeu_ai_strategy.pdf#:~:text=This%20document%20outlines%20the%20Artificial,the%20governance%20and%20architectural%20approach.

[27] *Llorens M.* Artificial Intelligence and Human Rights Courts: Understanding the Challenges // VerfBlog. 2025/12/08. URL: https://verfassungsblog.de/artificial-intelligence-and-human-rights-courts/ (дата обращения: 01.08.2026).

[28] См. подробнее: https://themisia.corteidh.or.cr/.

[29] AI assisted minute-taking extended to Unitary Patent oral hearings // European Patent Office : [website]. URL: https://www.epo.org/en/news-events/news/ai-assisted-minute-taking-extended-unitary-patent-oral-proceedings (дата обращения: 01.08.2026).

формации. Стороны договариваются о том, какие поисковые запросы и кодирование использовать для этих целей, а затем судья оценивает и может утвердить достигнутую договоренность сторон спора о выбранном алгоритме[30].

В Южной Корее активно развиваются инструменты искусственного интеллекта для первоначального анализа дел, которые могут автоматически извлекать ключевую информацию из жалоб или обвинительных заключений, генерировать процессуальные документы, прогнозировать сроки и определять применимое право. Применяется также инструмент ИИ для помощников судей, позволяющий проводить контент-анализ: он в хронологическом порядке перечисляет события из аргументов обеих сторон в структурированном, табличном или визуальном формате и выделяет повторяющийся контент, чтобы помочь судьям сосредоточиться на том, что действительно является предметом спора[31].

В африканском регионе на данный момент только две страны (Марокко и Танзания) интегрируют ИИ в свои судебные системы[32]. Марокко использует ИИ для расшифровки судебных решений, проведения исследований и поиска архивных текстов. Страна также планирует использовать ИИ для автоматической записи и расшифровки судебных заседаний, решая проблемы, связанные с диалектом дарижа и амазигских (берберских) языков. Танзания внедрила систему транскрипции и перевода на основе ИИ, предназначенную для работы с различными диалектами суахили.

На международном уровне первопроходцем в интеграции ИИ является Европейский суд справедливости, который предлагает использовать алгоритмы ИИ для юридических исследований и анализа огромных объемов данных, поиска релевантных прецедентов и выявления связи между делами. Кроме того, Суд ЕС и Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) изучают алгоритмы для целей фильтрации, т. е. классификации жалоб и выявления потенциальных прецедентов, чтобы справиться с огромным количеством нерассмотренных дел.

(2) Анализ информации (анализ и интерпретация данных, а также формулирование выводов и прогнозов)

ИИ может консультировать судей при принятии окончательного решения.

Известно, что в ряде стран в уголовном судопроизводстве, учитывая обширную доступность данных, широко используются инструменты на основе ИИ для прогнозирования судебных процессов, а также для оценки и прогнозирования вероятности рецидива правонарушителей[33].

---

[30] Hyles v City of New York et al, 2016; Winfield v City of New York, 2017.

[31] *Runyon N.* How Asia Pacific region courts are managing AI adoption // Thomson Reuters : [website]. URL: https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/ai-in-courts/asia-pacific-courts-ai/ (дата обращения: 01.08.2026).

[32] Artificial intelligence and the future of judicial systems in Africa report (2024) // Lawyers Hub : [website]. 2024. URL: https://cdn.sanity.io/files/ectljjpl/production/b3339da3aa3dfb97a80cb6c65073a7a3445e8348.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[33] *Završnik A.* Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights // ERA Forum. 2020. Vol. 20. P. 567–583. DOI: 10.1007/s12027-020-00602-0.

Например, алгоритм Фонда Арнольда, который внедряется в 21 юрисдикции США, использует 1,5 млн уголовных дел для прогнозирования поведения обвиняемых на досудебной стадии. Во Флориде для определения размера залога также используются алгоритмы машинного обучения.

На международном уровне такая практика в настоящий момент отсутствует. Тем не менее обсуждается возможность использования ИИ для прогнозирования судебных решений, что часто называют «предиктивным правосудием».

В исследовании 2016 г. был проведен анализ решений ЕСПЧ, вынесенных на английском языке[34]. Исследование было сосредоточено на трех положениях Европейской конвенции о правах человека: ст. 3 (запрещение пыток); ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство); ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни). Эти положения были выбраны в связи с большим количеством дел, а также с равным количеством решений, устанавливающих нарушение, и решений, не устанавливающих нарушений, что обеспечило достаточно данных ИИ-инструментам для составления обоснованных прогнозов. В исследовании использованы текстовая информация из предыдущих судебных решений, а также обработка естественного языка и машинное обучение. В качестве задачи исследования ставился прогноз относительно конкретной ситуации: признает ЕСПЧ в конкретной ситуации, что было допущено нарушение конкретного положения Европейской конвенции по правам человека, или нет. Итогом исследования стал прогноз с общей точностью 79%. Доктор Николаос Алетрас, возглавлявший исследование в Отделении компьютерных наук Университетского колледжа Лондона, пояснил, что ИИ не заменит судей или адвокатов, но будет полезен для быстрого выявления закономерностей. Целью исследования является в конечном итоге создание основы для прогнозирования решений *ex ante* по будущим делам, особенно по повторяющимся.

Разумеется, такого рода исследования и их результаты пока слишком условны. Очевидно, что выбранные для анализа части судебных решений или части фактических обстоятельств могут по-разному повлиять на исход такого анализа.

(3) Выбор решения (определение приоритетов / ранжирование альтернативных вариантов решения) и (4) реализация решения (выполнение выбора)

Третий и четвертый элементы также активно обсуждаются учеными и практиками [4]. Ответ, вытекающий из последних рекомендаций и исследований, намеренно сдержан: ИИ может помогать судьям, но он не должен их заменять. Такой вывод обусловлен правом человека на доступ к правосудию.

Право на доступ к правосудию на универсальном уровне следует из положений ст. 8 (право на эффективное средство правовой защиты) и ст. 10 (право на гласное рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом с соблюдением требований справедливости) Всеобщей декларации прав че-

---

[34] *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // PeerJ Computer Science. 2016. Vol. 2. Art. e93. DOI: 10.7717/peerj-cs.93.

ловека 1948 г., а также из ст. 2 (3) (право на эффективное средство правовой защиты) и ст. 14 (право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Право на справедливое судебное разбирательство также включает право на рассмотрение своего дела компетентным, независимым и беспристрастным судом (Комитет по правам человека, замечания общего порядка № 32 (2007). Как было отмечено в докладе «Использование искусственного интеллекта в судебных системах: перспективы и риски», представленном на Генеральной Ассамблее ООН 16 июля 2025 г. Специальным докладчиком по вопросу о независимости судей и адвокатов, это требует доступа к реальному судье[35].

Документ ЮНЕСКО «Глобальный инструментарий по искусственному интеллекту и верховенству права для сотрудников судебных органов» содержит анализ прав человека, затрагиваемых ИИ. ЮНЕСКО описывает склонность к автоматизации как «одну из наиболее серьезных угроз, возникающих при использовании систем ИИ при отправлении правосудия». Допущение некритического согласия с решениями, принимаемыми системами ИИ, может привести к изменению судебной аргументации, направленной не на объяснение причины принятия того или иного решения, а на обоснование того, почему не был принят результат, предложенный системой. Такое изменение серьезно подорвет основной принцип принятия взвешенных решений[36].

2. Помощь гражданам и их представителям в формировании и подаче обращений, исков в международные суды (международные органы по правам человека)

ИИ-технологии могут быть полезными, например, для физических лиц при подготовке и подаче исков в международные суды по правам человека или международные органы по защите прав человека.

Так, на сегодняшний день существует интернет-платформа JustBot, разработанная некоммерческой организацией Tech-R и Университетом Осло. Цель данной платформы – улучшить качество жалоб в ЕСПЧ и повысить доступность к международному правосудию. Как отмечается на самой платформе, 40% жалоб признаются неприемлемыми ввиду их неполноты и только 5% достигают стадии вынесения судебного решения[37]. На данный момент платформа доступна только на английском языке, но разработчики поставили цель обеспечить ее доступность и на других языках.

---

[35] Использование искусственного интеллекта в судебных системах: перспективы и риски : доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов. A/80/169 // Организация Объединенных Наций : [сайт]. 16 июля 2025 г. URL: https://docs.un.org/ru/A/80/169 (дата обращения: 08.08.2026).

[36] United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). Global Toolkit on AI and the Rule of Law for the Judiciary. Paris, 2023. P. 128–145. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388103 (дата обращения: 01.08.2026).

[37] JustBot: платформа для подачи жалоб в ЕСПЧ. URL: https://justbot.org/ (дата обращения: 01.08.2026).

3. Помощь в установлении фактов и сборе доказательств в рамках международных судебных процессов

Зачастую подготовка позиции для представления в международном суде обусловлена установлением фактов и сбором доказательств. Особенно эта проблема критична для дел, связанных с нарушением международного гуманитарного и международного уголовного права. Так, в районах международных конфликтов сложно собирать доказательства, например, путем их посещения. Кроме того, документальные доказательства подвергаются высокому риску уничтожения [3, § 14]. В связи с этим правозащитные организации начали использовать ИИ для обнаружения доказательств военных преступлений и нарушений прав человека в зонах военных конфликтов, которые могут быть представлены в международных судах или международных органах по защите прав человека. Соответствующая инициатива была предложена Университетом Суонси в Великобритании совместно с рядом правозащитных организаций посредством создания базы данных видео и фото, документирующих нарушения прав человека. Данный архив использовал все доступные источники в отношении конфликтов в Ливии и Сирии (фото очевидцев, журналистов, а также данные информационных платформ)[38]. Впоследствии эти материалы использовались для формирования доказательственной базы соответствующих исков в международных судах.

Также известна система E-Lamp, разработанная Университетом Карнеги – Меллона (США), которая представляет собой набор инструментов для анализа фото- и видеоархивов сирийской войны[39].

Одним из первых в этой области среди международных судов стал Международный уголовный суд (МУС). В 2023 году офис прокурора МУС запустил онлайн-платформу для подачи доказательств «OTPLink». Любой желающий может отправить электронные файлы через веб-сайт, а отправленные материалы хранятся в облачном хранилище «eVault». Согласно «Ежегодному отчету Управления прокурора МУС за 2025 год» объем электронных доказательств, хранившихся в прошлом году, составляет около 57 терабайт – более 14 000 фильмов высокого разрешения[40]. Для анализа этих данных также используется система электронного анализа документов «RelativityOne». Ее встроенные возможности искусственного интеллекта позволяют классифицировать и искать более 4,3 млн документов и отбирать материалы, наиболее релевантные для дел[41].

---

[38] *Hao K.* Human rights activists want to use AI to help prove war crimes in court // MIT Technology Review. 2020. June 25. URL: https://www.technologyreview.com/2020/06/25/1004466/ai-could-help-human-rights-activists-prove-war-crimes/ (дата обращения: 01.08.2026).

[39] *Piracés E.* Collecting, Preserving, and Verifying Online Evidence of Human Rights Violations // Carnegie Mellon University : [website]. URL: https://www.cmu.edu/chrs/news-events/2018/collecting-verifying-online-evidence.html (дата обращения: 01.08.2026).

[40] Office of the Prosecutor Annual Report 2025 // International Criminal Court : [website]. 2025. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-annual-report.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[41] *Lim H.-G.* International Criminal Court pushes ahead with AI adoption. How will it overcome the 'reliance on U.S. Big Tech' issue // Khan Academy : [website].

Безусловно, при использовании ИИ в указанных целях неминуемо возникает риск создания цифровой подделки доказательств, в связи с чем встает вопрос о верификации таких доказательств.

4. Организация деятельности международных коммерческих и инвестиционных арбитражей

ИИ используется в международном арбитраже для решения различных задач, включая: анализ материалов дела, внутреннее администрирование (планирование, отслеживание сроков, управление файлами, составление стенограмм слушаний), онлайн-разрешение споров, юридические исследования и поиск судебной практики сторонами, обеспечение конфиденциальности (посредством использования программ, выявляющих утечку данных или несанкционированного доступа), организацию слушаний, составление стандартных разделов арбитражных решений, а также назначение арбитров. Некоторые системы ИИ были разработаны для выполнения функций виртуальных арбитров или медиаторов, предоставляя автоматизированную нейтральную сторону для облегчения процесса разрешения споров. Хотя эти системы не предназначены для замены арбитров-людей, они могут помочь в предварительных переговорах и установлении фактов[42].

Например, приложения Legal Tech, такие как Ross, DISCO и Kira и др., помогают сторонам и арбитрам ориентироваться в документах, организовывать доказательства и анализировать контракты на предмет наличия релевантной информации.

Объем данных, доступных в международном арбитраже, может способствовать более быстрому внедрению ИИ, но существует множество ограничений, описанных автором выше. Многие арбитражные соглашения и, следовательно, решения являются конфиденциальными, что затруднит их надлежащую обработку системой ИИ.

Несмотря на эти трудности, такие приложения, как проект Arbitrator Intelligence, собирают и анализируют информацию о решениях, принимаемых международными арбитрами. Проект Arbitrator Intelligence создает базу данных об арбитрах[43].

Касательно вопроса использования ИИ в качестве ассистента арбитра нельзя не упомянуть недавнее дело *LaPaglia v. Valve Corp.*, рассмотренное в федеральном суде США.

> *Истец подал ходатайство об отмене арбитражного решения на том основании, что арбитр якобы настолько полагался на ИИ, что «передал свою роль арбитра на аутсорсинг». В качестве доказательства своей позиции истец указал, что в решении содержатся «явные признаки генерации ИИ» и приводятся факты, которые «являются ложными и не были представлены в суде или при-*

18.02.2026. URL: https://www.khan.co.kr/en/article/202602181049007 (дата обращения: 01.08.2026).

[42] *Chatterjee P., Singhania A., Sharma Y. S.* Technology and artificial intelligence: Reengineering arbitration in the new world // International Bar Association : [website]. URL: https://www.ibanet.org/tchnology-and-artificial-intelligence-reengineering-arbitration-in-the-new-world (дата обращения: 01.08.2026).

[43] См. подробнее: https://arbitratorintelligence.com.

сутствуют в материалах дела без каких-либо соответствующих ссылок». Более того, представитель истца попросил ChatGPT проанализировать и идентифицировать, был ли конкретный абзац оспариваемого решения написан человеком или сгенерирован ИИ. ChatGPT ответил: «Неуклюжая формулировка абзаца, избыточность, бессвязность и чрезмерные обобщения свидетельствуют о том, что этот отрывок был сгенерирован искусственным интеллектом, а не написан человеком». Кроме того, в ходе устных слушаний сам арбитр рассказал сторонам о своем опыте использования ChatGPT для написания статьи в целях экономии времени. Суд отклонил ходатайство об отмене арбитражного решения и не рассматривал спор по существу, ограничившись отказом по процессуальным основаниям.

Тем не менее это дело свидетельствует в наличии дискуссии о пределах использования ИИ в арбитраже и связанных с этим юридических и этических обязанностях.

На сегодняшний день регламенты ведущих арбитражных учреждений мира (Лондонский, Сингапурский, Гонконгский арбитражи и др.) не содержат отдельных положений по данному вопросу[44]. Уже появляются документы «мягкого права» в этой области. Например, Руководство по использованию искусственного интеллекта в арбитраже, разработанное Центром арбитража и медиации Силиконовой долины («SVAMC»), от 30 апреля 2024 г. устанавливает руководящие принципы для арбитров, включая руководящие принципы 6 (непередача полномочий по принятию решений) и 7 (уважение к надлежащей правовой процедуре)[45].

Заключение

Профессиональным сообществом высказываются опасения относительно использования ИИ в судопроизводстве, несмотря на его активное применение в этой области.

---

[44] When arbitrators use AI: La Paglia v.Valve and the Boundaries of Adjudication // Aceris Law : [website]. URL: https://www.acerislaw.com/when-arbitrators-use-ai-lapaglia-v-valve-and-the-boundaries-of-adjudication/ (дата обращения: 01.08.2026).

[45] Согласно п. 6 «арбитр не должен делегировать какую-либо часть своих личных полномочий какому-либо инструменту ИИ. Этот принцип особенно применим к процессу принятия решений арбитром. Использование инструментов ИИ арбитрами не должно заменять их независимый анализ фактов, права и доказательств».

Пункт 7 гласит: «Арбитр не должен полагаться на информацию, сгенерированную ИИ, вне рамок протокола, без предварительного уведомления сторон и, насколько это практически возможно, предоставления сторонам возможности прокомментировать ее. Если инструмент ИИ не может указать источники, которые могут быть независимо проверены, арбитр не должен предполагать, что такие источники существуют или точно охарактеризованы инструментом ИИ». SVAMC AI Guidelines (First Edition) // Silicon Valley Arbitration and Mediation Center : [website]. URL: https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2025/04/SVAMC-AI-Guidelines-First-Edition.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

Среди ключевых рисков указываются:

– риск ошибок и галлюцинаций ИИ (например, выдача ложной информации – несуществующей нормы закона или судебной практики и др.);

– отсутствие транспарентности используемых алгоритмов и программ;

– нарушение прав человека (право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной жизни);

– утрата профессиональных навыков в судебной системе (в том числе критического анализа).

Недавнее исследование ЮНЕСКО выявило тревожную тенденцию: 44% участников судебных процессов разных стран, включая судей, прокуроров и адвокатов, используют в своей работе инструменты искусственного интеллекта, такие как ChatGPT, однако лишь 9% из них прошли надлежащую институциональную подготовку или получили необходимые рекомендации по использованию ИИ[46]. Этот вывод, полученный в результате опроса участников из 96 стран, вызывает серьезные этические и юридические опасения.

Новые технологии и искусственный интеллект в правосудии – это тенденция и вызов текущего дня. Международное сообщество и отдельные государства должны обеспечить базовые права человека на доступ к правосудию и не позволить новым технологиям подорвать доверие к институту судопроизводства. Напротив, задача завтрашнего дня – поставить ИИ на служение национальному и международному правосудию.

Список источников

1. Maas M. M. International law does not compute: artificial intelligence and the development, displacement or destruction of the global legal order // Melbourne Journal of International Law. 2019. No. 20. P. 29–79.
2. Rhim Y.-Y., Park K. The applicability of artificial intelligence in international law // Journal of East Asia and International Law. 2019. Vol. 12, no. 1. P. 117–134.
3. Dimitropoulos G. Artificial intelligence and international adjudication // Oxford Public International Law. 2022. URL: https://opil.ouplaw.com/page/ai-international-adjudication (Accessed: 20.07.2026).
4. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Искусственный интеллект на службе правосудия: современное состояние и будущее : моногр. М. : Проспект, 2025. 176 с.

References:

1. Maas M. M. International law does not compute: artificial intelligence and the development, displacement or destruction of the global legal order. *Melbourne Journal of International Law.* 2019;(20):29-79.

[46] UNESCO Global Judges' Initiative: survey on the use of AI systems by judicial operators // UNESCO : [website]. 2024. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389786 (дата обращения: 01.08.2026).

2. Rhim Y.-Y., Park K. The applicability of artificial intelligence in international law. *Journal of East Asia and International Law*. 2019;12(1):117-134.
3. Dimitropoulos G. Artificial intelligence and international adjudication. *Oxford Public International Law*. 2022. URL: https://opil.ouplaw.com/page/ai-international-adjudication (Accessed: 20.07.2026).
4. Bikmiev R. G., Burganov R. S. *Artificial intelligence in the service of justice: current state and future*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2025. 176 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Нешатаева Василиса Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Vasilisa O. Neshataeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 05.05.2026; принята к публикации 16.06.2026.
The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 05.05.2026; accepted for publication 16.06.2026.